

**ДЕЛО
В ШЛЯПКЕ...**
(Читайте стр. 16-17)

- Уроки Кузбасса. Фотоочерк
- Собственность: мнимые владельцы. Позиция ученого
- ГЭС на Катунь. Цена издержек
- Роман Грегори Макдональда «Флетч»
- Многозарядный бизнес. Актуальная беседа

ПОСЛЕ

И затянулась пауза. Пауза молчания. Трудно припомнить толковое выступление комсомольского «босса» по самым злободневным моментам нашей жизни. Будь то политика, будь то экономика... Почему? Потому что не спрашивают? Потому что не хотят, чтобы спросили? Или потому, что нечего сказать? А между тем скандально шествует по экранам фильм «ЧП районного масштаба», продолжая развенчивать и без того уже блеклую славу ВЛКСМ, точнее, его руководителей. И странно — речь в фильме идет о руководителях «тех» времен (попробуем с этим согласиться), но зритель невольно проецирует «те» характеры и «те» дела на дела и характеры нынешние. А нынешние? Нынешние молчат. Хотя многие из них пришли на комсомольскую работу совсем недавно, и, более того, это совсем другие люди. Почему же они должны жить в глазах молодежи «освященные» событиями и поступками «тех» лет? Почему они должны отбрасывать тень, которая принадлежит не им? В конце концов, если говорить о возвращении веры в ВЛКСМ, нужно услышать голоса руководителей союза. Узнать, что думают они по вопросам, которые обсуждают сегодня на площадях, на улицах, на кухнях, по телефону большинством неравнодушных людей. Вот, собственно, причины, которые побудили нас выбрать одного из комсомольских лидеров и отправить к нему с волнующими многими вопросами. Впрочем, этого лидера мы выбрали не случайно. Мы решили отправить в край, печально известный деяниями его бывшего партийного руководителя — товарища Медунова. Именно там, в Краснодаре, и состоялась беседа нашего специального корреспондента Андрея ЮРЬЕВА с первым секретарем Краснодарского крайкома ВЛКСМ Константином ЗАЗИРИМ.

— Костя, первый вопрос я хочу задать, что называется, «в лоб». Объясни, как сегодня заниматься идеологической работой среди молодежи, если молодежь постоянно задумывается о том, что во всем мире нынешний социализм проигрывает капитализму, и прежде всего в самом главном — в экономической самостоятельности и соответственно в жизненном уровне людей?

— (После паузы.) Ну-у-у... Честно говоря... Ничего себе вопросик!.. Но все-таки, по-моему, социализм еще рано хоронить. Точнее — не рано хоронить тот извращенный социализм, которым каждый из нас уже сыт по горло. Я думаю, столь жестокая расплата за ошибки, которую мы сегодня переживаем, чему-нибудь нас всех научит. В общем, шанс — наверняка последний шанс — еще не упущен. Исходя из такого трезвого понимания ситуации, нужно строить и идеологическую работу.

— А что ты думаешь по поводу отмены частной собственности как одной из основополагающих задач построения социалистического общества? Лично я считаю, что, отменяя ее, большевики поторопились,

не учли законов непростой эволюции самой природы человека, развивающейся, с моей точки зрения, так: космос — он «наш», поскольку он абстрактен, но дом — он «мой», поскольку я в нем живу. И так далее... То есть, по-моему, эта насажденная идея задавила естественное стремление человека к самореализации и спровоцировала многочисленные социально-психические отклонения: это и преступность, и взяточничество, и нежелание плодотворно работать, и повальная взаимонеприязнь, которая чувствуется в людях все больше. Так что ты думаешь обо всем об этом?

— Я думаю, что вообще ничего нельзя отменять декларативно. Жаль, конечно, что нам понадобилось семьдесят лет, чтобы понять: лозунгами и идеями трудно двигать прогресс и совершенствовать человеческую душу, нужны конкретные материальные стимулы. Впрочем, сегодня мы вернулись-таки к вопросу о собственности, и его решение — перспектива перестройки. Настораживает другое: люди настолько отвыкли от предприимчивости, их настолько развратила мизерная, но стабильная зарплата, многие уже настолько не верят государству... Короче, даже хорошие, прогрессивные идеи, которые мы пытаемся проводить в жизнь, прогибаются с огромным трудом. Например, в нашем крае сегодня распадаются многие арендные коллективы. Столкнувшись с первыми трудностями, которые создают ведомства, министерства, некоторые хозяйственники и чиновники, люди опускают руки, не хотят больше мучиться. Они устали. Устали за десятилетия обещаний и лжи. Устали продираться к тому, что должно быть нормой. По-моему, сегодня важно хоть в малом заинтересовать человека. Мне видится очень перспективной система акционерных обществ. Но и она, увы, продвигается слишком медленно.

— Так ты ведь сам говоришь: устали люди, не верят. Я бы даже круче сказал: люди уже и в перестройку зачастую не верят, поскольку ее ветер, говоря образно, поднимает пыль, но не выворачивает старые, большие деревья с корнями...

— Вся надежда на молодежь. Не верят в основном представители старшего поколения. Они на собственной шкуре испытали все реформы по отмене реформ, поэтому их трудно в чем-либо переубедить. Взять ситуацию с теми же кооператорами. Провозгласили, люди поверили, а сейчас — откат... Второй раз кооператор уже не возьмется за дело. Только что появился проект закона по налогообложению. Я считаю, что вначале нужно было выпустить этот закон, а потом уже создавать кооперативы. В ситуации нестабильности предприниматели постараются резко обогатиться и так же резко сбросят обороты. Не секрет, что лишь единицы думают о расширении производства, о расширении рынков сбыта. Большинство заботится о создании стабильной материальной базы в собственной семье, рассуждая так: построим коммунизм в семье, а там будь что будет... И их можно понять: стремление человека к материальной стабильности в неста-

бильной стране вполне естественно. Мне совершенно непонятно, почему людей до сих пор лишают возможности вкладывать деньги в какие-либо частные проекты и при этом твердят о том, что у населения скопились огромные суммы денег...

— Костя, а ты можешь привести хоть один пример, когда наше государство ощутило позаботилось о человеке на деле, а не на словах?

— (После паузы.) Но-о-о... Вроде бы все время заботится... Строится жилье... Как-то решаются проблемы с товарами... Да, согласен: практика порочная — государство реагирует только когда давление «снизу» становится криминальным. Предусмотрительным наше государство назвать трудно. Впрочем, разрешенный плюрализм мнений можно назвать заботой. Люди освобождаются от груза невысказанных мыслей. Это важно.

— Но тем не менее это весьма откровенный плюрализм. «Остропирамидальная власть» сохраняется. Яркое тому подтверждение — совмещение постов генсека и Председателя Верховного Совета. А если вспомнить, как проходил Съезд, легко понять, что Горбачев часто диктовал свое мнение весьма послушным депутатам...

— Во-первых, были и непослушные, а во-вторых, Горбачеву все труднее становится диктовать. Это было видно даже в ходе последующей сессии Верховного Совета. Размышляющих и протестующих становится все больше. А насчет совмещения постов... Тут я хочу вспомнить одну педагогическую шутку. Возьмите, говорит учитель, по куску мела в правую и левую руку и попробуйте написать одновременно на доске правой рукой слово «папа», а левой слово «мама». Вряд ли что-нибудь получится. Лично я считаю, когда человек занимается одним делом — это гораздо полезнее. По-моему, такого совмещения можно было бы избежать. Мне кажется, когда на XIX партконференции принимали решение о совмещении постов, в стране была совершенно другая ситуация...

— Значит, кандидатура Оболенского, выдвинутая самим Оболенским, вполне могла бы прозвучать в противовес кандидатуре Горбачева? А как, по-твоему, Горбачев сознательно промолчал, не поддержав идеи Оболенского и других депутатов о создании прецедента альтернативной кандидатуры? Генсек побоялся конкуренции?

— Я не телепат. Мне трудно сказать, о чем в ту минуту думал Генеральный секретарь. Но альтернативная кандидатура вполне могла бы быть. Весь вопрос — чья кандидатура. Оболенский? Я что-то сомневаюсь, хотя, быть может, просто плохо знаю качества этого человека. Но, несомненно, если бы Горбачев поддержал идею Оболенского, то выиграл бы в глазах общественного мнения.

— Еще мне интересно узнать, что ты думаешь о конфликте Лигачев — Ельцин, вернее, об одной из версий этого конфликта, которая заключается в том, что это противостояние запрограммировано заранее. С одной

стороны, для поддержания идеи о плюрализме, с другой — для отвлечения народных мозгов от проблемы пустых прилавков.

— Я слышал об этой версии. Но мне она видится весьма надуманной. Уже хотя бы потому, что никакими политическими играми не прикрыть пустоту прилавков. В том, что ты называешь противостоянием, я вижу естественное развитие жизни и борьбы. Насколько понимаю, Лигачев — сторонник большей постепенности в поступках и большей осторожности в решениях. Ельцин — более резкий политик. Кроме того, сам Лигачев говорил на XIX партконференции, что Ельцин его ставленник. И вообще вряд ли наши партийные стратеги умеют так изощренно прогнозировать политику.

— Костя, а ты не думаешь, что партия вообще затеяла перестройку только для того, чтобы подольше продержаться у власти? То есть перестройка — осознание вынужденной необходимости, но не движение разума, продиктованное СОВЕСТЬЮ.

— (После паузы.) И все-таки, по-моему, партийными лидерами двигало искреннее желание исправить положение дел в государстве. Думаю, что и советские сыграла немаловажную роль. Надо ли ставить в заслугу партии то, что именно она начала перестройку? А кто еще в нашей стране мог бы это сделать? Другое дело, что партия оказалась сейчас в сложнейшей ситуации, поскольку за последствия всегда отвечает тот, кто начинает. И я нынешнюю ситуацию в стране мог бы сравнить с управлением падающего самолета. Штурвал тянешь на себя, а самолет продолжает падать... Я к тому, что предложенные методы преодоления кризиса — методы разумные, но они не могут дать скороспелого результата. А люди хотят скорее и скорее, людям уже невмогуту.

— Я согласен: за несколько лет партия сделала ряд решительных конструктивных шагов. К сожалению, этого нельзя сказать о комсомоле. Или я не прав и ты можешь привести примеры, которые опровергнут мой пессимизм?

— Его довольно трудно опровергнуть. Но все-таки трудно забывать, что комсомол — отражение всей системы, одна из ее структур, а ведь мы сейчас говорим о кризисе этой системы. К сожалению, в комсомоле до сих пор мало людей, которые способны мыслить и работать по-новому. Причем мыслить современно, экономически грамотно, без оглядок на прошлый лозунговый опыт. И все-таки можно поставить в заслугу комсомолу то, что он пусть не всегда, но научился реагировать на интересы конкретного молодого человека и пытается эти интересы отстаивать. Или хотя бы не мешать их реализации. Возьмем ту же идею с МЖК. Идея замечательная, хотя должен заметить, что МЖК сейчас не просто прогибают, а прогрызают себе дорогу. Идет нештучная борьба и с хозяйственниками, и с исполкомами. Еще я думаю, что мы до сих пор ставим какие-то задачи «громче», чем это нужно. Не стоит восклицать: давайте построим дворец, если мы можем построить только хижи-

ИДУЗЫ

ну. Мне думается, на нынешнем этапе важно сосредоточиться на конкретных, пусть даже малых, делах. Уверен, для продуктивной работы комсомолу необходим крепкий материальный тыл. Тогда мы сможем помогать молодежи реально. Я считаю, что в каждом районе, в каждой области должна быть хозяйственная организация, которой руководит комсомол.

— То есть ты считаешь, что создание собственных коммерческих предприятий — одна из важнейших задач нынешнего комсомола?

— К счастью, так считает уже большое число людей. И такие есть даже среди партийных работников.

— А почему — даже?

— Это так, к слову... Так вот, создание таких предприятий позволяет, к примеру, решать проблему занятости населения. У нас в крае, скажем, достаточно много неработающих. Кроме того, ребята отработывают новые модели организации труда. Когда коллектив может сказать: мы получили меньше, потому что ты плохо работал. — это стимулирует, это не кондовый метод распределения доходов.

— Ну, хорошо. Допустим, заработал горком деньги. А для чего?

— Часть уйдет на собственные нужды, чтобы не пользоваться взносами, поступающими из первичек. Я считаю, что станет вполне ощутимой материальная помощь первичным организациям, у которых нет возможности решать социальные, культурно-бытовые проблемы. Необходимо иметь и свои собственные дома отдыха, пионерские лагеря, базы для семейного отдыха — ведь, по существу, молодой семьей никто толком не занимается. Ну и, конечно же, финансирование политических мероприятий. Борьба за своих кандидатов требует денег, и немалых. Словом, чтобы обеспечить полноценную деятельность комсомола, нужно думать об источниках доходов — постоянных, стабильных. У нас в крае уже создано довольно много фирм при комсомольских организациях: горкомхоз, райкомхоз и так далее. Очень интересно, к примеру, работает фирма «Надежда» при горкоме комсомола в Лабинском районе. В составе фирмы свой швейный цех, который производит и продает, например, детскую одежду, но по цене в два-три раза дешевле, нежели кооператоры. Ребята собираются создать собственную ферму, чтобы обеспечивать продуктами питания и жителей района, и тех, кто работает в фирме. Аналогичная работа проводится и в Новороссийске, где занимаются вопросами отдыха, военно-патриотическим воспитанием...

— Интересно, как сегодня увязывать военно-патриотическое воспитание с тенденцией по сокращению армии и ослаблением «казарменного» влияния на жизнь общества?

— Мне кажется, каждый мальчишка хочет вырасти сильным мужчиной. Военно-патриотическая работа дает возможность им окрепнуть физически, овладеть навыками какой-то определенной специальности. Наши военно-патриотические клубы и объединения устанавливают контакты с конкретными воинскими частями, и ребята зараннее знают, где и с кем они будут слу-

жить. Согласись, это может отчасти решить проблемы той же дедовщины. Но вот о чем я хочу тут сказать: по-моему, восемнадцать лет — слишком ранний возраст для призыва в армию. Человек еще совсем не оперился, только окончил школу, не успел толком поработать в коллективе, у него еще весьма гипотетическое понятие о том, что такое коллектив, взаимоподдержка и т. д. И тем не менее, что бы ни писали сейчас об армии, очень многие мальчишки хотят быть военными...

— Костя, а от кого нам сегодня защищаться?

— Я думаю, пограничные войска нужны однозначно. Наивно думать, что нам желают только добра. Конечно, сокращение армии — процесс необходимый. Несомненно, нужно пересматривать и структуру армии, и ее назначение. Я считаю, что армия должна стать школой настоящих мужчин, школой такта, воспитания, благородства. Я, например, когда бываю в Москве, поражаюсь, что сплошь и рядом можно увидеть офицера, который сидит в метро или автобусе, а рядом стоит женщина. Какое-то неприятное впечатление это оставляет.

— Скажи, как ты относишься к идее создания российского комсомола?

— Считаю, что вопрос этот назрел и решать его необходимо. Нужно объединить усилия огромного числа молодежи России. Никто никогда не интересовался проблемой обобщения интересов комсомольцев этого огромного региона. Но лично я против создания еще одного административно-командного уровня. Вполне очевидно и другое: с созданием российского комсомола изменится представление о ЦК ВЛКСМ и его деятельности. ЦК будет выполнять более координирующую роль. Не управленческую, а координирующую. Ведь в системе управления, по сути дела, ничего не изменилось. Делегировали на места кое-какие свободы, и все. Вроде бы пошли на сокращение аппарата ЦК ВЛКСМ, а на деле при ЦК создаются какие-то новые организации, и люди перетекают из одного места в другое. Вывески меняются, суть та же.

— И в какой же форме может быть создан аппарат российского комсомола?

— Аппарат должен быть минимальным. Не больше тридцати человек.

— Костя, в твоём ведении находится Сочинский горком комсомола. Насколько я знаю, это один из самых сложных участков работы...

— Я могу сказать только одно: сейчас комсомольские работники в Сочи за весь летний сезон не успевают в море искупаться. Некогда. За последние четыре года в сочинской организации много интересного. Они пытаются наладить работу в школах. Есть там свои сложности: в сочинениях, которые пишут школьники, на вопрос «Кем я хочу быть?» они отвечают: «Отдыхающим». Это совершенно серьезно, между прочим. Они видят людей, которые на отдыхе стараются «раскрутиться» вовсю, тратят немалые деньги и не отказывают себе в удовольствиях. Сложность работы понимают и партийные, и советские органы города. Недав-

но горисполком принял решение передать Центру научно-технического творчества огромное помещение в семь тысяч квадратных метров. О таком может только мечтать молодежь большинства наших городов.

— Только честно: ощущаются ли в крае отголоски тех традиций, которые были заложены когда-то Медуновым?

— Это не простой вопрос. Система, о которой ты говоришь, была всеобщей. У кого-то она связана с одним именем, у нас с именем Медунова... Нельзя сказать, что создал ее Медунов, он был одним из выразителей узаконенной системы взаимоотношений. Так работали большинство партийных руководителей. Я думаю, вряд ли найдется даже отдаленное сибирское селение, где бы не царил эта система. Я не считаю, что на сегодня покончено с административно-командной системой, и, более того, сейчас, по-моему, идет даже откат в ее сторону. По-моему, это вызвано полным кризисом нашей экономики. Попытки повлиять на нее демократическими методами потерпели провал. И хозяйственники, и чиновники язык демократии понимать не хотят. К примеру, мне пришлось столкнуться с тем ужасом, который охватил россельмашевцев при слове «конкуренция». Они отлично понимают: если будет создана другая машина, их монополия придет конец и продукция перестанет быть нужной. На нашем заводе рисоуборочных комбайнов создана машина, которая по своим производственным характеристикам не уступает тому же ДОНУ-1500, но она на три тонны легче. И это вызвало у россельмашевцев страшную изжогу, их генеральный директор делал очень много, чтобы не пускать эту машину в жизнь. Сейчас проблема вроде бы разрешается, но бороться пришлось не один год...

— У тебя часто бывают конфликты с твоим партийным руководством?

— В партийных комитетах люди разные. С одними бывают, конечно, конфликты, с другими — полное взаимопонимание. Но замечу, что гораздо легче найти поддержку у вышестоящих партийных лидеров. Среднее звено доставляет много мук... А вообще мне очень симпатичен стиль работы директора госспемзавода «Красноармейский» Алексея Исаевича Майстренко. Интереснейшая личность. Человек, который умеет заряжать своей энергией. Он у себя в совхозе столько сделал для молодежи, сколько комсомолу даже не снилось. У них своя школа искусств. Конноспортивная школа. Он стал инициатором и организатором в своем хозяйстве аэроклуба. Создал картинную галерею, построил пионерский лагерь. Туда приезжают люди и часто начинают проситься на любую работу, лишь бы их оставили в совхозе. И при этом Майстренко — человек очень доступный, очень «свой».

— Костя, комсомол часто называют «кузницей партийных кадров». Что дает комсомольская работа? Чему она учит? Я видел комсомольских работников из ЦК ВЛКСМ, для которых предел мечтаний — отсидеть положенное количество лет в аппарате, чтобы затем перебраться на «прибыльную» должность, возглавить, к примеру, нечто международное...

— Да, таких немало, и не только в ЦК. Чему учит комсомольская работа? Ну, неправильно говорить, что ничему она не учит. Умение работать с людьми обретается практикой, и этот опыт полезен и в хозяйственной, и в политической деятельности. Интересно другое: я разговаривал со многими коллегами и должен заметить, что в последнее время они перестали рваться на партийную работу, которая сильно потеряла привлекательность.

— Недавно по ЦТ прошел сюжет,

рассказавший о коммунисте, который положил свой партбилет на стол, так как не согласен с линией партии в период перестройки. Часто ли кладут комсомольские билеты в знак протеста?

— В нашем крае такие случаи единичны. И лично я воспринимаю такой протест как слабость. По-моему, разумнее и полезнее бороться до конца, отстаивая свое мнение.

— Что, по-твоему, будет, если завтра объявить о роспуске комсомола?

— Не знаю. Пожалуй, негативных последствий будет достаточно много. Думаю, что возрастет преступность среди подростков, поскольку комсомол художественно, но влияет на подростков через какие-то формы организованного досуга, комсомольские собрания. Политическая работа в армии также построена благодаря комсомолу. Но откровенно говоря, мне трудно ответить на этот вопрос. Я как-то не задумывался о роспуске комсомола.

— Ты можешь привести пример, когда комсомол выразил или защитил интересы молодежи?

— (После паузы.) Трудно привести примеры... Наибольший интерес молодых выражен сегодня в движении МЖК, НТТМ. Можно говорить и о том, что молодой человек может поехать по сходной цене за рубеж или в турпоездку по стране благодаря «Слутнику»...

— А политические интересы?

— А вот этот вопрос хорошо бы задать нашему первому секретарю ЦК ВЛКСМ Виктору Мироненко. Лично я не могу убедить самого себя в том, что мы их выражаем. Кроме проекта закона о молодежи...

— А нужен ли вообще этот закон? Как ты считаешь?

— Меня мучили на этот счет сомнения. Но на данном этапе событий он все-таки нужен. Нам необходимо какое-то правовое положение, которое поможет в действиях. Я считаю, что мы и так проиграли выборы в народные депутаты. Помешала эйфория от семидесяти пяти мандатов, выданных комсомолу. И в итоге в парламенте почти нет людей, которые могут внятно отстаивать интересы молодежи. На молодежную политику мы можем рассчитывать, если наших голосов в парламенте будет значительно больше.

— Но для того, чтобы привлечь сегодня голоса избирателей, комсомолу нужна политическая платформа. А в чем она?

— На сегодняшний день ее нет. Необходимо ее выработать.

— Понятно... Ты говорил о народных депутатах, и меня интересует такой момент: к примеру, депутат не оправдал доверия своих избирателей, как его отозвать?

— По-моему, на этот вопрос никто не ответит. Я сам не понимаю, как оценивать работу наших депутатов, за какой период. Какой механизм отзыва? Мы не знаем ни одного случая, когда депутата отозвали. Неужели все работают замечательно? Неужели ни у кого нет разочарований в своих избранниках? Да, теоретически депутата отозвать можно, а вот практически... Я даже думаю, что если появится группа людей и потребует отозвать депутата, их назовут экстремистами и просто задавят...

— А как ты относишься к такой форме протеста, как забастовка?

— Нормально. Но если, конечно, используются все методы, которые позволяют решить проблему.

— А сам бы ты мог возглавить забастовку?

— (После паузы.) Да. Но, повторяю, если буду уверен, что забастовка — последний способ решения безысходной ситуации.

— Костя, о чем я тебя не спросил?

— Ты не спросил, когда мы построим коммунизм.

Мария БОРОДИНА

За селом Куюс, среди темных, теснящих реку склонов открывается широкая поляна. С одной стороны к ней подступает моренная терраса, с другой — бурливая Катунь. Насколько тополей почти у самой воды, а повыше — походные палатки археологов. Долина реки богата памятниками почти всех археологических периодов, бытовали тут и индоиранские, и скифские племена.

Лет через десять над этой землей, возможно, будет водохранилище. Это — зона затопления.

— Вода поднимется вон до того утеса, — говорит Олег Ларин, заместитель начальника археологической экспедиции Горно-Алтайского института истории и языка.

— Ты уверен, что Катунская ГЭС будет? — спрашиваю Олега, напоминая ему о бурных дебатах, которые до последнего времени идут вокруг строительства этой станции.

— А куда нам без нее деться? Может быть, она и зло, но неизбежно, — отвечает Олег. — На будет ГЭС строиться, не будет и средств на развитие области...

Проект Катунской ГЭС стал, пожалуй, первым проектом в системе Минэнерго, который подвергся столь широкому и открытому обсуждению ученых и общественности. Это обсуждение проходит порой с таким ожесточением, что его даже окрестили «битва при Катунь». До сих пор исход этой битвы окончательно не решен. И у сторонников, и у противников Катунского проекта достаточно сильные позиции.

В Московском университете мне удалось встретиться с членом Государственной экспертной комиссии Госплана и Госстроя РСФСР, рассматривавшей Катунский проект, профессором, доктором географических наук Борисом Сергеевичем Хоревым.

— До нас экспертизу осуществляло Сибирское отделение АН СССР. Уже тогда были высказаны серьезные замечания. Но отмеченные недостатки устранены не были. А они касаются чрезвычайно важных экологических проблем, таких, как содержание ртути в воде, состояние поймы верхней Оби... Отсутствует в проекте и количественная оценка ущерба, связанного с затоплением земель, колебаниями уровней водохранилищ, повышением антропогенной нагрузки на прилегающие территории. Кроме того, в таком уникальном регионе, как Горный Алтай, необходимо безотлагательно разработать схему развития и размещения его производительных сил, что и было рекомендовано еще первой экспертизой — СО АН СССР. Можно ли утверждать проект, не разработав сначала такую схему? Мы ведь, по сути, не знаем, сколько и зачем Горно-Алтайской автономной области нужно электроэнергии? Как, откуда экономически выгоднее получать эту энергию?

Хорев против строительства. Его доводы — несовершенство экологической стороны проекта и неопределенность положения ГЭС в общей энергосистеме.

Сторонники сооружения станции указывают, что экологические проблемы, связанные с Катунским каскадом, будут решены в процессе доработки. Можно ли полагаться на эти обещания, зная, с каким трудом и проволочками ведомства двигают дела, связанные с экологией?

Энергетики утверждают: энергия, которую планируют получить от Катунь, будет дешевой, и в этом одна из привлекательных сторон проекта. Но, как показывает экспертиза, тут не учтены все затраты на максимальную компенсацию ущерба природе, сельскому хозяйству, на природоохранные меро-

приятия... Проектировщики, например, никак не могут или не хотят (?) понять, какой ущерб нанесут Катунская ГЭС и контррегулятор — Чемальская ГЭС — животным, обитающим в районах затопления. Там, по мнению главного инженера проекта, живут одни только мыши... Насколько верно такое представление о животном мире Катунь, пусть судят биологи. Мы же заметим, что, несмотря на экологические бедствия во многих районах страны, ущерб природе до сих пор считается в ведомствах и на предприятиях неизбежной платой за развитие промышленного производства, за технический прогресс. Порой (вот сюжет для научной фантастики!) закрадывается мысль, что производство наше существует не для нас с вами, а для каких-то инопланетян, которым дела нет до того, каким мы воздухом дышим, какую воду пьем.

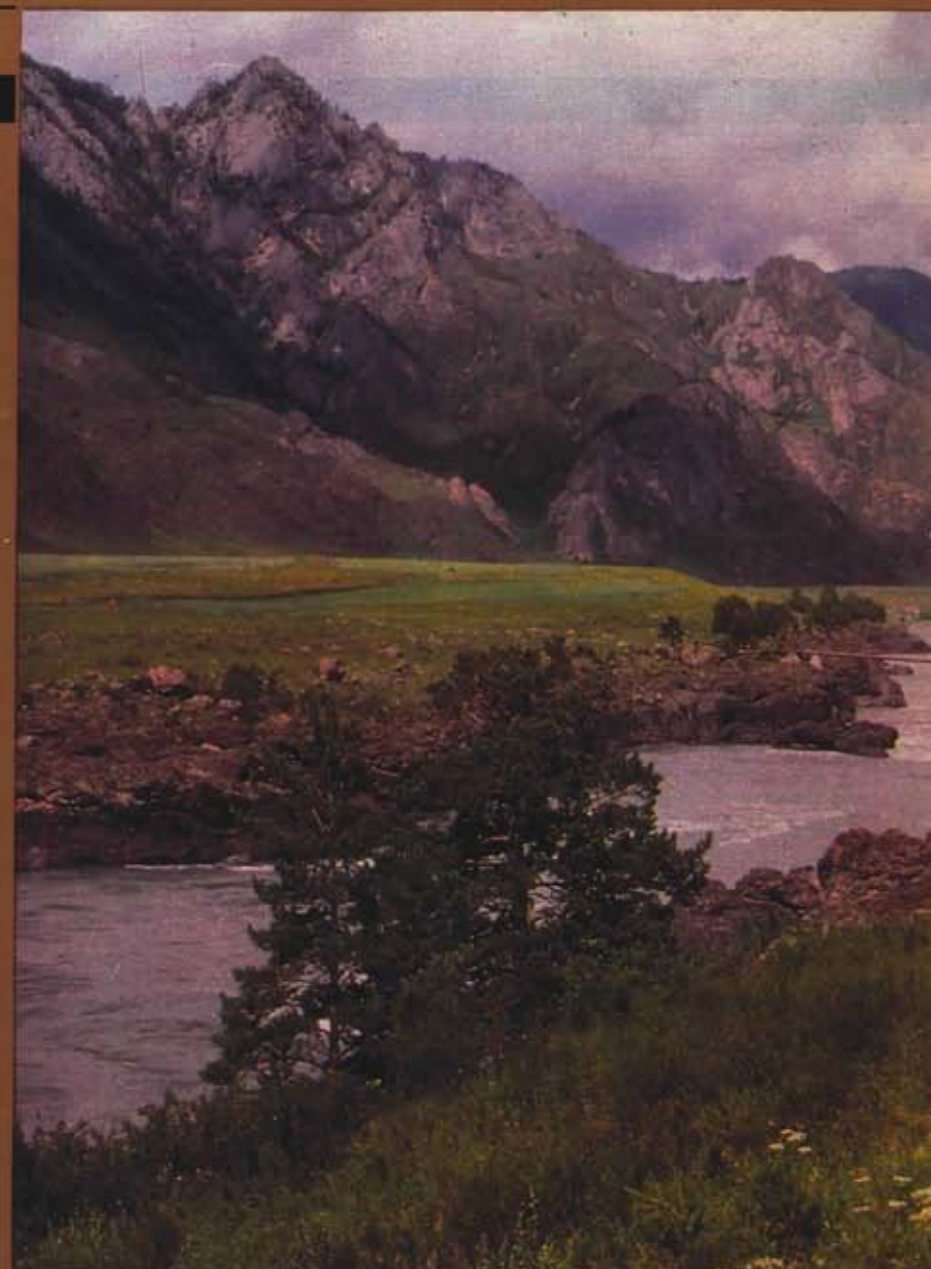
Но дело, конечно, не в инопланетянах. Кто виноват, что в нашем лесу исчезают многие виды растений, что наши речки стали захламленными, безжизненными канавками? Да мы с вами! Дети видят варварское отношение взрослых к окружающей природе. Полуманное дерево, мусорная свалка на улицах, развороченная и брошенная земля давно стали для них привычным пейзажем. Экологическая неграмотность оборачивается экологической безнравственностью. (А как аукнется это через десятилетия — и не вообразить!) И в ее «зоне затопления» гибнут благие поуты — оберечь, сохранить, отстоять...

Был, говорят, такой обычай: ставить под новый мост, который проходит испытания, его автора. Пусть, дескать, он головой — в самом буквальном, изначальном смысле слова — отвечает за безопасность своего проекта. В нашем цивилизованном, гуманном обществе с его «коллективной ответственностью» мыслимо ли представить такое! Ведь целые ведомства, организации пропали бы в пыльных бурях, задохнулись в загазованном воздухе или унеслись бы вместе с оползнями, возникшими по их вине...

Вернемся, однако, на берега Катунь. Когда летом прошлого года я приехала в Горный Алтай, там уже знали, что проект ГЭС опять отклонен. Но один, с кем я разговаривала в пединституте, облесполкоме, в Институте истории и языка, были уверены, что строительство гидроэлектростанции все равно неизбежно, другие неопределенно пожимали плечами: мол, поживем — увидим...

А вот что насторожило меня: сравнительно недавние послы московских проектировщиков с тем, что говорят в Горном Алтае, замечая существенные расхождения. К примеру, председатель облесполкома Чаптынов, выступая на страницах местной газеты, убеждает, что энергия Катунской ГЭС необходима в первую очередь сельскому хозяйству области, чабанам; а в Москве главный инженер проекта уверен — никто к стоянкам этих самых чабанов энергию Катунской ГЭС не потянет, так же, как и к разбросанным на больших расстояниях малонаселенным поселкам. В Москве утверждают: Катунская ГЭС предназначена не столько для Горно-Алтайской автономной области, сколько для всего Алтайского края с подключением ее к ОЭС Сибири (сама же Горно-Алтайская область для нужд своего развития смогла бы найти другие источники электроэнергии), а в Горном Алтае видят в энергии будущей станции главный источник экономического и социального благополучия автономной области.

В том диапазоне средств, которыми нынче обладает облсовет народных де-

ЗОНА ЗА

путатов, Катунская ГЭС, может быть, действительно единственная возможность «поправить дела» области. Но диапазон этот пока что явно узок...

Кабинет в облесполкоме солидный, сверкает полировкой столов. За огромными окнами в прозрачном летнем воздухе яркая зелень алтайского предгорья.

— Да, жить здесь хорошо, — соглашается зампред Владимир Александрович Каржавин и добавляет: — Только вот благ для населения маловато... В какой гостинице вы остановились?

— В «Горном Алтае». — И, предугадывая его следующее замечание, сообщает: — Горячая вода по два часа три раза в неделю.

— Видите! — восклицает Владимир Александрович. — И все из-за того, что не хватает электроэнергии. А ее-то и даст нам Катунская ГЭС. А возьмите котельные. Сушее наказание! Их у нас около ста. Коптят намилосердно. Будет ГЭС, перейдем на электроотопление.

У лагерного костра археологов Олег Ларин рассказывал о существовавшем в начале 30-х годов плане развития Горного Алтая, где ведущее место отводилось перерабатывающей лесной, пищевой и легкой промышленности с использованием энергии целой сети малых ГЭС, с учетом специфики занятий коренного населения. Олег говорил об

экономических и социальных планах тех лет с грустной теплотой, как о добром, но безвозвратно утерянном. Теперь даже мысленно трудно возвратиться к тем идеям — нас разделяют десятилетия «коренной ломки» и «гигантских преобразований».

— У нас катастрофически плохо с жильем, с топливом. Уровень развития во всех отношениях чрезвычайно низок...

— И что же, Катунская ГЭС, как добрая фея, решит все ваши проблемы?

— Не все, конечно. Но даже сейчас благодаря тому, что начались подготовительные работы, появились средства открыть наконец в нашем институте сектор археологии. Понимаешь, до этого в Институте истории Горного Алтая не было сектора археологии!

— Но ведь это нелепость, что благодаря Катунской ГЭС, которая затопит археологические раскопки, появится сектор археологии!

Олег машет рукой, мол, разве единственная нелепость... Крохами с ведомственного стола довольствуются сейчас горно-алтайские власти, отстаивая необходимость строить Катунскую ГЭС: силами энергетиков возведена школа, благоустраивается поселок Майма, прокладывается дорога (правда, не туда, где она нужнее области, а в сторону планируемой ГЭС), строится домостроительный комбинат... Отрадно, не

Фото Альберта ЛЕХМУСА

ТОПМЕНИЯ

так ли? Но эти же факты говорят о другом: о бессилии и неспособности руководителей Горного Алтая на протяжении десятилетий самостоятельно решать насущные проблемы производственного и социального развития края.

И нужно теперь непонятно, что, отдав Катунь энергетикам, Горный Алтай получит неизмеримо меньше, чем потеряет? Избежать или существенно уменьшить эти потери при строительстве и эксплуатации энергокаскада, как показывает экспертиза, очень сложно и дорого. Один только урон животному миру оценивается в 25 миллионов рублей, а чтобы действительно защитить природу от ГЭС, нужна, по мнению специалиста, сумма, намного превышающая ту, что заложена в проекте.

А земля? Ведь теперь не только зону затопления, но и те тысячи гектаров пастбищ, которые будут порушены стройплощадками, дорогами, посадкам энергетиков. Выгодно ли это для области, для страны — никто толком не знает. А в Горно-Алтайске на «верхних этажах» твердят одно: без ГЭС нам не обойтись. А вот что читаю в заключении госэкспертизы: «...материалы проекта не позволяют с необходимой определенностью ответить на вопрос о целесообразности строительства ГЭС, о сроке начала строительства, о рамках работы и месте ГЭС в энергосистеме...»

За скучным, деловым языком экспертных отзывов чувствуется серьезная тревога за будущее природной жемчужины Сибири. И тут подумалось: ведь проектанты и те, кто настаивает на скорейшем воплощении проекта, такие же дети своей земли, как и их оппоненты. Почему же столь разнятся отношения к экологическим проблемам людей ведомственных и тех, кто от этих ведомств, от их интересов, выгод сиюминутных свободен?

Раздумывая об этом, я наткнулась в «Литгазете» на рассказ академика Александра Леонидовича Яншино о его полемике с водохозяйственниками. Речь шла о переброске сибирских рек.

«Они (водохозяйственники. — М. Б.) мне говорят: что же, вы считаете, что у нас плохие специалисты и они не понимают народнохозяйственных задач? Нет, отвечаю, у вас, безусловно, знающие специалисты. Но цели у писателя, которых я поддерживаю, и у вас разные. Почему же разные? А потому, что писатели прежде всего думают, как улучшить нашу жизнь и жизнь наших детей, внуков. Тут на меня обижаются еще больше: а мы разве не думаем? Вы тоже думаете, соглашусь и, только эта большая цель у вас закрывается сиюминутной, первоочередной. Например, как истратить отпущенные на год вашему министерству 10,5

миллиарда рублей. Как истратить их вовремя, по возможности в ноябре, чтобы потребовать на декабрь еще миллиард, иначе на следующий год деньги срежут. И эта цель перекрывает все остальные. Когда мы вам говорим: не тратьте миллиарды на гидротехнические сооружения, занимайтесь лучше другими видами мелиорации, сажайте лесные полосы, продолжайте дело Докучаева, который создал в Каменной степи бастионы против неурожая, то вы, я знаю, в глубине души смеетесь над нами: вот глупцы, на берегах и тополях десять миллиардов не истратишь. Поэтому вы против тех мер, которые мы предлагаем: они не капиталоемкие».

Есть еще одна опасность, которая грозит объективности оценки Катунского проекта. О ней предупреждает академик-секретарь отделения геологии, геофизики, геохимии и горных наук АН СССР Борис Сергеевич Соколов. Это — превращение научно-исследовательских институтов в служебно-ведомственные. По его мнению, при обсуждении проекта «...по одну сторону, как правило, стоят институтские специалисты технократического толка, представляющие ведомственные интересы. По другую — общественность и ученые, желающие разобраться в вопросе о позиции фундаментальных знаний о природе. Подлинный ученый всегда борется за истину. Это его задача и нравственный долг. Частный ученый все свои сомнения выносит на суд коллег и общественности».

На такой позиции стоят и ученые Горно-Алтайского пединститута, всерьез занимающиеся анализом Катунского проекта. Среди них — Татьяна Дмитриевна Модина, доцент географического факультета.

— Я прогнозирую возможные изменения климата после того, как заработает каскад. Если взять только один параметр — максимальное снижение летней температуры на 2,5—4,0 градуса, то это может показаться чем-то не очень существенным. Но помните рассказ у Бродбери в какой-то момент развития жизни убили бабочку, и гибель ее вызвала целую цепь глобальных и даже катастрофических последствий. Художественный образ? Но он точно передает теснейшую взаимосвязь всего сущего в природе. Изменится не только температура, но и ветер, влажность — в прибрежной зоне появятся черты морского климата. Как отразится это на экологической обстановке? Вопрос — в пустоту: никто всерьез этим не интересовался. Вполне допускаю, гидроэлектростанция нужна, но почему проектировщики, строители ГЭС — и не только Катунской — оценивая КПД станции, напрочь «забывают» о возможном нарушении природного баланса? Почему они так упорно не хотят смотреть на два, три хода вперед? Как тут не вспомнить Владимира Ивановича Вернадского, его учение о ноосфере — сфере разума, которая должна стать качественно новым состоянием биосферы, где деятельность человека и жизнь природы будут взаимно адаптированы...

Так нужно и впрямь не ведаем, что творим?! «Громадьё планов» греет ведомственную душу — строи, сооружаем, возводим... А после выискивается: поторопились, опять лалортачили.

«Не мудрите нас!» — предупреждал Ленин в одной из своих работ. В самую точку эти слова и в нашем случае.

...Надобно помнить еще вот о чем: во всех схемах, в проектах совершенство-

вания отдыха и туризма в СССР Горный Алтай рассматривается как один из ведущих рекреационных центров страны. При этом учитывается прежде всего уникальность долины реки Катунь и Телецкого озера с примыкающими к ним районами. Но — увы! — туристическая индустрия у нас дело малоосвоенное, и для умов без воображения и деловой смекалки — отпугивающее. (Правда, уже создаются кооперативы, которые берутся за организацию походов по Горному Алтаю. А кооператив водников, устраивающий сплавы по горным рекам, после недавней успешной советско-американской экспедиции по Катунь намеревается заключить договоры с фирмами США.)

В феврале 1988 года был организован фонд Катунь, в который уже поступили сотни предложений, проектов — как избежать строительства каскада ГЭС. Инженеры, рабочие, студенты, ученых волнует судьба сибирской реки, потому что это не битва амбиций или эгоизма, как ее часто характеризуют защитники проекта. Это битва против узковедомственного мышления, против равнодушия и разбазаривания природных ресурсов.

Вот и завершилась третья государственная экспертиза. Еще раз Катунский проект был отклонен как экологически несовершенный и экономически невыгодный.

Проект резко критиковали народные депутаты СССР на недавнем Съезде. Подводя итоги первой сессии Верховного Совета, Михаил Сергеевич Горбачев отметил, что во время работы нашего парламента экологические проблемы предстали как самые острые и требующие безотлагательного решения: «Это не просто вопрос размещения производительных сил, не просто локальная задача, так сказать, оцифровки предприятий, которые негативно влияют на окружающую среду, а вопрос самой жизни народа, его настоящего и будущего».

Проблема строительства Катунской ГЭС — жизненная проблема для всего края. Вспом за экспертами Государственной комиссии еще раз повторим: развитие Горного Алтая не должно ставиться в зависимость от строительства электростанций на Катунь, тем паче, что экономическая целесообразность такой стройки убедительно не доказана. Не ввод новых предприятий, что работали бы на предполагаемой энергии Катунской ГЭС, способно определить будущее и земли, и народа, живущего на ней, а в первую очередь реконструкция, техническое перевооружение действующих. Тут потребуются куда меньше средств, чем на возведение столь желанного Минэнерго каскада. Горному Алтаю необходимо развивать агропромышленный комплекс с упором на традиционные виды деятельности, на производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции, а для этого вовсе не обязательны гигантские источники энергии.

Так, возможно, будет целесообразным провести в Горно-Алтайской автономной области всеобщий референдум — строить или не строить Катунскую ГЭС? Может быть, он убедительней покажет тем, кто должен принять окончательное решение по «многогранному» проекту, что действительно нужно людям и что реально может принести им очередной электрогигант.

Нужно лишь киловатты, которые озарят затопленные огнем дома, погубленные земли, мертвые реки? Или и впрямь — всеобщее изобилие?

Вразумительного ответа нет. А есть пока что — зона затопления...

Потому что я вспоминаю... кладбище.

Кладбище одного из небольших российских городков. Такое же нечаянное, одинокое, проветренное, как разоренное птичье гнездо на ветвистом, но высохшем дереве, когда рядом — пустая река...

Да, я вспоминаю кладбище. А перед ним — крепкий бетонный забор, он огораживал стройку. Долгий, серый... На заборе круто и вразбивку написано «ПЯТИЛЕТКУ ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА!»

Забор обрывается, и начинается кладбище. Я не случайно привожу этот пример: когда рядом с лозунгом — кладбище. Я видел храмы, когда на стенах — лозунги. Я видел и людей, когда вместо лиц лозунги. С чего начинается лозунг?

Как образ жизни. Как выражение лица. Как способ мышления. Как способ самосохранения.

Это традиция. Идущая оттуда. Когда символы подменили природу, а природу сделали символом. Когда

пришло время глаголов. Когда слово «надо» определило способ жизни, образ мысли, динамику поступков. Надо и... все.

Почему надо? Кому надо? Зачем? А вдруг ЕЩЕ НЕ НАДО?! Нет, надо и... все.

А когда накатило время глаголов, площадей, парадов и памятников, прилагательные и сострадательные остались в шепоте несогласных. Но кто слышит шепот, если прислушиваться НАДО было к микрофонам и динамикам?

Было время лозунгов-выстрелов. Лозунгов-заборов. Лозунгов-побед. Лозунгов-поражений...

Калек не замечали. Матери продолжали рожать. Дети строили и вели под лозунгами к конкретным целям, к великому и ясному «завтра».

Потом была война. И тоже были лозунги. Но время войны имеет право быть временем лозунгов. Когда кричат земля, ребенок или мать, тогда и начертанное слово приобретает особый смысл, потому что слово это

Андрей КУЧЕРОВ Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА и Сергея ВЕТРОВА

ТОВАРИЩ ЛОЗУНГ

УМ **ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО,**
СТРОЖАЩАЯ ЭКОНОМИКА,
КРЕПКАЯ ДИСЦИПЛИНА —
ЗАЛОГ
НАИБЫСТРЕЙШЕГО
ПРОДВИЖЕНИЯ
ВПЕРЕД

ВТОРАЯ
СМЕНА

написано твоей землей, когда эта земля просит твоей защиты.
 Короче, война — это свято. Не свято другое.
 Начали восстанавливать. Города. Заводы. И трибуны. И снова заговорил лозунг. Тот самый, довоенный. И снова под прицелом лозунга оказался человек — живой, с тонкой кожей, с красной кровью, которая...
 С чего начинается лозунг?
 С попытки не думать. С желания думать, как все. Как один. Как единственный.
 Лозунгом можно утопить любое дело. Достаточно дело свести до короткой строки лозунга. «Пьянству — бой!». И бойцы штурмом берут прилавок галантерейного магазина, где вдруг «выкидывают» одеколон «САША».
 Лозунг, который кидают с высоты, подобен камешку, способному вызвать горный обвал. Человек, кинувший камешек, уже не может помочь людям, стоящим под горой. Даже если помочь хочет.
 Мы привыкли к этим коротким изречениям, закавыченным предложениям, призывам ко всему на свете.

Мы привыкли их не замечать, относясь равнодушно, никак.
 Кстати, лозунг — это приказ или просьба?
 Так с чего начинается лозунг?
 Нет, не с отдающего приказ. С ожидания приказа. Именно с ожидания. С готовности его услышать. Так воспитали нас. Путем неестественного отбора. Выбирая и расправляясь с лучшими.
 Наверное, мы занимаем первое место в мире по количеству лозунгов на душу населения. Лозунги крайне удобны тем, кто хочет создать видимость. Создание видимости вообще основополагающая задача социализма на примере нашего общества. Так по крайней мере было. Мы и строили выше. И думали лучше. И мусорили чище. И пели громче. И летали круче. И здоровели смолodu. И все под музыку лозунга. Товарища лозунга. Гражданина лозунга. Потому что он получил у нас права гражданства. Потому что мы дали ему «политическое убежище».
 С чего начинается лозунг?
 С него. С меня. С тебя. С нас.

ПЕРЕСТРОЙКА СИЛЬНА ИНИЦИАТИВОЙ И ТВОРЧЕСТВОМ МАСС

Она свалилась на голову лейтенанта Жорки Байбородина в один день с кухонной полкой. Жорка холостяковал, и бесстыжая девица пробила его бытовую незащищенность подобно вульгарной заразе; полка висела на кухне над любимым креслом, в котором он с удовольствием сживал субботними и воскресными вечерами, попивая крепкий чаек. Два гвоздя, удерживающие полку в состоянии весомости, чудом цеплялись за дыры в стене: хватало пачки рафинада в нагрузку и хлопка двери с лестничной площадки, чтобы выбить Жорку Байбородина из кресла и, надо полагать, из себя. Удар был чрезвычайной силы, разруха в хозяйстве катастрофической: гречка смешалась с макаронами, сахар с солью; надежда похлебать утречком гречневого супцу с тушенкой ушла, ушел в ресторан и несчастный Жорка завивать горе веревочкой.

Отец Жорки, капитан первого ранга Байбородин, вышел в отставку и отбыл в забронированную ленинградскую квартиру с женой, выхлопотав сыну, в бытность его курсантом Макаровского училища, однокомнатную.

На четвертом курсе Жорка и не подозревал, какое счастье ему привалило. Кубрик в общежитии был ближе и нравился больше, но квартира находилась в центре города, что сразу прибавило Жорке друзей. Сколько навалилось знакомых из «пиджаков»¹, сколько незнакомых прежде развлечений познал он! Еще бы чуть-чуть, и Жорку поперли из училища, но не дремал зоркий каперанг Байбородин, примчался из Ленинграда и устроил сынку словесную порку (поговаривают, и натуральную, добрым флотским ремнем). Курсант Байбородин дотянул до выпускных экзаменов, защитился, получил новенькие лейтенантские погоны, кортик и назначение на единицу², которая во Владивосток заходила редко — такова была отцовская воля.

Офицеры нужны везде, а отличные строевые тем более.

Увлечись службой, Жорка Байбородин начисто вычеркнул из жизни пиджачные развлечения и даже не знал, у кого сейчас второй ключ от квартиры и чьи несмываемые следы на «палубе». Когда единица лейтенанта Байбородина встала на ремонт и ремонтники

антки без ухмылок деловито осведомлялись у клиентов: «Что будем пить: чай грузинский три звездочки или кофе «Столичное»?». Время шло перестроечное, среднее между нзловским периодом, временем великой депрессии и сухого закона. Жорку приятельски окликали незнакомые штатские, приглашали за столики. Он сухо откланивался, высокий и смуглый, ладно скроенный и форменно одетый, непреклонно шел к указанному официанткой месту и, усевшись, заказал без оглядки:

— Крабовый салат, антрекот и заварной чайник грузинского. Желательно пять звездочек.

Три штатских парня прониклись к Байбородину уважением. Один протянул пачку сигарет, другой щелкнул зажигалкой, третий предложил немедленно выпить за знакомство.

— Дождусь своего,— выставил Байбородин ладонь над рюмкой, но сигарету взял и прикурил, чем еще больше приблизил к себе пиджачную троицу умением красивого офицера не посрамить флага флота Российского.

Хороший мужской разговор уже вертелся на кончиках языков, но заиграла музыка, и парни кинулись приглашать дам. Байбородину выбор двух парней не понравился — молодые ребята схватили то, что было ближе, зато третий завис с уговорами над яркой блондинкой, чересчур фирменной для его простоватых манер и всеядности. Блондинке надоели уговоры парня, она отвела от своей щеки его склоненный нос, на что парень стал ей возмущенно выговаривать. Блондинка ответила коротко, но Байбородин понял: сейчас парню предстоит крупно беседовать с брюнетом, шедшим по проходу. Байбородин не медлил и во весь свой великолепный и форменный рост вырос между парнем и брюнетом.

— Топай другим курсом, служивый,— произнес брюнет.

Жорка Байбородин ничего не сказал в ответ, лишь цыкнул щекой, как делал это, поправляя капу в зубах перед очередным раундом.

— Так ты из непонятливых. Сам пойдешь за мной или помочь?

Байбородин кивнул и пошел за брюнетом в вести-

ГАРЦОВЩИЦА

Александр ГЕРА

РЭГГИ

разворочали ее до неузнаваемости, пришлось отмыть «палубу» от несмываемых следов. Заодно Жорка забрал второй ключ у абсолютно незнакомой штатской личности, явившейся среди ночи с двумя девицами. Лейтенант Байбородин твердо решил превратить квартиру в каюту, и, как водится, посторонним в каюту офицера вход воспрещен. Отмытую «палубу» он застелил внушительным куском байки, подарком боцмана, кресло из комнаты передвинул на кухню. Время было зимнее, в комнате посвистывал ветер через оконные щели, а на кухне климат регулировался электропечью. В шпации³ между мурлыкающим холодильником «Океан» (в нем Байбородин хранил пайковую тушенку и кусок позалозапозапрошлогоднего сыра, который годился для забивания гвоздей, о чем Байбородин регулярно подумывал) и кухонным столом Жорка коротал вечера за кружкой чая и намерениями жениться. И женился бы — на медичке Верочке из базовой санчасти, и обставился бы со вкусом, не свалился на него эта злосчастная полка! Через год он с ужасом представлял себя рядом с коротконогой медичкой, а в данный момент лейтенант Байбородин направился в ресторан с тупой болью в голове.

В городе шла очередная кампания по борьбе с пьянством, но Георгий Байбородин твердо решил залечить боль и знал место, где все кампании напоминали прививку от кори взрослому человеку. В привокзальном ресторане «Волна» по столикам разносили чайники с водкой и кофейники с коньяком (притом офици-

бую, отмечая на ходу поднимающихся из-за столиков на щелчок пальцев пиджачников. В вестибюле Жора первым делом раскрепился в углу у зеркала, где время от времени кого-то тихо били, а в паузы женщины поправляли прически.

— В чем дело? — приступил к допросу брюнет.

— Дело в том, что я в форме и буду стоять на смерть, если кто прикоснется ко мне хоть пальцем. Можем постукаться, когда переоденусь,— обстоятельно доложил Жорка.

— Зачем же лез в чужие игры?

— Валя Толкунова сказала: я не могу иначе.

— Поль,— протиснулся сквозь готовых к битью низкорослый офицант в черной жилетке, дипломатская бабочка на рубашке свидетельствовала о его возможности вести официальные переговоры, минуя посредников,— это хозяин той хаты, где мы пили на седьмое. Качумай! Поль.

— У нас беседа,— железно стоял брюнет.

— Беседовать с ним буду я.— Теперь и брюнета, и офицанта с дипломатической миссией заслонила яркая блондинка, из-за которой разгорелся весь сырбор.— Пошли танцевать...

Байбородин дал увести себя на танцевальный пятачок.

Играли танго, блондинка в плотно облегающем платье сделала все, чтобы Жорка Байбородин почувствовал знойный климат далекой Аргентины. Почувствовал, но не сказал бы, что ему это понравилось: к офицерскому мундиру, считал он, никакого сора липнуть не должно, а блондинка висла на нем целой кучей сора, к тому же он не успел из виду оставленного столика, где хорохорились трое его новых знакомых и усиленно вили петли знакомые брюнета.

¹ Из лексики советского бомонда 70-х годов. Незнание его никак не отразилось на здоровье Байбородина.

— Я тебе не нравлюсь? — отвлекла его блондинка.
— А почему это должно быть? — спросил Байбородин.

— Я Рэгги, первая гарцовщица города, считал бы за честь танцевать со мной,— надменно ответила она.

«Красивая, стерва,— обдумывал ответ позанозистей Байбородин,— тугая, сытая и наглая кобыла».

— Не на ипподроме,— сказал он.

— Ты чурбан!

— А ты, видно, проститутка.

Блондинка не обиделась, наоборот, засмеялась счастливо:

— Туленький! Я же сказала: гарцовщица!

— Большая разница?

— Конечно. Это ты проститутка, живешь с моего подходящего, а я честно зарабатываю своим телом.

Байбородин расцепил руки блондинки на шее и пошел к своему столику.

— Выльем? — предложили новые знакомые. Их истомившиеся ожиданием неожиданности лица благодарно разгладились.

— Обстоятельства изменились,— отвечал Байбородин,— требуют ясности ума и крепости рук. Вы когда закругляетесь?

— Так...— за столиком стало скучно.— Можно и рассчитаться, если надо...

¹ Так офицеры флота ласково величают штатских. (Здесь и далее — примечания автора.)

² Так, чтобы не разжигать любопытства штатских, вменено называть боевые корабли.

³ Пространство между двумя шпангоутами. Что такое шпангоут — в данном случае неважно: у лейтенанта Байбородина других шпаций в квартире попросту не было.

Рисунок Алексея Остроменцкого

— Не дрейфьте,— принимаясь за крабовый салат, сказал Жорка.— Я провожу, ни одна скотина не тронет.

Парни опять захорохорились, задержали локтями, что означало по их разумению вольных орлов, заклетали о своей возможности перепить и перебить несчастный кабак; это у них случайный загул от больших денег и свободного времени, завтра они улетают в отпуск, но лейтенант — отличный парень, с которым не выпить — нагадить себе и лейтенанту в душу. Они так разгоряченно приветствовали и махали орлиными суставами, что к их столику опять потянулось окружение брюнета с ярко выраженным желанием защитить Жорку Байбородина и разрядиться наконец от желания украсить вечер дракой.

Между тем Байбородин управился с салатом, взялся за антрекот. Он слушал уверения в горячей дружбе, но не выпускал из поля зрения компанию брюнета и блондинку, которая с опереточной прытью гарцевала между столиков, кому-то присаживалась на колени, кого-то щелкала в лоб — задел ее невниманием Жорка Байбородин, хотя она задела самолюбие Жорки, чего он не показывал, верный принципу не связываться с легкомысленными девицами.

Жорка покончил с антрекотом и отстранился от стола. Парни малость поутихли. Они понимали: какие-то другие мотивы высвистывают их лейтенанта.

— Я готов,— сказал Байбородин.— Отчаливаем?

— А твой чайник, кэп? — ужаснулись парни.

— Умение — не пить, а трезвым быть умение,— просветил их Жорка, и парни в лад задержали локтями.

Поверх счета официантка положила перед Байбородным красную гвоздику на длинном стебле. Он отломил цветок и, поднявшись, вколол его в ее прическу. Парни гуськом двинулись по проходу, последним шел лейтенант Байбородин, помахивая стеблем гвоздики, словно хвостинкой. Женщины провожали его восхищенным молчанием.

— Приключения закончились,— сказал он на остановке такси.— Вам куда?

— Давай с нами, лейтенант! — не хотели прощаться парни.— Посидим на хате, потолкуем, есть о чем!

— Эх вы, гуси лапчатые! — собрал их в кучу длинными руками Байбородин, ткнулся в разгоряченные лбы.— Мне утром на корабль. Служба.

— Адресок оставь, а? — попросил один, двое других поддержали:— Где искать, лейтенант?

Жорка продиктовал адрес.

— Ты, Георгий, настоящий морячина, уважаем!..

Голоса дрожали от святого чувствования дружбы. Проглотить такие горячие чувства могло отъезжающее с парнями такси, и то после окрика водителя захлопнуть дверцы. Жора помахал им вслед.

Было пустынно и выжило. Лейтенант Байбородин с хорошим настроением шел домой, прикрывая то одно, то другое ухо от щипающего морозца. Ничего плохого не случилось, полку он навесит, сахар купит, крупу дадут, голова не болит, эта самая Рэгги — не в счет..

Жорка прибрался на кухне и обследовал дыры в стене. Без серьезной операции тут не обойтись. С решением принести завтра асбесту он разделся и попрыгал перед сном в майке и трусах с лампасами, в которых боксировал еще в училище. Молодая кровь всегда горячая, и Жорка Байбородин энергично вел бой с тенью. Проведя комплект хуков и апперкотов, он сказал: гон!

Зазвенел входной звонок. Разгоряченный боем Жорка пошел открывать. Вот и брюнетовцы, усмехнулся он, сейчас побеседуем.

— Не ждал?

Яркая Рэгги с порога осияла Байбородина голливудской улыбкой в тридцать два зуба. От изумления он посторонился. Она вошла, будто в свой дом. Жорка свесил руки вдоль корпуса, а она, спиной к нему, расстегивала шубу. Лохматая лама щекотала ноздри и самолюбие Жорки Байбородина — сейчас она повесит ее рядом с его строгой шинелью!

— Офицеров уже не учат хорошим манерам? — спросила Рэгги.

— Ты чего заявила? — возмутился он с опозданием.

— Захотела и заявила,— ответила она. Ткнулась в комнату, зябко обняла голые руки и пошла на кухню. Села в кресло и вытянула ноги — сапоги до колен, высокий тонкий каблук, ноги длинные, в ажурных чулках, платье — короче некуда.

— Ты чего тут расселась! — еще больше возмутился Байбородин, зачарованно следивший за манипуляциями ног.

— Дай чаю,— зевнула она.— Смерть, как спать хочу.

Шуба все еще была в руках Байбородина, он кинул ее нахалке.

— Одевайся и проваливай.

— Георгий,— сказала она, будто грозила пальчиком, спрятав глаза в округлые веки, а то, что ресницы были ненаклеенными и некрашеными, возмутило Жорку до крайности.— Успокойся, милый. Какой ты нетерпеливый. Я здесь, я твоя, денег не возьму, а чаю хочу. Сначала чаю,— играла она глазами под опущенными ресницами,— потом ванна... потом буду ласкать тебя до утра. Любимый, сними сапоги...

На Байбородина надвинулось тихое помешательство. Чтобы не сойти с ума, он выставил перед ней чайник, заварку, чашку, швырнул в чашку ложку, бухнувшую гонгом. Первый раунд Георгий Байбородин проиграл по очкам. Уютная шпация с креслом была занята, и он унес ноги в комнату, бухнулся на тахту. Громы бесновались в сознании, слепили молнии возмущения, ливнем хлестали гневные слова. Истерзанный и оглушенный стихиями, Георгий отрешился от звуков с кухни — да залейся она быстрее этим чаем! — а чайник, нагреваясь, уговаривал быть вежливым и галантным с гостьей, какая она ни есть, подсаживал надеть брюки и рубашку.

Она прошла к двери, повесила шубу и заглянула к нему.

— Любимый, чай готов...
— Какой я тебе любимый? — буркнул от окна Байбородин. Поехилась. Из неоклеенных оконных щелей дуло. — Еще выпендривается...

— Что ты, милый, я кроткая овечка, — ворковала она, а Жорка спиной чувствовал насмешливый взгляд. — Сейчас додумается, подойдет, обнимет со спины, прижмется тесно, и куда я денусь...

Подожла, прижалась тесно, еще и руки сунула ему под мышки.

«Сейчас скажет: пошли на тахту... Вот влопался!»
— Тебя хоть как зовут? — спросил Байбородин, понимая, что проигрывает и второй раунд.

— Хоть — Рэгги, а без хоть — Рогнеда.
— Ну и имечко, час от часу не легче! — приободрилсся Жорка.

— Рогнеда — жена князя Владимира, мать Ярослава Мудрого, — ответила она, и спине Байбородина стало совсем жарко.

— Дань моде?
— Ум-м-м...
— Русскую славу позоришь, проституцией занимаешься.

— Дань моде.
Байбородину страшно захотелось чаю, но повернуться было страшнее. Нокаут. Она сама развернула его к себе, разглядывая с законным любопытством.

— А ты, собственно, чего пристал?
— Это он-то к ней пристал? Ничего себе приемчики! Жорка нырнул в створку, рванулся на кухню к спасительному чаю и сторону.

Она села в кресло, он — на продуктовую полку. В молчании пили чай без сахара.
— Бедновато живете, товарищ лейтенант, — сказала она, подливая ему чаю, и так нагнулась, что Байбородин, увидев через вырез платья резинку колготок, поперхнулся.

— Я, в общем, на корабле живу. А ты — по хатам?
— В такой, как у тебя, впервые.
— С такой, как ты, я и водиться не стану.
— С такой за ночь твоей полочки не хватит.
— Триста рублей?! — по-ребячи окрысился Байбородин. — Ну ты даешь...

— Работа такая, — засмеялась она, сахарно обнажая зубы над чашкой. — А фактура, сам видишь, — она согнула и разогнула длинные ноги.
— Ко мне зачем привязалась?
— Думала, ты умный. Должен мне попасться хотя бы один умный и красивый офицер? А ты тоже в портуpee.

— Допивай и до свидания. С такими не связывайся. — пробурчал Байбородин, догадываясь, что расставаться будет нелегко, занозистой оказалась штучка, ковырнуть нечем...

— Вот видишь, уже не «прощай». Для первого раза достаточно. Я из тебя человека сделаю, Гошечка.

«Гошечкой» было не по правилам, так его называла мать, однако Байбородин почему-то не возмущился, а спросил:

— И как это будет выглядеть?
— Прекрасно! Встань! — Она взяла его за руку и встала сама. — Видишь?
— Что видишь?

— Мы смотримся, Гошечка. Ты черненький, я беленькая, ты отлично сложен, и у меня голливудские батлзы. Пара?

— Парочка... Гусь да гагарочка. За тобой такой хвостике тянется!..

— Ну откуда ты знаешь? Увидел, как гарцую? Ты пробовал? Нет. Вот потаскуха! Тебе, Гошечка, еще звездочек не хватает, чтобы такую женщину иметь.

— Давай на выход. — Терпение Байбородина кончилось. — На трамвай дать?

— Спасибо, милый. Сахару купи, — обкатывала она его. — Трамваи не ходят, поздно, а вот ключ дай, порядок наведу.

— Обойдусь. Наше дело холостяцкое, солдатское.
— Портфель или кейс у тебя есть?
— Не водится.
— А кортик?

— С офицерскими погонами получишь.
— Какая же ты умница! — Она захватила его лицо ладонями. Руки были мягкими и ласковыми.

— Чего это столько ласки? — вывернулся из ее ладоней Байбородин.

— Нынешние офицеры с портфелями и кейсами, как купчишки, а ты у меня настоящий мужчина — с кортиком!

Она хохотала и в прихожей, он хмурился, но одеться помог.

— Ну, пока? — выбросила пышные волосы поверх своей косматой ламы.

— И на голову ничего не надеваешь? — растерянно спросил Жорка.

— Ничего. Я, Гошечка, простудиться не боюсь, спортсменка, зимой в проруби купаюсь.

— Сколько достоинств...
— Еще и спецшколу с английским уклоном окончила. А в институт не захотела.

— Сиротка...
— Почему? Отец, мать имеются. Отец, между прочим, летчик, полковник.

— Не врешь? — Ему хотелось верить.
— Могу познакомить.

— И такого человека позоришь! Мать куда смотрит?
— Мне двадцать, Гошечка, сама за себя отвечаю.

А мать отца бросила, пока он по гарнизонам мотался на своих керосинках, к войне готовился.

— Самолет — это птица, дуреха.
— Птица? Птицы — мирные существа, а примусы — для войны.

— Для обороны, — строго поправил Жорка.
— Кончай, Гошечка, не в телевизоре тебя показывают. Оборона, война — проституция суцая. Афганистан — оборона?

— У тебя мозги набекрень.
— У тебя их вообще нет. Война слишком серьезное дело, Гошечка, чтобы доверять ее военным, — процитировала она кого-то из умствующих пиджаков, и Байбородин сказал:

— Спокойной ночи.
— Ключ, — выставила она ладонь.

Жоркино лицо отразило все мучения его души. Он долго шарил на одежной полке, долго ковырялся в карманах шинели, но ключ все же нашел.

— Это твой, — сказала она, — а это будет мой. — И сняла с гвоздика другой, о котором Жорка, честное слово, забыл.

— Бери, — скорчил он физиономию. — Только не очень-то перышки расправляй, женюсь скоро. А если со мной водиться хочешь, делом займись, в институт поступи, что ли...

— В комсомол запишись, да? — нажала она кончик Жоркиного носа. — Взгляните, люди, на Машку, кем она раньше была? Девкой подзаборной. А теперь — председателем горисполкома! Я, Рэгги, милый, вольная гарцовщица, а проституцией в служебных кабинетах занимаюсь те, кому в базарный день цена копейка за пучок, не так изъяны ума и тела заметны.

— Да?
— Да, да!

Ох, уж эти коридорные разговорчики! Никак не распрощаться! Чешутся языки, и чего с них только не срывается...

— Фифа самодовольная!
— Вот бы не подумала!.. Я себе цену знаю.

— От рубля до трехсот?
— А когда как. Тебе сразу цену назначили, а я себе хозяйка, кручу вашим братом, как хочу, а ты разницы между гарцовщицей и проституткой не видишь.

— Не велика разница.
— Ошибаешься, милый, — говорила она, будто лакомилась персиками, которые Жорка среди зимы и ночи добыл для нее. — Эллины пели оды гетерам, во Франции добивались благосклонности куртизанок, на дуэлях дрались, в Японии и сейчас почитают гейш. Там, где ценят прекрасное, не путают независимых и красивых женщин с проститутками.

— Ты на что замахваешься? — посуровел Байбородин.

— Не замахваюсь, а бью, Гошечка, тупость и ограниченность. Дерусь, как умею, за право быть независимой.

— Шла бы ты на завод, в сплоченный коллектив, там из тебя быстро дурь выбьют. И где только набралась глупостей?

— Старшие товарищи во дворе научили, — насмеялась она, а Жорка терпел вопреки своей стойкой гражданской активности. — Ты бы сам, Гошечка, на завод сходил, ума бы набрался, там сейчас перемены, дураки и там надоели.

— Чего тебе от меня надо! — взбеленился Георгий. — Стоишь тут, ахинею несешь!..

— От тоски, милый. Надоело из вашего брата клоунов делать, замуж хочу. Ни с кого я рубля не взяла и брат не собираюсь, и никто в городе не похвалится, что спал со мной.

— Без меня тоскуй! Отдавай ключ!..
— Ду-рак...

Наговорились. От хлопка двери сорвалась бы кухонная полка, не сорвись она до этого, и яснее ясного, что самоуверенная девица основательно влезла в размеренную жизнь лейтенанта Байбородина своими неоструганными занозами.

Раньше ему жилось уверенно, в настоящем гражданском напряжении. Служба, спорт, опять служба, еще немножко спорта, кино, сон, женщинам места не оставяля, кроме медички Верочки, и то — маленький порожек, с которого она могла, привстав на коротких ножках, восхищаться его неотразимой уверенностью. Те-

перь Байбородин злился и тосковал, не повел в понедельник Верочку в кино, а во вторник его корабль перегнали в дальнюю бухту побережья. Много во Владивосток не наездишь, как ни хотелось. Ему, допустим, хотелось, а сослуживцы не рвались, облюбовав кофейню, и гамузом ходили туда.

Сходил пару раз и Байбородин, другими глазами взглянул на досуг товарищей. Скучнейшее мероприятие! И такое мелкотемье в разговорах, какое даже у пиджаков вывелось. Ладно бы лейтенанты глупили — старшие офицеры умствовали через «живете» на «покой»! Встреча с Рэгги посеяла сомнения в Байбородине: оказывается, есть люди умнее офицеров, хотя строем не ходят. Чином Жорка не вышел поучать старших по званию, угрюмо молчал, когда доводилось присутствовать на очередном заседании в кофейне; оставаясь на корабле, мучил роман Фолкнера «Авессалом! Авессалом!» — на пятой странице, и никак не мог понять, что в нем кричит. Душу лейтенанта Байбородина разъедала крамола, уже не хотелось во Владивосток, хотелось в море на очистительный простор.

Ремонт тянулся по графику; отсчитались положенные сутки, вышли на ходовые испытания. Потом две недели отставались на внешнем рейде. Зачем — начальству виднее.

Перед самым выходом в Индийский океан Жорка успел заскочить домой. Дверь открывал ключом, не попадающим в замочную скважину от нетерпения, отворил двери, и, как царица Савская подхватила платье в чертогах у Соломона, так Жорка подвернул брючины: от порога лежала пушистая дорожка цвета морской волны, на которой плавали золотые рыбки и ползали крабы среди водорослей. Он вошел аккуратно по краешку, снял ботинки и робко заглянул в кухню, переживая перед предстоящей встречей, а на кухне — румынский гарнитур с полукруглым диваном и финский «Розенлев» на Жорку шикает. В комнате — того чище, мужчине места нет, куртизанством разит изо всех углов, еще и туалетная водичка «Бал в Версале» под руку попала. Швырнул Жорка флакон в дальний угол — провоняйся он совсем! — схватил с туалетного столика помаду и в сердцах перечертил новенькие цветочки на обоях в прихожей категоричной надписью: «Вытряхивайся с манатками!», наклеив восклицательных знаков до полного опустошения тюбика.

Раньше было тоскливо, теперь и больно. Доверился, размечтался про институт! Проститутка обставила квартиру советскому офицеру! Узнает кто, труби большой сбор, сам погоны с себя спарывай.

Мотало единицу старшего лейтенанта Байбородина на океанской зыби, заливало палубу и мостик напористыми шквалами, вылизывало тропическими ливнями, и не было покоя ему ни на вахте, ни в каюте. Не успокоило его и письмо, пришедшее с почтой на снабженце: «Любимый, не дури. Обои переклеила и кротко ожидаю тебя в нашем гнездышке (каково, а!) Он уже не хозяин в своей квартире!» Хожу на подготовительные курсы (врет, бестия!) и работаю машинисткой (динамисткой!). Прежние развлечения бросила (так я и поверил!), потому что вижу теперь смысл жизни...» Ну, это куда ни шло: вернулся бы из похода, выставил, или какие-то варианты появились бы; но в самом конце письма приписка была, отчего Жорке захотелось задуричь до самого лазарета и списания подчистую в запас: «Ездил к твоим в Ленинград. Твой папка — душка, а маме я сказала, что теперь она у меня единственная. Еле уехала, не отпускали. Скачала, что заниматься надо и работать, радовал Гошечку».

Ох и метался по тесной каюте старший лейтенант Байбородин, ох и бился головой в переборки! От полного помутнения спасла учебная тревога: вышли в район боевых стрельб.

И так отлично баче старшего лейтенанта Байбородина показала себя на учениях, что заслужила благодарность командования, а самого Байбородина представили к награде. Вот что отчаяние делает с человеком...

Своим ходом шли на корабле боевая тревога и поллитзанятия, множились число отличников боевой и политической подготовки, крепла баче старшего лейтенанта Байбородина и весь экипаж. Вместе с экипажем креп внутренне и Георгий Байбородин. Будь он хоть каперангом, хоть адмиралом, а экипаж — семья. Уродом Жорка Байбородин не хотел себя считать.

Окрепло в нем и решение по возвращении из похода жениться на медичке Верочке. Бог с ним, что коротконогая, зато порядочная. До прихода на базу и присвоения Байбородину звания капитан-лейтенанта оставалась семь суток, которые он провел в сильнейшем напряжении, выбивая из себя память о насмешнице Рэгги и прививая любовь к Верочке.

На седьмые сутки, ближе к закату, корабль вошел в родную бухту. Рассеянные снежинки падали с неба,

¹ По международному своду сигналов — «От такого слышу!».

² Это он зря погорячился, сказывается нежелание читать книжки, чем грешит все доблестное офицерство. Это во-первых. А во-вторых, деньги на обозаведение дал отец. См. справочную литературу: А. Дюма, «Три мушкетера».

³ Неправда: любовь. Только она движет миром.

не успевая собраться в первый зимний снежок. Почти капитан-лейтенант Байбородин глубоко втягивал в себя знакомые запахи порта, которых так недоставало в Индийском океане, где до чертиков приелась тропическая экзотика. Сейчас хотелось восклицать хорошими стихами про дым отечества, но поход не кончился, и офицеру на мостике необходимо сохранять серьезность. Отец, капитан Байбородин, настаивал когда-то на Жорку: непредсказуемое случается тогда, когда как будто ничего непредсказуемого случиться не может. Жорка Байбородин почитал отца, слушался его.

«А поутру пришел тягач, и там был трос, и там был врач...» Не совсем так. Счастливой концовки у капитан-лейтенанта не получилось. За время похода медичка Верочка вышла замуж за прапорщика-интенданта и доживала последний месяц перед декретным отпуском. Георгий Байбородин, красивый в новеньких погонах и печальный, поздравил ее, но домой не пошел ни в первый день прихода, ни во второй, ни в новых погонах. Сиднем сидел в каюте, безучастный к социалистическому соревнованию на корабле и обязательствам экипажа, с тревогой ожидал отпуска, когда надо будет списываться на берег. Встречи с начальной девахой на базе Жорка не боялся, хотя, как сказать... Если эта пробойная девица узнала его адрес и адрес родителей, матросики на проходной ее не удержат. «Или жениться уж на ней, чтобы голова не болела?» — мучительно размышлял Байбородин. И ждал он встречи с ней, и не ждал, и заново, как в походе, томился.

Когда капитан-лейтенанта Байбородина вызвали к трапу, он понял, кто пришел. Смертушка. Черный галстук на резинке пригладил, свежайшие уголки воротничка поставил торчком, сдул пылинки с новеньких погон и ходячим покойником отправился ей навстречу.

У трапа стояла — кто еще другой — Рогнеда. Прямо вся из оперы Серова, еще и с букетом пунцовых роз, словно с премьеры. Такая неотразимая, что начальник базы, контр-адмирал, рядом с ней не смотрелся. Рядом было Жоркино место!

— Здравия желаю, товарищ контр-адмирал! — отбил языком уставное приветствие капитан-лейтенант Байбородин, лихо козырнул, став в струнку.

— Вольно, капитан-лейтенант, — ответил козырнул адмирал и пожал руку Георгию. — Служил, знаю, отменно, а вот за то, что первую красавицу города покорил, громогласное тебе «ура» от всего Краснознаменного флота!

— За весь-то флот не ручайтесь, товарищ контр-адмирал, — разом расстроился Георгий.

— Что?! — разгневался адмирал. — Он еще сомневается! Мальчишка! Или ты больше меня в жизни смыслешь? Никакого тебе отпуска до свадьбы! — Адмирал тоже человек, поэтому закончил просительно: — Пригласишь, надеюсь? Что за свадьба без адмирала, классику надо изучать...

— Есть, — ответил Георгий тихо.

— Здравствуй, любимый, — сказала она и потянулась обнять Жорку. Адмирал галантно подхватил падающие розы и отошел в сторону. Субординация субординацией, а правит миром любовь. Чего не мог себе позволить адмирал — это расчувствоваться: со всех кораблей базы пристально следили за встречей.

— Пора и домой? — спросила она.

— Подожди, шинель надену...

Пока он собирался, застегивал шинель, натягивал и снимал перчатки, со всех кораблей любовались прекрасной невестой капитан-лейтенанта и мысленно умоляли его задержаться подольше — флот состоит из живых людей, которые никогда не разучатся радоваться, на флоте любая радость — общая.

И не смог капитан-лейтенант по-пижонски идти напрямую к проходной, а пошел с ней вдоль строя боевых кораблей; шли, молчали и очнулись у самого Эгершельда, где, как говорят моряки, земля кончается — край света.

— Это же чужая территория! — ужаснулся Жорка. — Ого... не выбраться теперь отсюда, у пиджаков везде бюрократия, затаскают по кабинетам, замучают на проходной! Посадят!

— Раньше посадят, раньше выпустят, — нисколько не опечалилась она.

Жорка Байбородин огляделся: надо выпутываться. Назад — далеко, по курсу — проходная, слева — вода, справа — отвесные скалы, рвали их когда-то, расширяя порт.

«Не так и отвесно, — прикидывал Жорка, — можно попробовать взобраться, метров десять крутизны, а наверху дорога, такси возьмем и домой...»

— Ну как? — спросил он ее. — Не испугаешься?

— Я, как ты, — ответила она, даря ему свое спокойствие.

Стали подниматься. Первые метры дали спокойно, камень торчал крупный, ногу Байбородин ставил уверенно, руку держал за спиной, и она касалась ее кончиками пальцев, не держалась, а словно подбадривала. Метров с пяти подниматься пришлось осторожно, тщательно выискивая точку опоры, нажим ее пальцев усилился.

— Может, вернемся? — спросил Байбородин, оглядываясь, чтоб запастись ее терпением.

— Как скажешь, — ответила она и посмотрела на него так, будто нет ничего на белом свете, кроме Гошечки.

Смутился Жорка, отвел глаза, глянул вниз и понял, что ни за какое пари не спустится и в горах обратного пути нет. Носок опоры найдет, задник никогда. И катится им донизу всмятку... Жорка мысленно пожалел ее длинные ноги в красивых сапожках и неожиданно похолодел.

«Отважилась в гору на тонких каблучках!.. Вот осел он так осел... Пижон нерепаный, пиджак недоделанный!..»

Она ожидающе улыбалась, спокойная, уверенная в нем.

— Только вперед, — сцепил зубы Жорка и повернулся к скале, оставив руку за спиной.

«Грохнемся, так вместе. Вот такая любовь...»

Три последних метра вымотали остатки душевного равновесия Жорки Байбородина, он не оглядывался больше: оглянуться — лететь вниз без остановок.

«И шинель в клочья, и лама на куски, и два мешка с костями. Но если б только я впереди падал, черт со мной, ее бы спас!» — проклинал себя за опрометчивость Жорка, а пальцы в перчатке выковыривали новые углубления для опоры. Кончики перчаток разлохматились, и ногти Байбородина сорвал до крови, не хотели даваться камешки, схваченные к тому же морозцем и льдом. Подъем продолжался, и будто провожала их пристальным вниманием вся база.

Голова Байбородина поднялась над последним метром скалы, и то, что он там увидел, раздосадовало: весь верх был залит льдом, который округло прихватил скалу, не опереться, не зацепиться, лишь чахлый кустик торчал в полуметре от носа Жорки Байбородина. Он обрадовался ему, присмотрелся и увидел, что радость преждевременна: кустик сам едва стоял, надломленный у основания. Вот, кажется, и сбывались слова пронзительного капитана Байбородина: непредсказуемое случается тогда, когда как будто ничего случиться не может. Попался Жорка, ни вверх, ни вниз, уже и ноги стали затекать, не чувствовали опоры.

— А ты меня, правда, любишь? — спросил он тихо.

Она едва стиснула свои пальцы на его руке, понимала, как трудно сейчас Жорке, в каком он сложном переплете.

— Очень...

На другие слова у нее духу не хватило, ноги еле держали.

«Выручай, друг, — внимательно присмотрелся к кусту Жорка. — Не дожить тебе до весны, хоть меня, грешного, спаси с моей любимой...»

И увидел Жорка, что не первый раз обламывался кустик и снова отрастал, два кочешка торчало над льдом у его основания. За них и зацепился Жорка Байбородин покрепче, напряжился и вытянул тело на лед. Вытащить следом ее — праздник. Отряхнулся Жорка, огляделся — подвиг. Если не брать во внимание глупости, породившей его. А она стояла так уверенно, будто попала на это место не снизу по камням, а с асфальтовой дороги. Жорка чувствовал за собой вину и никак не решался посмотреть ей в глаза. И за прошлое виноватый, и сейчас усугубил... Ладно уж, дело сделано.

— Слушай, ну вот поженимся мы, а как я тебя называть буду? Регги, что ли? Того чище — Рогнеда... Додумались твои родители...

— А ты меня, как князь Владимир, сударушкой зови, — сказала она, снимая какую-то пушинку с белого кашне капитан-лейтенанта Байбородина.

Такой свадьбы не помнил Владивосток, таких красивых молодых еще не видел, и даже сигнальная пушка треснула с Тигровой сопки в неурочный час, салютуя счастливой паре. Весело справляли ее и военные, и штатские.

И так бы оно все и было, когда б не примчался из Ленинграда капитан Байбородин, торопившийся расстроить свадьбу. Какой-то доброжелатель умолял его письмом не медлить, спасти сына и честь военно-морского флага. Видать, из тех, кому гарцовщица была не по зубам, не по карману. Знать, доброжелатель ничего не знал, потому что ничего и не было, а расписал ее подвиги сочно. Так и случилось непредсказуемое, когда уже ничего как будто не могло случиться: сбегал Жорка Байбородин в кусты, уехала из города девушка с редким именем Рогнеда.

Как-нибудь позже, когда Жорка выйдет в адмиралы, может, женится на какой-нибудь праведной коротконожке, может, нет — мало праведных осталось на земле, но обязательно придет он к тому кусту, который поверил ему и помог выбраться. А может, и кустик не доживет до этого, много льда на планете, и с каждым годом больше и больше.

И не корите автора за печальную концовку — еще ничего не случилось. Оставим Жорку с его сударушкой в тот момент, когда она говорит ему в сердцах:

— У тебя собственных мозгов немножко есть?

А за Мендельсоном дело не станет.

Я — большой и тяжелый
кусок янтаря.
Я такого размера,
я веса такого,
что уже навсегда
стал невидимым я,
а на берег летят
шелуха и полова.

Поздоровавшись с морем
ступнями опять,
самый крупный янтарь
ищут люди в прибое.
Но большое, как малое,
не увидать,
и отчетливо малое,
будто большое.

Так чего же ты, время,
в мой каменный мед
добавляешь свои
дорогие вкрапления
и, свое выраженья
создав наперед,
не находишь потом
своего выраженья?

Но во всем, что безлика,
во всем, что мертво,
или слова никак
золотого не скажет,
может быть, потому-то
и нет ничего,
что там именно
есть несказанная тяжесть.

ЧУДНАЯ ЭЛЛИНКА

Осы в стаканы твои залетают,
продащица осеннего сока.
Воздух вокруг тебя состоит
из замыканий коротких.
В демисезонном черном пальто
особенно мне одиноко,
словно Ирэн из портовой корчмы,
на зиму влезшей в колготки.

Ей бы кефальки копченой погрызть
да выпить кружечку пива.
Что ей тогда мой ощеренный зуб,
что, потемнев, облупился,
щеки ярые, дьявольский глаз,
мир преломляющий криво?!
На тебе рубль! Я поиду погляжу
на продащицу у пирса.

На киммерийском этом лице
очи забыла Эллада.
Но электричество узкое ос
мне выползает навстречу.
Чудная эллинка! Если дождусь
я твоего полувзгляда,
то на него — издалека —
полуулыбкой отвечу.

Не подоиду! Лучше так постою,
жалок, возвышен и страшен.
Или опять в кулачишке сожму
жизнь, что меня иссушила,
и подоиду? А когда подоиду —
чертушкой? принцем ли? стражем? —
полный стакан пузырящихся ос
ты мне нальешь из кувшина.

ПРОДЕЛКИ ЛЕСА

Морозом наэлектризован
последний кустик и пенек.
Наверно, тронешь ствол сосновый —
как током пальцы долбанет!

Но взгляд небеглый зарисует:
в штативе стынущей сосны,
в пробирках легоньких сосулек
идет реакция весны.

И с лаборантскою сноровкой
их солнце двигает, спеша.
И хвост у белки, как спиртовка,
горит, неистово пуша.

Иду без компаса и трассы.
Формует розы волчий след.
Но лес ни чуточки не страшный,
он — как с иголочки одет.

Тишь не ухватывает ухо,
Лишь дрогнет ветка невзначай.
И вдруг, гляжу, стоит старуха,
— Сынок, — кричит, — не убивай! 11

депутациями, стало ясно: на политическую арену вынесло новую волну — неподатливую, упругую, жизненно стойкую и в то же время не пытающуюся размыть берега...

Сейчас зачастую подчеркивается: забастовка носила сугубо экономический характер. Это в полной мере подтверждают и 35 пунктов Протокола о согласованных мерах, подписанного региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС.

Но, думаю, справедливее сказать, что, несмотря на требования чисто экономического порядка, был у шахтерской забастовки и политический подтекст. Потому хотя бы, что первоначально ставился и вопрос о досрочных выборах в местные Советы. Потому, во-вторых, что старыми методами командно-приказного управления не решить всех задач, выдвинутых рабочими. И в-третьих, что просто-напросто у нас ничего не выйдет, если расчленять экономическую и политическую реформы.

Она, забастовка, невозможна была, скажем, в апреле, когда прошли волнения на некоторых шахтах Кемеровской области. Не была бы она столь мощной и массовой во время парламентских каникул. Образно выражаясь, шахтерская забастовка говорила на депутатском языке. В этом смысле ее совпадения во времени с работой сессии.

Не отчаяние собрало шахтеров на площадях. Усталость от тяжелых условий труда и быта, неуверенность в завтрашнем дне — все это реальные и сильные мотивы. Но определяющим

ВЛАСТЬ ИМУЩИЕ...

Валерий МАЙОРОВ
Фото Эдуарда
ЭТТИНГЕРА

В первых числах августа в Кемерове я стал свидетелем неординарного факта: областной забастовочный комитет, преобразованный в Совет рабочих комитетов Кузбасса, располагавшийся до этого в Прокопьевске, получил «жилплощадь» в здании облисполкома. На самом верху, на шестом этаже. Над ним только крыша Совета. И государственный флаг...

Знаменательно: шахтерская забастовка, начавшаяся в Междуреченске, а затем охватившая шахты не только Кузбасса, но и почти всех угледобывающих регионов страны, совпала по времени с сессией Верховного Совета СССР.

...Помните? По вечерам становились свидетелями захватывающего теледействия — сшибки долгожданной новизны и цепкого догматизма. Следя за противоборством политических расчетов и позиций, характеров и интересов, амбиций и страстей, мы определяли для себя героев и антигероев, пытались предугадать, чем закончатся парламентские заседания. И тут на их стержень наизлзался новый сюжет — шахтерская забастовка. Вскоре, когда о ней заговорили народные депутаты, вернувшиеся из поездок в бастующие регионы, когда озабоченно, но спокойно оценил события М. С. Горбачев, когда на уровне правительства начались переговоры и встречи с забастовочными

Теперь наше руководство верно поняло: забастовка при всей категоричности выдвинутых требований имеет не разрушительную, а, наоборот, созидательную подоплеку. Хотя на первый взгляд это может показаться и парадоксальным...

И все же не покидали меня сомнения: а так ли уж было необходимо прибегать к крайним методам? Как не учесть горький, тяжкий опыт, обратившись взором к Нагорному Карабаху, где забастовки довели до критического состояния экономики области, лишь усугубив узел проблем, усложнив решение выдвигаемых требований.

Ответ на мучивший меня вопрос я искал в Кузбассе: там была высечена искра, блеснувшая на всю страну...

Перед отлетом в Кемерово, вспоминая свои командировки в шахтерские города и поселки страны, я просмотрел старые блокноты, публикации. Признаюсь читателю: испытывал какую-то неловкость, а временами и стыд. Бог ты мой, как же мы были приучены говорить лишь то, что кому-то надобно! Шахтерская профессия представлялась в ореоле рекордов, наград и красивой зажиточной жизни. (Правда, на стороне слыхивали о том, что шахтеры здорово пьют, — так это от бешеных заработков и богатейшего здоровья.) Социальные легенды умело и старательно поддерживались. Если изображены шахтеры в касках, только что вышедшие из забоя, то обязательно белозубые улыбки на покрытых угольной пылью лицах. Если показаны горняки во время каких-нибудь торжеств или общественно-политических событий, то в вицмундирах, при орденах и особых знаках шахтерской доблести.

Да, эти люди достойны наград. Но еще более достойны они нормальной,

человеческой жизни. И не только орденоносцы, герои. Все без исключения, кто впрягся в этот тяжкий труд.

Мы сейчас много говорим о негодной политике прежнего угольного министерства, волюнтаризме ведомств, по существу, превращавших рабочего человека в придаток статистического показателя. Это все так. Но я думаю, что виновны не только те, кто напрямую причастен к сложившейся ситуации. Перед шахтерами в долгу, думаю, вся страна. Шахтерский пот, подчас и кровь — в угле, который нас обогревает и светит электричеством в машинах, различном дефицитном ширпотребе, что приобретен за инвалюту от продажи «черного золота» за рубеж.

А что взамен? Запущенные до крайности шахтерские поселки? Примитивный быт? Хибары, где ютятся горняцкие семьи? Такие «шанхай» мне довелось видеть в Междуреченске и Прокопьевске, в Воркуте и хакасском Черногорске, Копейске под Челябинском, в шахтерских городах Красноярского края. (Впрочем, они удел не только шахтеров.)

Есть вещи и пострашней. Молчать об этом — недостойно, стыдно. В одном из шахтерских поселков Донбасса (белые хаты с двориками на сельский манер, с яблонями и вишнями за заборами) меня поразило такое наблюдение: среди жителей почти не было стариков. Догадка подтвердилась, когда пошел на местное кладбище и стал всматриваться в даты на надгробиях, — очень немногие из шахтеров доживают до старости.

Подсчитано: вследствие трагических случаев на каждый миллион тонн добытого угля приходится одна человеческая жизнь (для некоторых бассейнов до трех-четырёх). К этой жестокой статистике примыкает и другая: высокая

профессиональная заболеваемость, вызванная спецификой подземной работы, воздействием угольной пыли, газа, вибрации добычных и проходческих машин и механизмов. Конечно, от этого всего никуда не деться. Но как же так получилось, что долгие десятилетия, вплоть до недавнего времени, ряд профессиональных заболеваний таковыми не признавались (следовательно, материально не компенсировались)? Отчего мы во весь голос не заговорили о том, что надо снизить возрастной ценз для выхода шахтеров на пенсию, об увеличении продолжительности их отпусков, об обеспечении их лучшим медицинским обслуживанием? Почему не стыдимся того, что в социалистическом обществе допустима работа на износ?

— Нам не до заслуженного отдыха, — говорил мне Саша Тухкий, забойщик с горловской шахты «Комсомолец». И сказано это было с таким спокойствием, что мне стало как-то не по себе...

Половина трудящихся Кузбасса больны хроническими заболеваниями; онкологические превышают общесоюзный уровень в 10—15 раз! В области 87 (!) процентов новорожденных имеют физические и умственные отклонения. Такие страшные цифры надо бы печатать самым крупным шрифтом, чтобы каждый понимал, до какой жизни мы докатились. И как необходимы перемены кардинальные, без половинчатости и проволочек.

И, конечно же, дело не в мыле, которого не хватило шахтерам Междуреченска, — дефицит с мылом, равно как и с многим другим, повсеместен. Но искра вспыхнула в Кузбассе оттого, что именно здесь уж слишком туго переплелись все проблемы — области, давно и многим обделенной, превращенной ведомствами в заводские задворки

фактором стало то, что рабочий человек начал осознавать себя гражданином Отечества. И сколько бы ни говорили об экономическом уроне, нанесенном забастовкой, он, думаю, все-таки меньше тех приобретений духовного, нравственного порядка, что дала она всем нам. Эти приобретения крайне важны для страны, возвращающейся к здравому смыслу. Важны в том числе и тем, что завтра или послезавтра обязательно обернутся и достижениями в области экономики.

Об этом еще перед командировкой в Кемерово я немало услышал от членов шахтерской делегации из Горловки, приехавшей в Москву для встречи с Председателем Совета Министров СССР Николаем Ивановичем Рыжковым.

Вспоминаю сказанное Геннадием Горбылевым, проходчиком с шахты «Кочегарка», одной из старейших в стране:

— Было ли за все годы существования Советской власти подобное? Мне и самому страшновато подумать, во что вылилась бы такая забастовка, случись она во времена, скажем, Брежнева...

страны; угледобывающей отрасли, более полвека по каким-то законам абсурдной экономики являющейся убыточной; наконец, проблемы, вызванные обострением общественно-политической ситуации. Иначе говоря, здесь, в Кузбассе, вся боль, накопившаяся в обществе, сгустилась настолько, что впрямую кричать.

Так была ли забастовка единственно возможным способом распухнуть, разорвать этот узел? Надо сказать, что разброс мнений у моих собеседников (а это шахтеры, партийные, профсоюзные, комсомольские работники...) колебался в широкой амплитуде — от безоговорочной поддержки выступления до его категорического осуждения. Я пытался эти суждения подвести, так сказать, к единому знаменателю — вычленив главное... И все написанное зачеркнул, когда услышал выступление Н. Г. Литвиненко, секретаря партийной организации шахты «Новая» из Белова, избранного председателем городского рабочего комитета на пленуме Кемеровского обкома КПСС.

«... Миллионные убытки нашему народу принесли не мы, а те, кто на протяжении десятилетий не решал ни одного вопроса... Почему мы оказались на площади? Потому что никакой другой метод не помог. Сейчас идут обвинения, почему именно таким методом? Вас здесь сидит более пятисот человек. Хоть один пусть встанет и скажет, каким методом надо было действовать. Уговаривали? Уговаривали. Помогло? Нет. Требовали? Требовали. Помогло? Нет. Писали? Писали. Ничего не помогло. Может быть сейчас подняться и ответить, какими методами должны были мы действовать?»

Среди забастовщиков было немало молодежи, и естественный вопрос: как к шахтерскому выступлению отнеслись комсомольские органы области? Беседа с Татьяной Новиковой, первым секретарем обкома, услышал.

— Мы поддержали забастовку. Это осознанная позиция рабочего класса, направленная на выход из унижающего любого человека бесправия. Это рыбок рабочих к новой, цивилизованной жизни... Думаю, неверно говорить о нанесенном экономическом ущербе. Ведь на шахтных складах области сейчас накопилось 12 миллионов тонн угля. Ну и прибавилось бы еще 5 или 10 миллионов мертвого груза... По большому счету, это что — прибыль? Еще парадоксальнее звучит довод, что на деньги, потерянные от недобытого угля, можно было бы построить столько-то жилья, яслей и так далее... И это при том, что добывать-то добывали, а строить не строили. А не будь забастовки — так бы и не спохватились, что строить-то надо...

Мне близка позиция секретаря. Но, соглашаясь полностью с Татьяной, хотел все же спросить: а почему ж тогда комсомол не принял активного участия в забастовке? Знаю: в райкомах и горкомах поначалу начался сбор средств, кое-где аппаратчики помогали в выработке требований, выпуске бюллетеней. Но все же это крохи...

И тут я подумал, что мы еще продолжаем с какой-то школярской примитивностью подходить к таким понятиям, как руководящая роль, лидерство... Упрощенно, с позиций «диктатуры секретариата» смотрим на сложные жизненные явления, веруя в то, что эту самую руководящую роль можно спустить по директиве или обеспечить посредством трибунной декларации.

Немало упреков раздалось в адрес профсоюзов: не защищали интересы рабочих, растерялись в забастовочной ситуации. Все так. Но могло ли быть иначе при нынешнем существе дел? При полной зависимости профсоюзного аппарата от аппарата партийного и хозяйственного?

Долго беседовал с Василием Ивановичем Романовым, председателем Кемеровского облсовпрофа, народным депутатом СССР.

Он привел такой факт.

В разгар забастовки областная депу-

татская группа, которую он возглавляет, собралась в Прокопьевске и выработала предложение: провести в первой половине ноября досрочные выборы в местные Советы. С прямым избранием их председателей.

Уже на следующий день (точнее, вечер) состоялось заседание бюро обкома партии, где деятельность депутатской группы была безапелляционно осуждена. Причем с такими выражениями, как «удар в спину», «удар в самое сердце», «депутаты устроили шоу».

Эмоций, видимо, было так много, что потребовалось два дня перерыва, дабы их остудить. Возобновив свою работу, бюро вынесло окончательный вердикт, подтверждающий недопустимость нарушения тов. Романовым коллегиальности в работе бюро ОК партии (как же так, он входит в состав бюро, а ни с кем из его членов не посоветовался?).

Вот вам, кстати, и разгворы о недопустимости какого-либо давления на народных депутатов. А если б Романов им не был? Как были бы оценены действия председателя облсовпрофа? Получил бы место «обратить внимание» что-нибудь «с занесением»? Такие вот польки-бабочки...

А теперь зададимся вопросом: а могла ли вообще забастовка воспринять в свои ряды, тем более лидирующие, людей, даже честно пекущихся о благе народном, но хоть в чем-то по тем или иным причинам зависящих от параллельных сил?

Не будем строить иллюзий. Забастовка — это не фестиваль народного творчества. Ложи для почетных гостей тут нет...

Солнечным днем с Сергеем Веренковым, членом Совета рабочих комитетов Кузбасса, едем на строительство злополучного Крапивинского гидроузла. Уже давно общественность области, опираясь на мнение ученых, поддержку многих партийных и советских работников, выступала за прекращение этой стройки. Проходили митинги, собирались подписи, местные власти обращались в Москву. Но маховик на приводных ремнях командно-административной системы продолжал крутиться, бездумно тратя рабочую силу и средства на возведение объекта, когда-то разрекламированного как инженерное чудо: будет, мол, полностью решена проблема водоснабжения, улучшится экологическая обстановка. Нынче же выяснилось, что экологической экспертизы и в помине не было. А по расчетам независимых специалистов, водохранилище, залив территорию с остатками выработанных ртутных рудников, станет отстойником промышленных отходов, приведет к еще одной природной катастрофе...

Мы увидели Томь, обезображенную серым горбом недосыпанной перемычки, недостроенным машинным корпусом плотины, по верху которого вытянулся вылинявший транспарант: «Перестройка — время смелых решений и решительных действий!» Уж не в насмешку ли над здравым смыслом приладили его здесь?

Обновлять транспарант уже не придется. Правительство приняло трудное, затрагивающее судьбы сотен строителей, но единственно верное решение: строительство гидроузла прекращено; ведутся лишь консервационные работы.

Правда, с прекращением строительства вышла, скажем так, накладка, вызвавшая немедленную реакцию шахтеров — на полтора десятках шахт была проведена предупредительная двухчасовая забастовка.

— Нас ругают за эти два часа. Да мы и сами понимаем, возможно, поторопились, — говорил мне по дороге на гидроузел Сергей Веренков. — Но сам суди, как мы должны были расценить такой факт: Совмин в соответствии с протоколом дает распоряжение о консервации стройки, а строительные работы продолжают. Нам объясняют: дескать, Минэнерго и Минводхоз не продублировали распоряжение Совета Министров соответствующими приказами. Как, скажи, относиться к такому бюрократическим играм?..

Раздражение, недоверие людей можно понять, если еще вспомнить и то, что за многие годы на самом высоком уровне принималось немало хороших решений, касающихся области, но ни одно не было выполнено.

Сергей — водитель автобазы в городе Мыски. На своем тоскосоветском «БелАЗе» вывозит из карьера уголь. Нелегко приходится ему в Совете рабочих комитетов — все непривычно. Многие постигает, что называется, с колес, вникая в неведомые ранее тонкости. Как, например, в то, что касается консервационных работ на гидроузле. Выполнение этого пункта совместного Протокола взялся контролировать Веренков.

...В Совете 26 человек. Возглавляет его Тенгиз Георгиевич Авалиани, народный депутат СССР, заместитель директора по кастроительству ПО «Киселевскуголь». Тот самый негибачаемый Авалиани, что в 1980 году, в канун XXVI съезда КПСС, написал письмо Брежневу, в котором, оценив обстановку в стране, не побоялся сказать правду: «... Политбюро и правительство не справились с возложенными на них обязанностями, следовательно, должны передать свои полномочия другим...»

Тенгиз Георгиевич не был среди тех, кто выходил на площадь. Но когда в составе депутатской группы прилетел к забастовщикам, его попросили возглавить комитет. И он, конечно же, не побоялся (как и многие другие коммунисты) поддержать шахтеров, хотя и было ранее принято постановление обкома партии о недопустимости участия членов КПСС в забастовочных акциях.

О себе Авалиани не любит говорить. Но со слов шахтеров знаю, что его авторитет, богатый жизненный и хозяйственный опыт помогли забастовочному комитету (а затем Совету), сложившемуся из незнакомых дотолу людей, избранных представителем из разных городов и поселков, стать дееспособным коллективом, мыслящим и действующим, с государственным подходом, с ответственностью перед страной и шахтерами.

Десять человек его состава — инициативная группа. По нашим меркам, это освобожденные работники. То есть те, за кем сохранена зарплата, а местом временной, но не ограниченной кажим-нибудь сроком работы стала одна из комнат на шестом этаже облсплокома.

Здесь никогда не бывает безлюдно. (Такая же картина и в городских рабочих комитетах.) Идут с самыми разными вопросами: кто не нашел поддержки в официальных органах власти, кто отчаялся добиться правды, натолкнулся на бюрократическое бездушие и чванство...

Основная работа Совета — контроль за выполнением согласованного протокола. В нем, как я уже говорил, 35 пунктов, включающих весь спектр проблем — от сложнейших вопросов по предоставлению самостоятельности предприятиям и переходу с 1 января будущего года области на региональный хозрасчет до поставки из резервных фондов товаров первой необходимости.

Какие требования забастовщиков (помимо прекращения строительства гидроузла) уже реализованы? Прежде всего области, особенно шахтерским городам и поселкам, стало легче с продуктами, с тем же порошково-мыльным дефицитом. О каком-то щедром потоке говорить, конечно, не приходится, это скорее ручеек... В разных местах для соцульбыта переданы новые административные здания. Достоянием народа стали шикарные дачи возле села Мазурово, бывшие спецателье «Новинка» и спецбольница № 2. Кое-кому в ближайшее время придется уступить уютные кабинеты и холлы ребятам, лишенным пока нормальных домов пионеров, клиник и пансионатов...

Что касается чисто шахтерских проблем, то с августа уже установлена дополнительная оплата за нормативное время передвижения в шахте, введены доплаты за вечерние и ночные смены.

Предприятиям отрасли предоставлено право весь уголь, добытый сверх госзаказа, продавать по договорным ценам и за рубеж.

Но большинство запротоколированных требований в одночасье не решить — они касаются вопросов, затрагивающих весь уклад нашей экономики, связаны с проработкой новых подходов к хозяйствованию...

Мне не раз довелось бывать в Совете во время переговоров с представителями министерства, комиссиями из Москвы. Впервые видел высокую номенклатуру не во главе стола. Но поражался не этому, а тому, как умело, дипломатично и твердо ведут «свою линию» шахтеры, утрясая трудный вопрос.

Никогда не забуду, как во время переговоров с делегацией из финансового ведомства, когда уточнялись какие-то частности по упорядочению оплаты шахтерского труда, со стороны гостей слышались ссылки на некие препятствующие инструкции. И всякий раз Александр Асланиди находил убедительные контрдоводы. Приятно было наблюдать, как под напором здравого смысла пятится и сдается слепая вера в бумажку...

Кто же они — эти люди, что так смело и уверенно выдвинулись в лидеры?

Георгий Голиков, машинист горновывемочной машины. Не думал и не гадал, что его когда-нибудь куда-нибудь изберут. На его шахте «Березовская» узнали о забастовке в Междуреченске перед заступлением третьей смены. На летучем собрании шум, гам. Кроме голы информации, никаких сведений. Общее мнение: поддержать. А что делать конкретно? Георгий предложил послать в Междуреченск делегацию, а тем временем и самим выработать требования... Так и стал он членом Березовского забасткома. Потом выбрали в региональный.

— А до этого в активистах не пришлось ходить, — улыбается Георгий.

Асланиди, можно сказать, более опытный «боец». Депутат поссовета. Дважды выдвигался на партийную работу. И оба раза уходил с нее после стычек с руководством. Недавно вновь предлагали возглавить парком или профком шахты имени 60-летия СССР, где он работает старшим механиком по автоматизации.

Но это Александр воспринял как тонкую аппаратную игру, преследующую цель «размыть» Совет, доставляющий властям немало хлопот.

Предлагали стать директором шахты Юрию Горольду, горному мастеру из Новокузнецка.

— Еще не время, — ответил он. — Надо сначала довести до ума начатое...

Только не думайте, что я идеализирую Совет рабочих комитетов. Да и невозможно предположить, что все в его действиях будет оптимальным. Но то, что шахтеры, достигнув власти, пришли к ответственности — это бесспорно. Вспомним: еще во время забастовки они взяли на себя поддержание общественного порядка, пресекали провокационные случаи продажи спиртного, всячески содействовали службам, отвечающим за работу торговли, транспорта, связи, медицинского обеспечения...

А сейчас?

Многим членом Совета я задавал вопрос о прогнозах «на завтра» — забастовка ведь только приостановлена.

Общее мнение высказал заместитель председателя Совета рабочих комитетов Кузбасса Юрий Рудольф:

— От прогнозов все-таки давайте воздержаться. Но самое главное для нас — не допустить новых выступлений, хотя и понимаем, как трудно уложиться в сроки протокола. Но если уж мы пришли к соглашению...

Это значит, что Кузбасс просто не сможет жить по-старому. Не сможет мириться с диктатом ведомства, бюрократизмом, невниманием к интересам и нуждам людей.

...А что касается власти, то она, обретая новую структуру, содержание, как была, так и осталась Советской.

- Если вас обокрали...
- Исповедь молодого спекулянта
- Алкоманы — золотой фонд?

Один из монологов Михаила Жванецкого начинается так: «у профессора «обчистили» квартиру. Украли все...» Довольно банальная ситуация, в которой может оказаться любой из нас. И многие оказываются ежедневно, только по Москве — десятки людей. Что же происходит с человеком, если ему так сильно не повезет? Конечно, он обращается в милицию. Милиция ищет. Может быть, и находит. Но довольно-таки часто — нет. Если находит воров, дело поступает в суд, преступника ждет наказание. Потерпевший со спокойной совестью вздыхает: «Наконец-то вернут похищенное. По крайней мере возместят ущерб».

Но не тут-то было! Ущерб возместят только тот, что будет доказан в суде. И не сразу, а постепенно. По мере того, как преступник будет отрабатывать долги в колонии. И если у него таких эпизодов, как говорят юристы, несколько, то потерпевший будет получать буквально по копейке в месяц. А если вор не может работать или вообще исчез, то, извините, плакали ваши денежки...

Среди юристов давно идут разговоры об ответственности государства перед своими гражданами. Наконец-то голос юристов услышали, в Постановление Съезда народных депутатов СССР попало несколько слов об этой ответственности. Видимо, следует ожидать, что подобная норма будет и в новой Конституции СССР.

Одна из обязанностей государства перед нами — охранять нас от преступлений. Поэтому каждое преступление можно считать результатом невыполнения государством своего долга. Именно долг, так как мы ежемесячно отдаем государству часть своего заработка, подоходный налог, в частности, и на то, чтобы оно нас охраняло. Но если я не выполняю работу, за которую мне заплатили, то тот, кто мне платит, вправе требовать возмещения ущерба, который я причинил ему своей бездеятельностью. И поэтому потерпевший вправе обратиться к государству с иском, и оно должно немедленно выплатить ему то, что украдено. А затем пусть ищет преступника и возвращает себе сумму, выплаченную вам.

При таком положении государство материально заинтересовано в качественном и быстром раскрытии преступлений. Средства, которые оно заплатит потерпевшим, должны вернуть правоохранительные органы.

И тогда наши депутаты увидят реальную цену «дешевым» органам защиты граждан. Когда придет к ним министр внутренних дел и скажет, что, вот, товарищи депутаты, я просил у вас на нужды МВД выделить, скажем, 10 миллиардов рублей (к слову, США выделяют на полицию, куда не входит следственный аппарат, в отличие от МВД, сумму в 26 миллиардов долларов), а вы выделили только 2 миллиарда. В результате выплаты потерпевшим составили, к примеру, 90 миллиардов, а вернули мы только 10. Давайте думать, кому лучше платить: МВД или преступникам?

Думаю, депутаты заплатят МВД. Что же происходит сейчас? Каждое расследование — это большие затраты. Ответственность государство перед гражданами не несет и ничего им не возвращает (речь идет не о Госстрахе,

это отдельная статья). То есть государство тратится только на нашу охрану. И совсем безразлично к тому, как эта охрана осуществляется. Более того, заинтересовано в уменьшении расходов на нашу безопасность. Откуда и то положение, в котором существуют наши правоохранительные органы: слабое материальное обеспечение, низкий заработок (постовой — 170, стажер — следователь прокуратуры — 130 рублей), плохие социально-бытовые условия работников и т. д. Можно ли в таком случае считать правоохранительные органы экономически независимыми? И не отсюда ли трудности с кадрами? Наверное, давно пора, как в цивилизованных странах, закрепить в Конституции СССР статью об ответственности государства: «Государство несет материальную ответственность перед гражданами за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей».

Нужен Закон и о возмещении государством ущерба, причиненного гражданам преступлениями. Без этого мы не можем считать правовым государством.

Юрий ХРАМОВ,
студент 5-го курса юридического факультета МГУ

Беседа А. Бойко и Б. Исакова «Без иллюзий» («Смена» № 12 за 1989 год) выражает крик большой души миллион матерей, жен, детей, постоянно страдающих от членов семьи, которые длительное время пьют. Но как ни странно, этого многомиллионного крика никто сверху не слышит. Один из главных моментов перестройки — отрезвление человека. Без принятия срочных мер по отрезвлению населения нет смысла даже и речь вести о настоящей перестройке.

В представлении местных властей алкоманы образуют как бы золотой фонд, стимулируют товарооборот, являются «золотой жилой», которая без малейшего на нее нажима качает купюры в банки города.

В городе Волжском Волгоградской области изменений по борьбе с алкоголизмом нет. Сплось процветает спайвание рабочего класса. Идя на работу, я постоянно наблюдаю одну и ту же картину: толпа людей, жаждущих похмелья, возле пивного ларька. В основном молодое поколение, подростки...

Людмила ЧЕЛОМБИЦКАЯ,
Волгоградская область

Хочу поделиться некоторыми мыслями, «душу излить». Жалко, если мое письмо попадет в мусорную корзину... Зовут меня Слава. Родился и вырос в Ленинграде, очень люблю свой город. Школу окончил без троек. Сейчас учусь на IV курсе института водного транспорта. Это все хорошо. Дальше — хуже. Дело в том, что, кроме этого, я еще и спекулянт, и чуть-чуть фарцовщик. Да, зарабатываю деньги нечестным путем. Вот об этом-то и мой рассказ. Началось это «увлечение» в школе, в классе седьмом-восьмом. Учился в спецшколе с английским уклоном,

язык давался очень легко, а «практику» проходил у гостиницы «Ленинград» и в районе Петропавловской фортеции. Резинка, картинка, маечки — набор известный. Потом, перед армией, как-то охладил к этому: была девушка, которая это не одобряла.

После армии взял год «академики» в институте — «отдохнуть». Но денег нет, решил их честно заработать. Где? Естественно, где платят больше. Полгода проработал грузчиком, сменами: день, ночь и т. д. Получал 280—320 рублей. Человеком не был. Еле успевал выспаться перед сменами. Праздников, суббот и воскресений не видел. Личной жизни никакой. Короче, выматывался. Насмотрелся на коллег-грузчиков, которые по очереди уходили в запой. Выйдет такой из запоя, два-три дня толком работать не может, пашешь за него. Чуть сам не запил. Но, честно говоря, пить не люблю. Вовремя сказал себе: «Славка, хватит!» Действительно, за эти полгода вряд ли три книги прочел, отупел совсем. Какой там театр или даже кино! Все. Уволился. Неделю отсыпался, ел фрукты, загорал, читал, ездил с невестой в Репино на пляж.

И вот там встретил старых друзей по «центру». Вместе фирму «пробивали». Поговорили, посмеялись. На ребят посмотреть приятно, веселые, загорелые, одетые. Ну, потрепались, взяли они меня «в долгу». И началась работа. Сам на «линию» я почти не ходил, налаживал сбыт. Это нетрудно: желающих масса. И появились деньги, и время, и все-все, что хочешь. Главное, не зарываться. Я беру от жизни только необходимое, хотя поначалу-то рвал много, так как необходима была квартира, мебель, кое-что из аппаратуры, ну и, конечно, одежда себе и будущей жене. Всякие пьяные гульбища мне неинтересны, почти не пью.

А потом рвать уже перестал. Просто, не напрягаясь, делаю то, что мне нужно. В отличие от наших идеологических работников предметами первой необходимости я считаю: отдельную квартиру, аппаратуру (включая видео), автомобиль, из еды — кофе, колбасу твердого копчения, иногда икру, полусухое шампанское, из одежды — все, что модно и нравится. Может быть, это слишком? Нет, это нормально! Каждый работающий человек должен это иметь! А у нас почему-то все это имеют неработающие паразиты, воры и прочие. В очень скорую перестройку не верю, больно уж все у нас загнило и запаршивело.

Вы можете возмущаться моей наглостью. Но я еще не все сказал. В нашей «тусовке» нет ни пьяниц, ни наркоманов, ни насильников, ни воров. Ребята или учатся в институтах, или уже закончили их, имеют дипломы, числятся «липовыми» дворниками. В основном все начитанные, с юмором, исколесили весь Союз, за границы бывали. Многие любят спорт. Почти все комсомольцы. С ними можно говорить на любые темы. Они кое-что могут в жизни. И им не надо глотать «бормотуху» и нюхать «Момент». А волна пьянства и наркомании захлестнула нашу молодежь потому, что ребята не видят выхода. Заработать на производстве нельзя, едва на еду хватает, живут зачастую в коммуналах, «видик» могут посмотреть только у кооператоров в тесном зальчике, если рубль лишний завалывается, одеться не во что. Вот и пьют, и нюхают от тоски. Понимаете, они на все рукой махнули: на социализм, на комсомол, на перестройку, и самое ужасное, на себя. Некоторые, правда, проявляют смекалку: в 14.00 штурмуют винный отдел, затариваются «сухим» по 1 рублю 60 копеек, а ночью продают его по 5 рублей. И все-таки выручку пропивают.

Нет, это не по мне. Я лучше буду учиться, а делать деньги мне даже интересно. Только вот зачем мне диплом инженера, пока не пойму.

В личной жизни у меня все прекрасно. Я очень люблю свою Светку. Встре-

чаю ее каждый день из института (она на вечернем учится). Сейчас копию денег на какую-нибудь старенькую машину.

А вообще-то мне хочется, чтобы была у меня настоящая работа, по моим знаниям и способностям, и настоящая зарплата, на которую я смогу купить в магазине все, что мне надо. И чтобы все жили хорошо, и чтобы все друг другу улыбались.

Вот и все. Письмо получилось очень сумбурное, но написано честно, от души. Понимаю, что напечатать его нельзя, а так хотелось бы узнать мнение и своих ярых противников, и единомышленников.

Ох! А времени-то уже 22.15. Побегу «такку» ловить, Светланку пора встречать.

Пока, Славик.

У одного учителя должен быть один ученик — вот что я подумал, прочитав ваш «круглый стол» по проблемам профтехобразования («Смена» № 9). Так было, когда я пришел на завод в 1949 году. Выбрал специальность электрослесаря, а наставником у меня стал Федор Князев. Он строгий и умный был. Дал мне знания по электротехнике на всю жизнь. Он спрашивал, но и сам за меня ответ перед начальством держал. Не было на меня таких больших расходов, как на нынешних учеников ПТУ, напротив, мы с первого дня продукцию давали. Может, такое наставничество выгоднее, чем огромные затраты на ПТУ?

КАГАКИН М. С.,
Ангарск

В 13-м номере «Смены» (за прошлый год) опубликована статья С. Каленикина «Кому не по нраву погода». Из этой статьи я понял, что в нашей стране мало кого волнует проблема зависимости здоровья человека от геофизических явлений. Особенно меня возмутило то, что Всесоюзный научный центр медицинской реабилитации и физической терапии Минздрава СССР не занимается этим важным вопросом. Может быть, директор Центра член-корреспондент АМН СССР В. М. Боголюбов из той застойной поры и стал просто чиновником, не понимающим сути дела?

В городе Казани, где я живу, ежемесячно в газете «Вечерняя Казань» помещается «Геофизический прогноз». Те, кто страдает ишемической болезнью сердца, должны принять соответствующие профилактические меры. Но, к сожалению, четких рекомендаций нет. Вот один из таких прогнозов:

«Для тех, кто особо чувствителен к состоянию погоды, болел или испытывает повышенную утомляемость, сообщаем, что наиболее неблагоприятными по геофизическим факторам будут 9, 15, 22, 24 и 30 декабря».

Советуем в эти дни и накануне быть особенно внимательными к состоянию своего здоровья и здоровья окружающих, использовать рекомендованные лечащим врачом профилактические средства, чаще быть на свежем воздухе».

При таком уровне медицинской науки мы вряд ли в ближайшем будущем повысим продолжительность жизни людей.

Хорошую статью вы поместили в журнале, а практических дел нет. Постановления по этому вопросу не выполняются. Спрашивается, до каких пор так будет и что, собственно, думает по этому вопросу министр здравоохранения?

Лев ЭРНЕРТ,
Казань

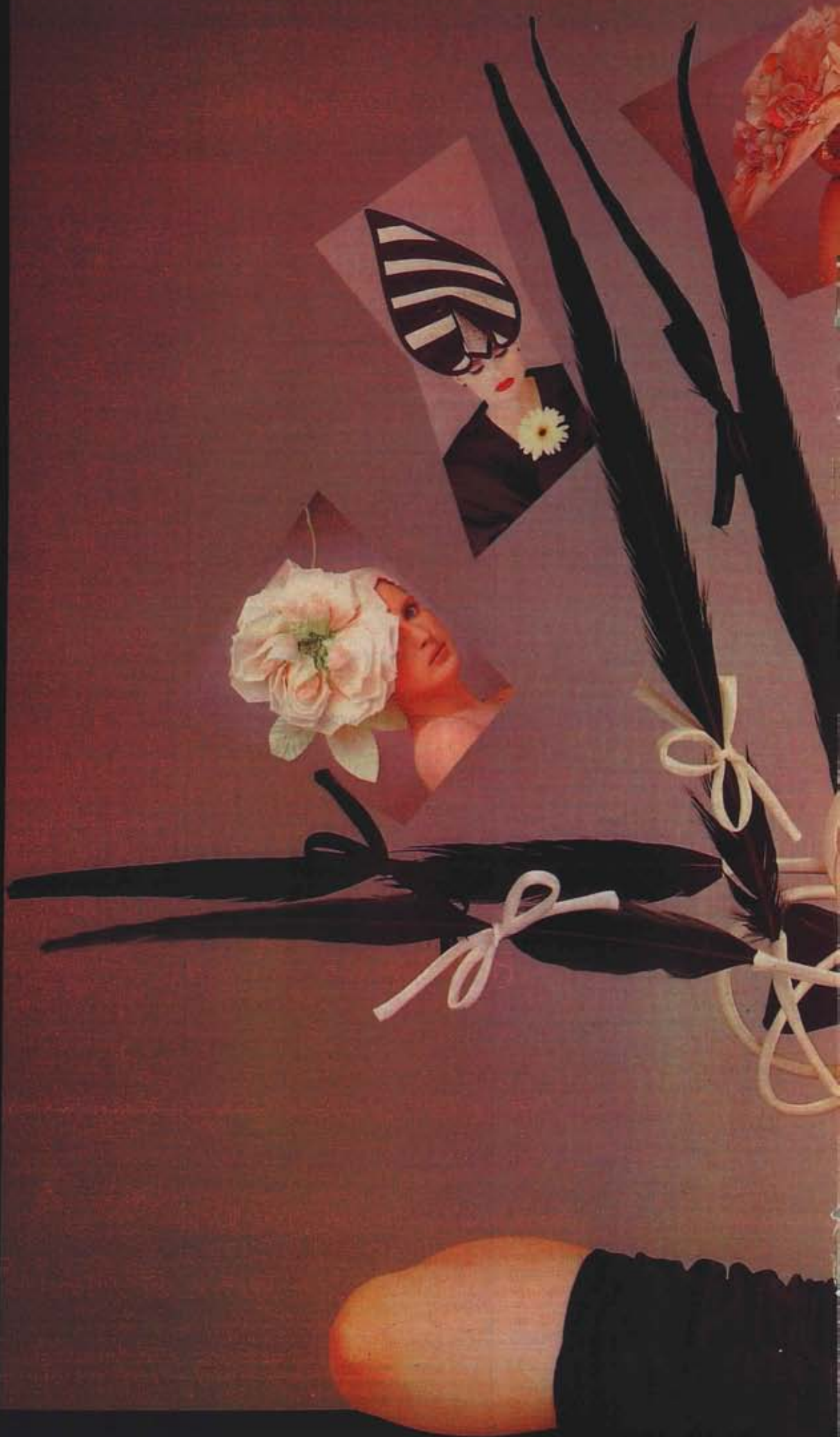
Александр СПИРИН

Если леди не при шляпке, значит, это не настоящая леди... — примерно так говорили в XIX веке. И, хотя в 20-е годы на Западе женская мода претерпела коренную ломку в связи с всплеском эмансипации, дамская шляпа «колокол» своих позиций (на хорошеньких головках) не сдала. Более того: прекрасный пол начал коротко стричься. Все вдруг пришли к выводу, что длинные волосы и шляпа-«колокол» — вещи несовместные. И так дамы красовались в шляпках вплоть до 60-х, до бума молодежной моды. Когда идеи отцов насчет внешней респектабельности наткнулись на глухое непонимание детей, и шляпки были сосланы в бабушкин сундук. Тут как раз подросла джинсовая эра с ее девизом «что удобно, то и модно». мода тяжко вздохнула и переключилась на прически. Дошло до того, что даже пожилые леди забывали надеть — о ужас! — шляпки, идучи в церковь либо на скачки. Дальше, как говорится, некуда.

Не знаем уж, как бы там они, леди, жили-поживали и добра наживали, не появились на горизонте Дэвид Шиллинг. Первую свою шляпу он соорудил в 12 лет. Его родительница, стопроцентная леди, отважилась прицепить к голове это сооружение, по слухам, совершенно фантастическое. И каждый новый год Дэвид так круто менял ее имидж с помощью новой шляпки, что ее подружки по бомонду не успевали охнуть и сказать сакраментальное: «Знаешь, милочка, в этой шляпке ты выглядишь даже лучше, чем два года назад».

Юный Шиллинг смекнул, что в наше время делать шикарные шляпки для повседневной носки — нонсенс. Изучив все перипетии моды аж с XIV века, он вспомнил хорошо забытое старое и отдал дань умеренному романтизму. Владельцы модных магазинов не преминули поставить его изделия «на конвейер» и безжалостно размножить. Шиллинг, надо полагать, в восторг от этого не пришел, поскольку ясно понимал, что красавицы, подобно белым воронам, не любят сбиваться в стаи и выглядеть «как все». Их привлекает *штучность*. И он резко меняет стиль, теперь уже основываясь на элементе преувеличения, следуя заповеди Жана Кокто — «искусство должно эпатировать». Размеры шляпок разрастаются до невероятных, материал становится легче пуха, о цветовой гамме мы стыдливо умолчим, а уж на чисто формальные изыски буйная фантазия художника-дизайнера никогда не скупилась. Впрочем, он учитывал и силуэт, и макияж, и прическу, и прочие прелести модели, ибо его шляпки приносили тот завершающий штрих, каковой превращал женщину в произведение искусства. Мужчины закатывали глаза и пачками падали на колени, когда Она небрежно снимала шляпку и бросала на столик, на постель, на трюмо — свет не видывал лучшего украшения для интерьера! Кстати, композиционная коллекция работ художника хранится в лучших музеях США, Франции, Италии, а театры Лондона и Парижа борются за право одеть актеров в вещи «от Шиллинга».

...Наконец и мы, завсегдатаи магазинов общесюзной фирмы «Шаром покати», смогли лицезреть Мастера шляпных дел на своих телеэкранах — он собственноручно презентовал одно из своих творений победительнице конкурса «Мисс Очарование». Нам неведомо, о чем беседовали Дэвид Шиллинг и наши начинающие бизнесмены за столом переговоров, но хочется надеяться, что дело у них не кончилось просто очередным призывом типа: «Дадим каждой нашей женщине по шляпке к 2000 году!»

ДЛЯ БЕЛ

ЫХ ВОРОН

Константин УЛЫБИН,
кандидат экономических наук

ДОЗВОЛЕНО СВЕРХУ

Казалось бы, столько сказано о пороках, издержках и всяческих извращениях Административной Системы! Какие только не принимались и не принимаются решения, постановления, но... госторговля хиреет, рынка нет, товарно-денежные отношения буксуют, забастовки... И убеждаешься: далеко не всеми ощущена глубина драматизма текущего момента. Похоже, никак не можем понять, что отказ от Административной Системы — это не просто переход от карточно-натурального обмена к рыночному, а переход от Системы Несобственности к Системе Собственности. Вот поле брани, эпицентр интересов. Ну, с чего это вдруг расцветет оптовая торговля средствами производства, когда трудовые коллективы не имеют права решать: что производить и кому поставлять свои товары,

и в какой мере? И разве государство, а не мы с вами в конечном счете все это и делаем? К чему нам посредники? И что, у государства нет других, более важных дел, которые только в его компетенции? Тогда на госсобственность разумнее смотреть как на объединение всеми членами общества части своих средств и ресурсов для решения общегосударственных задач. К ней можно отнести крупные, работающие на экономику страны в целом, предприятия типа КамАЗа, ВАЗа, Кривошеина, мощные научно-технические комплексы — это основа единого народнохозяйственного комплекса. А вот уже средние по масштабам предприятия должны образовывать другие формы собственности — республиканскую, акционерную, долевую, кооперативную, муниципальную и тому подобное. Уповать лишь на реорганизацию министерств — самообман, если не сказать большего. Ведь изменение состава, структуры и функций министерств может быть успешным, если соответственно меняется и объект управления. В противном случае либо ожидается реставрация старых струк-

КТО ЕСТЬ КТО?

Однако, заметит кто-то из читателей, с началом перестройки полномочия трудовых коллективов расширились! Право, не стоит витать в облаках. Дана лишь некоторая свобода в использовании небольшой части **дозволенных** сверх доходов. Удлинился поводок, и только. А реакция? Предприятия, не чувствуя себя полноправными хозяевами, тут же оказались в плену сиюминутных интересов, пошли на максимальный рост доходов через завышение цен, снижение качества продукции, изменение структуры производства. О технической реконструкции, снижении затрат, разумном использовании доходов, повышении качества и авторитета фирмы болит голова лишь у настоящих собственников. Введение прогрессивного налога на прирост фонда заработной платы сделает свое дело, остудит иждивенческие вожделения. Что же дальше? Надо решать главное, принципиально менять статус трудовых коллективов и министерств! Их взаимоотношения должны быть равноправными.

усмотрению. Данный вопрос государство и представляющее его министерство призваны решать совместно с трудовыми коллективами предприятий, как суверенные и равноправные партнеры, исходя из требований **соответствующих экономических законов**. И каждый из них должен иметь возможность оспорить мнение другого. Тогда и смысла никакого не будет трудовой коллектив подчинять министерству, а на последнее возлагать ответственность за работу предприятий. У каждого — свои, особые полномочия, свои функции. Никто из них не может принуждать другого. Их могут объединить лишь интересы и **взаимный договор, четко определяющий права, обязанности и ответственность каждой стороны**. Такой взгляд на статус трудового коллектива исключает административно-иерархический характер его взаимоотношений с министерством и позволит построить их на подлинно экономической основе.

Кстати, при этом принципиально меняется статус министерств и их функций. Они (там, где необходимы) станут

СОБСТВЕННОСТЬ

когда не в их карманах оседает основная часть доходов?..

Между тем стоит в очередной раз вспыхнуть дебатам о собственности (как с ней быть?), тут же одна из сторон непременно заявит: предприятия без руководства?! Жив, здравствует курлик! Крепка вера: если что-то кому-то не подчинить, — мир наш рухнет в тартарары. Поначалу все и вся объединили под одним шатром госсобственности, потом предприятия расписали по синдикатам и трестам, а через некоторое время — по наркоматам, после — по совнархозам, министерствам, а позже — по объединениям и межотраслевым комплексам... Чем бы дитя ни тешилось?

Не раз утверждалось, что главное в перестройке собственности — обогащение ее новыми формами. Они, мол, и возмрут на себя часть забот, потеснят госсобственность, и вся система преобразится — станет богаче и гибче. Отчасти да. А с этого ли шага надо начинать? Кооперация, к примеру, уже уперлась в китайскую стену госсобственности и вполне может пасть у ее подножия. Ходить вокруг и около у нас попросту нет времени, его лимит исчерпан и терпение тоже. Яснее ясного: давно пора перейти к кардинальным мерам, и прежде всего надлежало бы реформировать всю существующую в стране госсобственность. Не сделать этого — значит погубить перестройку.

...Что там говорить, наше государство уникально. Оно строит космические ракеты и подметает улицы, создает атомходы и занимается починкой стоптанных каблучков... Оно и швец, и жнец, и на дуде игрец. На его плечах — все бремя хозяйственных хлопот. А сама жизнь подсказывает: государственным службам совсем не обязательно проникать во все поры общества; преобладающую часть своих коллективных и личных забот люди весьма успешно могут реализовать сами, не прибегая к помощи и посредничеству государства.

В самом деле, зачем государству ремонтировать наши квартиры, кормить, одевать и обслуживать нас? Разве оно лучше нас знает, что нам нужно, когда

тур, методов (но в новых, конечно, одеждах), либо усиление неуправляемости, экономического кризиса, либо и то, и другое, что, в сущности, наблюдаем и сегодня, в годы перестройки.

Альтернативы нет. Хотим мы того или нет, а пора определяться с размерами госимущества, довести их до разумных — управляемых объемов. Стало быть, без основательной **денационализации** не обойтись. Вряд ли, на мой взгляд, тут можно ограничиться Законом о собственности. **Нужна и конкретная Программа поэтапного «разгосударствования» экономики, то есть передачи значительной части госсредств в собственность республик, местных Советов и трудовых коллективов**. Уже на первом этапе долю госсобственности, полагаю, безо всяких политических и экономических потерь следовало бы довести процентов до пятидесяти. В дальнейшем, вероятно, она станет меньше. Кстати, во многих индустриально развитых странах госсобственность в пределах 20—30 процентов.

Будем самокритичны. Перестав быть собственниками, люди во многом утратили умение и способность разумно вести хозяйство, саму потребность в том. С другой стороны, отчуждение от собственности превратило работников в неких наемных работников у государства, совершенно бесправных. Они лишались элементарного права присваивать созданные блага! Но коль нет возможности получить то, что производишь, то зачем создавать эти блага? Эта простая житейская истина весьма успешно усвоена в нашем обществе. Перед ней оказались бессильны обильные призывы к сознательности и всевозможные кодексы. А когда нет заинтересованности и возможности трудиться в полную силу, когда работник беззащитен перед властью и ее диктатом, то ему остается только одно — просить, кланяться, жилплощадь, повышение зарплат, технику... Люди лишились собственного мнения, возможности его выражать, отстаивать и реализовывать, страна же потеряла общество Граждан. Демократия и гласность превратились в формальные ритуалы.

Что есть министерство? Оно — государственная организация по управлению вверенными ему обществом фондами (а не трудовыми коллективами) и размещению (а не определению) **необходимой государству продукции** — госзаказа. Не более. Регулирование хозяйственной деятельности предприятий — задача общезакономерных ведомств, но не министерств.

Вместе с тем трудовой коллектив госпредприятия вряд ли можно объявлять собственником фондов. Они — общенародное достояние. Другое дело, что через договор с министерством трудовой коллектив вправе получить их в аренду.

(Иначе обстоит дело с рабочей силой. Ее собственником являются только члены трудового коллектива. Человек суверенен, свободен: никто не может, кроме него, распоряжаться его рабочей силой. Это его особая привилегия. Любое допущение обратного создает предпосылки для внеэкономического принуждения.)

А кому принадлежит собственность на продукцию госпредприятия? Обычно отвечают так: обществу. Почему? Коль средства производства принадлежат государству, то ему и должен принадлежать созданный продукт. Однако с этим никак нельзя согласиться. Чтобы продукт принадлежал владельцу средств производства, надо купить и рабочую силу. Таков расклад при капитализме. Между тем при социализме рабочая сила не является товаром, никому не продается — она не должна отчуждаться от человека. А раз так, то собственник средств производства (здесь общество в лице министерства) не может претендовать и на весь продукт, не имеет права только по своему усмотрению присваивать его.

Собственником продукта при социализме может быть лишь тот, кто его создает, то есть сами трудящиеся, владельцы рабочей силы. Другое дело, что у государства имеются основания рассчитывать на последующее присвоение определенной доли созданного продукта. Но у него, думается, нет объективного права односторонне решать, какова его доля, и определять ее по своему

государственными коммерческими организациями по размещению соответствующих заказов и распоряжению госфондами. Им уже не надо будет (да и они не смогут) управлять предприятиями так, как сегодня. Отпадет необходимость в планировании контрольных цифр, темпов и объемов, выдаче лимитов, установлении фондов... Министерство в основном будет интересоваться размещением заказов и связанная с этим сдача в аренду госфондов. Трудовые коллективы, в свою очередь, будут искать выгодные госзаказы и приемлемую аренду фондов. Министерство, конечно, вправе предлагать предприятиям и другие услуги: консультации по НТП, прогноз развития производства и конъюнктуры рынка, по кооперации, снабжению, реализации, услуги по подготовке кадров, финансированию, посредничеству и т. п. Но уже за плату. Однако пользоваться ими или нет — право предприятий.

СУВЕРЕННЫ ЛИ РЕСПУБЛИКИ?

Выпавших форм собственности в нашей истории было немало. И по сей день в их числе остаются республиканская и муниципальная (коммунальная). Такие пробелы невосполнимы: одну форму не заменишь другой. Если бы, скажем, республиканская собственность не попала бы в запретительный реестр, то удалось бы избежать многих деформаций в национальных отношениях; ведомства не подменяют республиканские органы управления, во взаимоотношениях республик давно была бы преодолена эпоха патриархального обмена.

Наиболее принципиальные расхождения во взглядах на республиканскую собственность возникли вокруг вопроса о характере ее статуса. Он действительно узловое. Немалое число ученых и практиков склонно рассматривать данную форму собственности как разновидность общенародной. В таком случае значительная часть госпредприятий, находящаяся на территории той или иной республики, ее недра и природные ресурсы передаются в распоряжение и управление республиканским органам. А за центром сохраняется

право определения общих принципов, основ пользования ими. Это, несомненно, шаг вперед по сравнению с тем, что было. Но важно учитывать не только, от чего уходим, но и к чему идем.

Честно говоря, при таком подходе трудно говорить о восстановлении республиканской собственности. Речь скорее идет о ее полуреабилитации, ибо республика наделяется фактически правами лишь полусобственника. При ограниченных правах собственника ограничиваются и его возможности. Кроме того, наш опыт показывает, что размывание границ собственности, распределение ее функций по разным субъектам в конечном счете оборачивается бесхозяйственностью. Зачем же повторять ошибки прошлого?

Да и с какой стати центру братья за решение пусть и общих, но вопросов республиканского уровня? Отсюда и подозрения, обиды, конфликты, давление. Зачем они нам и в без того напряженной атмосфере национальных отношений?

Как ни крути, а без полноценной собственности у республики не может быть полноценного суверенитета. Полусобственность означает на деле полусуверенитет.

До сих пор (неизвестно, на каком основании) утверждается: отделение республиканской собственности от общенародной ослабит взаимные связи республик, приведет к их изоляции. Ой ли? Сепаратистские настроения, кстати говоря, в основном порождены сомнительным стремлением Сталина держать все республики в поле действия одной собственности. Отождествление разделения собственности с неизбеж-

услуги, местные предприятия пищевой и легкой промышленности. Здесь весьма эффективными могут оказаться различные кооперативно-индивидуальные формы собственности. Вряд ли стоит местные Советы превращать в подобие местного концерна.

Спору нет, республиканская собственность не без проблем. Известно, что общенародные предприятия неравномерно распределены по республикам. Поэтому одни из них получают в свою собственность до двух третей имеющегося промышленного потенциала, а другие (как РСФСР, например) — лишь четверть. Каков же выход? На мой взгляд, путь один — отдать в общественную собственность равную долю в объеме, допустим, 25—30 процентов. Почему бы, скажем, той же Российской Федерации не оставить многие предприятия тяжелой индустрии? Ей тогда легче станет налаживать торговлю с другими республиками. Впрочем, реальные и иные варианты. Так, фонды, переходящие в республиканскую собственность, можно выкупать. Если же их бесплатно передавать республикам, тогда тем из них, у которых доля общесоюзных фондов выше, обоснованно предоставить соответствующие компенсации. В таком случае достижения эквивалентности.

А как быть с землей?

СОЦИАЛИЗМ — НЕ ОБЩИНА

Десятилетиями долбилось, вещалось всюду: при социализме земля принадлежит только государству и никому другому, в чем одно из основных преимуществ нового строя. Уходили годы, а преимущество это что-то никак не

ее обрабатывает. Мы так долго убеждали себя в несоциалистичности такого шага, что уже сами не знаем, чего опасаемся. Хотя, что уже очевидно для многих, несоциалистична та собственность, которая превращает ее владельцев в избранных, которая позволяет использовать ее против интересов общества, для получения незаслуженных доходов. Следовательно, и здесь не обойтись без денационализации значительной части сельхозугодий. Но она, денационализация, не исключает, напротив, предполагает и многообразие форм собственности на землю — индивидуальная, коллективная, муниципальная, республиканская, государственная...

БОГАТЫЙ РАБОТНИК — БОГАТОЕ ГОСУДАРСТВО

Каждой системе собственности соответствует своя система налогов. Что мы имеем сегодня? Когда-то Бухарин, защищая крестьян от разорительных поборов, с недоумением спрашивал: зачем резать курицу, которая несет золотые яйца? Мы и сегодня вправе задать таким вопросом.

Принято считать, что у нас чуть ли не самые низкие в мире налоги на заработки — не более тринадцати процентов. Вроде бы умоляющий показатель. Однако, читатель, попробуйте ответить на вопрос: если мы так мало отдаем, то почему у нас так мало остается? Тезис о низких налогах — миф. Дело в том, что при их подсчете учитывается лишь одна статья реальных налогов — прямой (подходный) налог с населения. В прошлом году он составил 33,6 миллиарда рублей. Но при этом умалчиваются или «забываются» еще два круп-

сами работники. При определении налогов не стоит увлекаться и забывать о главном — об их посильности и разумности. Нельзя налоги приспосабливать к растущим расходам. Разумная, незатратная экономика расходы соотносит с доходами. Пора отказаться от порочной тактики скрытого наращивания налогов и перейти к жесткому лимитированию расходов госбюджета. По нашим прикидкам, их предстоит «ужать» не менее чем наполовину. Кто не рискует, тот... Впрочем, какой тут риск? Эффективный труд работников перекроет сокращение доходов общества. Об этом и расчеты говорят. Если работникам отдать необходимое, то благодаря росту производительности труда (предположим, в три раза) доходы госбюджета — даже при сокращении всех налогов вдвое — составили бы на 1989 год около 650 миллиардов рублей вместо планируемых ныне 458 миллиардов рублей. Учтем и то, что чем выше уровень доходов, тем больше средств можно отдать обществу. Увы, в свое время все-таки возобладала фискальные настроения, и мы имеем то, что имеем. Лишний раз убеждаемся: государство может быть богато, если богаты его граждане-работники.

И потом. Какой смысл в изъятии налогов? Во всем мире они уплачиваются, то есть вносятся, самими работниками после получения соответствующих доходов. Люди должны хорошо знать, кому и сколько они платят. В конце концов это их право как налогоплательщиков. Кстати, о правах. В Законе о собственности вполне уместно провозгласить и закрепить суверенность всех форм социалистической собствен-

БЕЗ СОБСТВЕННИКОВ?

ным нарастанием обособления — результат административного восприятия действительности. На самом деле различные формы собственности не только не препятствуют интеграции, но стимулируют ее. Ларчик просто открывается: собственники быстрее осознают свои интересы, активнее стремятся к их реализации. И для этого есть только один путь — развитие рынка, связей, сотрудничества с партнерами. Став собственниками, республики быстро поймут, что они «обречены» на усиление интеграции в рамках Союза, разумеется, при сохранении своего суверенитета.

Думается, к республиканской собственности целесообразно относить лишь имущество, необходимое для решения общереспубликанских задач. Не более, но и не менее. К ней можно причислить предприятия транспорта, связи, энергетики, машиностроения, агропромышленного комплекса, производственные фонды общереспубликанского характера. Словом, все то, что не относится к общегосударственной собственности, но и нельзя отдать в ведение местным Советам, кооперативам и «индивидуалам».

С этих позиций можно рассмотреть и муниципальную (коммунальную) собственность — собственность местных Советов. Сюда бы отошло коммунальное и дорожное хозяйство, транспорт, базовые медицинские, образовательные, зрелищные, спортивные и культурно-просветительные учреждения соответствующих территорий, рекреационное хозяйство и т. п. Совсем не обязательно муниципальную собственность распространять на торговлю, питание,

давало о себе знать: полупустые прилавки, упадок колхозно-совхозного производства, нарастающий импорт сельхозпродуктов, запустение земель и истощение лучших в мире черноземов... Все говорило о том, что дело-то не в плохих погодно-климатических условиях, а в госсобственности на землю...

Уместно вспомнить: в свое время идея национализации земли рассматривалась не как самоцель, а как способ ее изъятия у помещиков и передачи ее крестьянам, которые получили более 150 миллионов десятин. Сталинщина распорядилась по-своему. Крестьяне утратили право на надел, насильственно зачислились в колхозы и лишены всякой самостоятельности совхозы. Фактически земля попала в руки Административной Системы и стала использоваться как средство внешнеэкономического принуждения селян...

А как ныне быть с землей? Передать ее в исключительную собственность республик? Но где гарантии, что и на этот раз наделы не отберут у крестьян?.. Явным паллиативом просматривается и попытка решить земельный вопрос с помощью аренды, которая в лучшем случае делает крестьян полунезависимыми. Однако они не желают с этим мириться. Да и почему, спрашивается, отдельного крестьянина надо ставить в зависимость от колхоза, Совета или государства? Почему у отдельного человека должно быть меньше прав, чем у коллектива или общества? Разве социализм совместим с общинными порядками?!

Будем откровенны. До сих пор ощущается боязнь отдать землю тем, кто

ных канала изъятия средств у населения. Так, средства на социальное страхование (28,6 миллиарда рублей) взимаются с фонда зарплаты еще до ее выплаты. Другой канал — косвенный налог с оборота, который мы все незаметно для себя оплачиваем, заходя в магазины. Он включается в розничную цену и составляет 101 миллиард рублей (!), но в налогах на население не учитывается. Зачем беспокоить людей? Поэтому фактические налоги на доходы, по нашим оценкам, составляют около пятидесяти процентов! Учитывая крайне низкий уровень наших доходов, приходится признать, что в СССР один из самых высоких налогов на заработки.

Но и это, к сожалению, не все. Ведь есть и прибыль. В 1988 году она составила 257 миллиардов рублей. И что же доходит до работников? Пятая часть — через фонды экономического стимулирования. Около половины всей прибыли идет в госбюджет. А остальное распорядится всевозможными инструкциями. Кто же собственник прибыли? Отнюдь не работник. Получается, что в среднем он реально получает около 35 процентов от созданного своими руками продукта. Можно ли эффективно работать на таких условиях? «Зарезанные курицы» золотые яйца не несут. Между тем в развитых странах рабочие, как правило, получают не менее 60 процентов созданных благ.

Да, надо решиться и на радикальные изменения в распределении национального дохода. Почему бы это не предусмотреть в Законе о собственности? Основную часть созданного продукта (не менее 60 процентов) должны получать

ности, неприкосновенность имущества и доходов, невмешательство в дела коллективов. А пока, увы, люди бесправны перед административным произволом, страдает дело.

Июльские забастовки шахтеров вслыхнули не вдруг: у народа иссякает запас терпения. Многие теряют веру в перестройку и, что особенно тревожно, начинают во всех бедах винить ее. Одни, не двинувшись вперед, готовы откатиться назад. Другие могут утратить контроль над собой и оказаться во власти самых худших инстинктов.

Переломить негативные тенденции способны лишь радикальные преобразования, и прежде всего в экономике, ее основе — системе собственности.

На нынешней сессии парламента страны намечено обсудить и принять Закон о собственности. Его ключевое значение очевидно. Поэтому так важно Закон наделять потенциалом прорыва, аккумулировать в нем энергию масс, достаточную для самых глубоких преобразований. И основное здесь — сделать человека труда реальным и главным собственником самых различных ее форм, не превратить его в полусобственника с неопределенными, весьма неясными и размытыми полномочиями. Никакие заменители собственности, никакие ее квазиформы, как свидетельствует наш и мировой опыт, не способны обеспечить динамичное и эффективное развитие экономики. Конечно, превратить человека в реального, цивилизованного собственника теперь уже не так-то просто. Однако иного выбора нет. Время экспериментов и полумер исчерпано.

Моя собственная жизненная ноша привычно тяжела. Вероятно, потому, сознавая ее тяжесть, я довольно смело хватаюсь за многое и почти любое дело кажется мне посильным...

Так, с разбегу, влетела я и к Василию Ивановичу Шевченко. Да быстро охладилась. Милый и тихий человек застенчиво излагает свои мысли, стесняясь невозможности высказать всю их глубину, мучась сознанием своей необразованности перед столичным гостем...

Включаю магнитофон, слушаю. Смотрю работы художника Шевчен-

ко, часто сокращали — инвалид не больно-то нужен. Работал и маляром в трамвайном депо — «Потому что там краски много!»

Вот она — главная жила, главная сила, которая его вынесла, не дала отчаяться — краски, искусство! С детства начал он «картинки красить», даже после тяжелейшего ранения, едва отлежав в госпитале год, едва встав на ноги, пошел сдавать экзамен в художественное училище. Понравился. Берут на второй курс. Но тут снова приступила болезнь — новые страдания, поездка в Москву, опять надолго.

Нет, не удалось больше никогда учиться, ничему, нигде, ни у кого. Все приходилось искать самому, на ощупь, в одиночку.

Кажется, всем обделен: не учен, сильно болен, долго жить было негде, теснота; о деньгах и говорить нечего...

Жернова кого в порошок сотрут, а кого отполируют до блеска, чтобы нам, дуракам, виднее стал.

И в одиночестве открыл Василий Иванович неожиданное богатство: человек должен быть в стороне. Особенно — художник.

«Человек должен все время ду-

мать — кто я? Зачем, что сделал на свете, не зря ли существую! Мне кажется, в космическом пространстве человек — некий инструмент — он должен состояться, исполнить свое предназначение. Иначе — зря прожил, не использовал возможности. Природа без человека отлично проживет, а он-то без нее? Погибнет неминуемо...

С самого начала человек неправильно себя поставил перед ней. Раньше на лугах что росло? Какие цветы! Теперь и понятия нет о тех растениях, которые были. У нас, на Дону, журавли были, цапли. Идешь,

“ЧИТАЮ ЖИВНУЮ КНИГУ”

Ирина СТИН

ко. Смотрю и слушаю, слышу и вижу. И нарастает чувство странное — гляжу на картины со все большим волнением, а возвращается увиденное строго, спросом — как, не зря ли собственная жизнь прожита? Не суета ли глухая все, что казалось важным, все, что делалось, спорилось — разве рядом поставишь? Передо мной раскрывается громадной силы и величины личность, и тяжело становится, словно залетел куда-то, в места, которых не заслужил...

Только Россия не может совладать со своими пространствами,

только Россия не может засеять свои земли,

только Россия не собирает свой урожай...

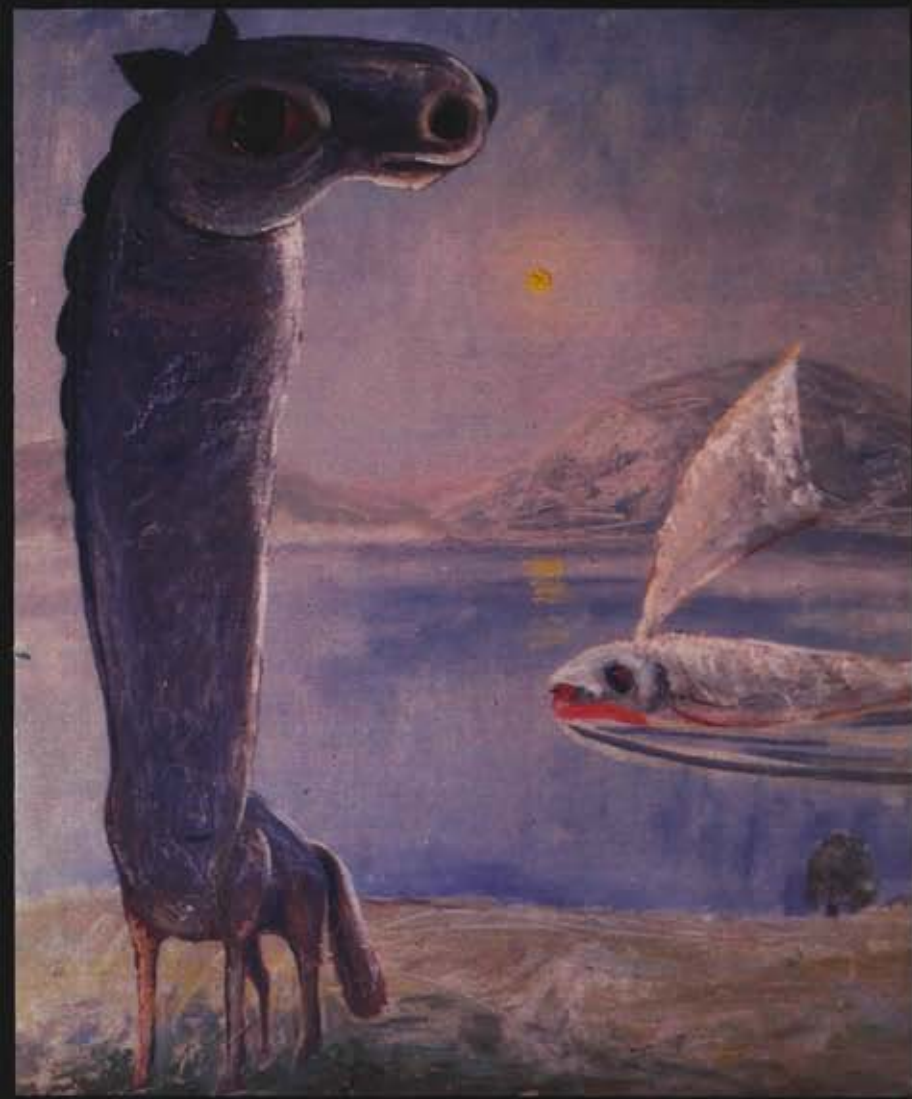
Вот и деревенский мальчик! Вот тебе и ФЗО, без всяких продолжений образования! Как же это он, повернутый во все мясорубки времени, — несчастное дитя тридцатых годов, когда рушился гонимый и теснимый, древний уклад деревенской жизни, когда о вере отцов ничего не узнал, «потому что родители и говорить об этом боялись», когда корни выжигались «каленным железом», когда даже дети вовлекались в «классовую борьбу», как сохранил и унес в душе только свет и только радость от тех, далеких лет?

«Детство свое люблю! Из детства на все смотрю!»

Когда началась война, ему было пятнадцать лет. И больше уж радостей ему не досталось...

Юнцом попал на войну. Отличался, награжден, а в сорок пятом тяжело ранен — оказался инвалидом второй группы. Обычная жизнь, которую мы считаем нормальной, оттолкнула его, можно даже сказать — вышвырнула. Ведь в сорок пятом, послевоенном году, ему исполнилось девятнадцать лет! Что открылось ему? Инвалидность с правом работать в инвалидной артели, невозможность учиться, долголетний путь по больницам, где натерпелся болей, наркозов, операций, и — необходимость зарабатывать на существование. Между операциями, больницами, поправками приходилось работать. Что за работы! Инвалидные артели, да и из них-то

в душе, и, вот, вдруг, вот оно: разбросано по полу, заслонило стены, стекает со стульев — окружает и потрясает.

Поражает разнообразие: что ни картина — новая манера, новое видение, новый цвет, новые даже мазок! Как же это получается?

— Так ведь и в природе нет одинакового — все одно от другого отличается. Все живет по-своему...

По-своему... Вот и он прожил по-своему. Долгие годы работал в местном отделении художественного фонда. Вокруг кипела художественная жизнь: выставки, споры, обсуждения в печати, а ему оставалось мастерить подрамники для других художников, не для себя, писать бесконечные позунги и транспаранты. Но на оборотах картонов, оставляя вынужденный соцреализм, перевернув его на другую сторону, художник здесь оказывался самим собой, здесь выкладывал он свои истинные чувства, свою философию мысли и цвета, здесь писал, что душе было угодно.

— Да ты пиши как мы! И мы примем тебя в Союз!

— Нет, как вы я не умею. Я только, как я могу...

«Философия мысли» — это глубокая убежденность, что художник ни в коем случае не фотограф жизни, что он не должен отображать действительность. Мало того, художник

не должен и договаривать все до конца, но оставлять огромное пространство для мысли, фантазии, сомнения зрителя.

«Философия цвета» — это: «Отношения! В цвете главное — отношения! Я, когда пишу (картинку крашу), сразу вижу, чего она требует. Не возвращаюсь, не дописываю — спешу! Тут и кистью работаешь, и рукой мажешь, и из тюбика — только успевай!»

Его аллегории, его странные животные, страшные существа, его горячие, яростные краски — целые зашифрованный мир — мир трагический, мир кричащий. И каждая картина — притча. Притча о гибели природы, о стремительно надвигающейся экологической катастрофе, притча о самонадеянном человеке, грубость которого, алчность и жестокость к природе ведет к гибели. Притчи эти оборачиваются на картинах странными и страшными образами, названия которым художник давать не любит. «Да, вот, довели природу. Она может теперь новых мутантов вывести или же назад, к динозаврам воротиться...»

Говоришь ему: «Василии Иванович, не всем понятны сюжеты ваших картин. Дать бы названия, объяснить!»

— Они и не должны быть понятны. Каждый должен свое почувствовать. Лишь бы затронуло.

Круто изменилось время. Откуда ни возьмись обнаруживаются все новые, интересные люди — оказалось, что в России и талантов, и умов, и главное, САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ, ухитрившихся не быть остриженными и обритыми под манкуртов, много!

Засверкали имена, открылись личности замечательные и... почти всем за пятьдесят, а то и за шестьдесят. И как-то само получилось, что к ним рванулся общественный интерес: как устояли, откуда смелость, крепость духа, дерзость ума, независимость суждений?

Такова судьба и художника Шевченко. Повернулось и к нему время, только теперь он «увиден» и интерес к нему растет: его ищут иностранные коллекционеры, планируются большие выставки в Москве и в Париже, снимается фильм о нем...

смотришь — стоит на одной ножке. Рыба какая ловилась! Я пацаном стерлядь подцепил — голова во-о! Я испугался даже — мне ребята помогли ее тащить. Мы бегали по лугам, загорали, купались, я на поросенке катался. Всех животных всегда любил, и они меня тоже: иду на речку, а за мной и собака, и кошка, и поросенок бегут — всем было весело! Вода чистая, прозрачная...

Детство мое на Дону осталось. Детство свое люблю! Из детства на все смотрю. В гармонии — счастье. Человек — слуга Природы: он должен один, немо слушать Природу. Я ее чувствую кожей, обонянием, слухом — всем!

Мой светлоглазый собеседник говорит, а сам все расставляет картины: на тахту, на стулья, на пол, по

стеночке, а места все равно не хватает: тесно стоят картины, густо, смотреть же — глазам больно. Горит, все горит — весь дом, все жилье залито цветом — ярким, сильным, терпким, страстным, горячим! Пир красок! Пожар! Тревога!

Какая сила, мощь какая — невиданные, дивные яркие краски, невероятные, фантастические композиции. Уж в наше-то время — от миражей импрессионистов до ничего «Черного квадрата», от страстей мурале Сикеироза до знаменитого «Евангелия» Сальвадора Дали, с вилами на окладе. В наше время, когда и сам «венец природы» расчленен, растерзан, разорван, и снова слеплен и вознесен, когда, кажется, ничего уже нельзя сделать такого, что вызовет такой силы ответ

Со старшим оперуполномоченным по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД СССР подполковником милиции Виктором ДЬЯЧЕНКОВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Сергей РОМЕЙКОВ.

ГРАНАТОМЁТ ПО ДЕШЁВКЕ

Не проходит и дня, чтобы газеты, телевидение и радио не сообщали о положении в горячих точках... нет-нет, уже не планеты, а нашей страны. Эти сообщения сродни фронтовым сводкам, все чаще и чаще в них говорится о применении огнестрельного оружия. И не солдаты стреляют, не милиция, а наоборот — в них.

...Оружие у населения. Еще вчера мы считали, что это не наша, «западная» проблема. Сегодня — с горечью и тревогой — констатируем: выстрелы громяют на наших улицах...

Из сводки МВД СССР. К уголовной ответственности за незаконное хранение и ношение оружия только в Москве в 1987 году привлечено 329 человек, в 1988-м — 338, за пять месяцев нынешнего — 224 человека. В 1986 году в целом по стране зарегистрировано 766 случаев хищений оружия, в 1987-м — 651...

— **Цифры, приведенные выше, показывают: кривая «самовооружения» идет вниз. Так ли это, Виктор Владимирович?**

— Увы, в 1989-м положение резко изменилось. За первое полугодие число хищений оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возросло на четверть. А если брать и последующие месяцы, то мы отмечаем, что ситуация еще более обострилась в связи с событиями в Ферганской области, в Грузинской ССР (в частности в Западной Грузии), в Абхазии... Участились случаи захвата оружия разъяренной толпой, экстремистами — можно как угодно их называть... они врываются в отделения милиции и захватывали пистолеты, карабины, автоматы...

— **Речь идет о каких-то оружейных складах?**

— Не только. В названных зонах социальной напряженности нападениям подвергались стрелки военизированной охраны, работники правоохранительных органов, военнослужащие, организации ДОСААФ, общеобразовательные школы, оружейные магазины...

Необходимо отметить, что разбойные нападения на вооруженных должностных лиц участились и в относительно «спокойных» регионах. Чем это вызвано? Одной из причин является активизация, распространение групповой преступности, рэкетирство. Причем рэкетирам оружие необходимо не только для угроз, шантажа, но и для «разборок» —

выяснения отношений между соперничающими бандформированиями. Надо сказать, что те же члены кооперативов, «индивидуалы» приобретают оружие, чтобы обезопасить себя. Это им вряд ли удастся, но тем не менее такие случаи есть... Процесс закономерный: если одна сторона вооружается, то и другая, противостоящая, должна что-то предпринимать...

Из сводки МВД СССР. Хищения оружия и боеприпасов совершаются, как показали выборочные исследования, из стрелковых тиров, сельских школ, профессионально-технических училищ, сбербанков, квартир, хозяева которых имели право на их хранение.

— **Кто и как похищает оружие? У кого хранится оно? Понимаю, сложно обобщить, но все же...**

— Почти треть воров — подростки. От 30 до 40 процентов те, кто уже прошел (да не раз) «зону»... Но это средняя статистика. По отдельным регионам, способам, местам хищений показатели меняются. Если взять, к примеру, воровство из учебных заведений (большая часть из школ), то доля учащихся резко возрастает. Причем чаще всего — примерно 60 процентов от общего числа подобных хищений — это ребята, что учатся в тех же школах.

— **А там имеется и боевое оружие?**

— Малокалиберные винтовки, учебные автоматы относятся к боевому. Много оружия исчезает из воинских частей. Причины? Потеря бдительности, халатность да и обычное разгильдяйство. Бывает, часовой на посту... просыпается, а карабина или автомата нет. Потом плохая охрана. Мы знаем случаи, когда подростки днем делали по нескольку «ходов» на военный объект, уносили оттуда боеприпасы, взрывчатку — все, что под руку, как говорится, попадает...

— **А как же «армейская дисциплина»? Ведь и на «гражданке» не во всякое учреждение так запросто попадешь — чуть ли не рентгеном просветят...**

— И тем не менее... Вот свежий случай. 11 августа в Азербайджанской ССР неизвестный преступник похитил автомат с 10 холостыми патронами у уснувшего часового. Еще пример: 18 июля днем в городе Кишиневе двое подростков одиннадцати лет проникли на территорию воинской части и из сто-

явшего в боксе бронетранспортера похитили 5 коробок с патронами от пулемета (это 1250 штук). В результате принятых мер около 500 патронов найдено... Остается только гадать, где и как объявятся остальные. А ведь может и кровь пролиться...

В Самарканде школьники «увели» гранатомет и 10 гранат к нему, три осветительные ракеты и 1080 патронов к автомату Калашникова... В апреле этого года подростки раз за разом «наведывались» в охраняемый (!) склад воинской части в Бурятской АССР. Похищено более 500 гранат, зарядов, снарядов и взрывателей различных типов.

У жителей Латвийской ССР Грецкого, Амелюкиса и Гужи изъято 14 единиц оружия советского и иностранного производства; у двух соперничающих преступных групп в Дагестанской АССР, руководимых Каплановым и Даудовым, при проведении оперативно-розыскных мероприятий было обнаружено 12 стволов огнестрельного оружия различных марок. И более ста боевых патронов...

Сравнительно недавно на станции Калинин Московской железной дороги задержали Щербакова и Цветкова, у них был автомат с 55 патронами... Когда стали проводить оперативно-розыскные мероприятия, выяснилось, что Щербаков ранее служил «срочную» в Кашкадарьинской области Узбекской ССР. Во время службы убил часового и забрал у него автомат...

...Виктор Владимирович, казалось, бесстрастно перебирал страницы оперативных сводок. А мне, признаться, было не по себе. Что же это получается?! Мы всем миром ломаем головы над тем, как снизить уровень преступности в стране, создаем спецподразделения и все новые правоохранительные инстанции, а в это время... А в это время мальчишки, сорвиголовы, наплевав на военные тайны, тащат из-под носа у горе-солдат и горе-командиров... гранатомет?! И, как видим, случай этот далеко не единичный. Так стоит ли удивляться тому, что с каждым днем все небезопасней становится на наших улицах?

— А какое сейчас оружие «в ходу»?

— По анализу разыскиваемого сейчас примерно 20 процентов составляют пистолеты Макарова, 10 процентов — пистолеты «ТТ». Более 7 процентов — пистолеты Марголина и примерно 1 процент — пистолеты других систем. Кроме того, на «вооружении» у незаконных владельцев револьверы системы «наган», автоматы Калашникова и Шпагина, пулеметы и карабины. Примерно третья часть — малокалиберные винтовки. Полтора процента — охотничьи ружья и карабины, но не надо их смешивать с гладкоствольным оружием — сейчас речь только о нарезном; 2,5 процента — оружие иностранных марок — как оставшееся со времен войны, так и попавшее в страну контрабандным путем...

Ежегодно изымается 2,5—3 тысячи единиц оружия. Из этих 2,5—3 тысяч (примерно — подчеркиваю это, так как цифры меняются по годам) — 30—40 процентов сдается добровольно.

— Ну, а каков на сегодня «расклад» с оружием по регионам и есть ли районы, так сказать, особого «насыщения»?

— В розыске сейчас находится свыше 9 тысяч единиц различного нарезного оружия. Большая его часть падает на Российскую Федерацию — свыше 5 тысяч. Примерно около 900 единиц «гуляет» по Украине, 500 — в Грузии. В Казахской ССР — более 400 единиц. В Литовской — около 350. В Узбекистане — 219... В этот список оружия не попали стволы, похищенные в самое последнее время. Наиболее «насыщен-

на» Абхазия: на ее долю, как я уже говорил, приходится 11 тысяч, включая охотничьи ружья.

— Виктор Владимирович, сегодняшняя реальность, к сожалению, такова, что так называемые горячие точки вспыхивают то там, то здесь. Не получится ли, что и в республиках Прибалтики «вдруг» всплывет солидный огнестрельный запас?..

— Во всяком случае, стопроцентной гарантии нет... Вообще надо отметить: со времен последней войны там было похищено очень много различного вооружения. Сейчас, по данным Главного информационного центра МВД СССР, Прибалтийские республики по количеству похищенного оружия могут соперничать и с Казахстаном, и с Грузией. Но пока, к счастью, применения оружия при разрешении социальных конфликтов в Прибалтике не зафиксировано. Это отрядный факт. И все-таки говорить о том, что оно там где-то не всплывет, не может оказаться в руках отдельных экстремистов, увы, не приходится...

— Итак, суммируем, где можно нынче взять оружие? Похитить, «добыть»...

— Во-первых, это места боевых действий: Великая Отечественная нам оставила «богатое» наследство. Надо сказать, что мы сталкиваемся даже с экземплярами, выпущенными еще до гражданской войны, — отдельные стволы до сих пор имеют хождение...

Следующий источник — воинские части Министерства обороны, Комитета госбезопасности, Министерства внутренних дел. Далее — правоохранительные органы. И, как я уже говорил, школы, ПТУ, техникумы — учебные заведения, где держат винтовки, автоматы для начальной военной подготовки... Оружие похищается из первичных организаций ДОСААФ, из собраний, инкассаторской службы, подразделений связи, военизированной охраны... Какая-то его часть, у нас есть такие данные, ввозится из-за рубежа. И еще: «самопалы» — самодеятельно изготовленное оружие, боеприпасы. (Вспомним хотя бы братьев Толстопятовых...) Вот примерно тот круг, из которого «подпитывается» и преступный мир, и просто любители «острых ощущений».

— В США огнестрельное боевое оружие можно купить в магазине. Представим подобное у нас...

— Да, призывы к свободной продаже оружия порой раздаются. Но надо понимать, что если вооружать «потенциальные жертвы», то преступники постараются превзойти их вооружением и количественно, и качественно. А накопление оружия как у законопослушной, так и у криминогенной части населения ни к чему хорошему привести не может. Наоборот, выйдя из-под контроля, оно, это оружие, может «заговорить» по всякому поводу... Здесь напрашивается параллель с «большим» оружием, проблемами разоружения, международной безопасности, оборонной достаточности и так далее...

Из сводки МВД СССР. За один день изъято пять стволов боевого оружия. В квартире временно не работающего жителя подмосковного города Дубна сотрудники МУРА обнаружили три пистолета «ТТ» и 60 патронов. Как выяснилось, это оружие похищено с военного склада...

— И что же, Виктор Владимирович, предпринимают органы МВД в такой сложной, буквально взрывной обстановке?

— Выявление и изъятие оружия — наша каждодневная работа. Здесь есть своя специфика, приемы, методы, о которых во вполне понятным причинам не расскажешь... Поговорим о мерах предупредительных, профилактических. Прежде всего добиваемся «разоружения» гражданских предприятий, органи-

заций: нет никакой необходимости в таком арсенале, каким они располагают сейчас. Обсуждается вопрос и о сокращении количества боевого оружия в подразделениях ВОХР. События в Абхазии показали, что оружие работникам охраны выдавалось там беспрепятственно. Приходили — брали... Мы хотели бы заменить в общеобразовательных школах (более 40 процентов всех хищений) малокалиберное оружие на пневматическое: оно вполне подходит для обучения приемам владения оружием, прицельной стрельбе... А практические стрельбы можно было бы производить в спортивных тирах. Там нормальные условия для хранения оружия и боеприпасов. Мы настоятельно рекомендуем министерствам, ведомствам усилить охрану тех мест, где хранится оружие. Теперь о подростках. Тяга к оружию — это естественная потребность подрастающих молодых людей. Очевидно, необходимо создавать стрелковые базы, лагеря, где молодой человек мог бы научиться грамотно владеть оружием, пострелять. И здесь мы готовы к самому широкому сотрудничеству с комсомолом, педагогическими школами, техникумами, ПТУ... МВД СССР внесло предложения по изменению уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконное хранение, употребление, изготовление огнестрельного оружия, а также за его хищение. В частности, предлагается дополнить перечень обстоятельств, отягчающих ответственность за совершение преступлений, еще одним — совершение преступления с использованием огнестрельного оружия. Усилить ответственность за эти преступления, совершенные ранее судимыми, особо опасными рецидивистами.

— Известно, что оружие все чаще становится предметом купли-продажи... Интересно, почему нынче гранатомет?

— Цены бывают разные. Если патроны к тому или иному виду оружия можно приобрести относительно свободно, «без проблем», то цена повышается. Если же боезапас достать трудно, оружие в общем-то «обесценивается». Стоимостный фактор определяется и размерами оружия, возможностью спрятать его от лишних глаз. О какой-то твердой цене говорить не приходится. Из сводки МВД СССР. В ночь на 31.08.89 г. в г. Кронштадте на подводной лодке, причаленной к пирсу, у спящего вахтенного офицера воинской части №... похищены пистолет Макарова с 8 патронами...

Вот такая невеселая получилась беседа.

Принятое недавно постановление о немедленном и безусловном усилении борьбы с преступностью обнадеживает. Да вот не запоздало ли оно? Счет только зарегистрированного и объявленного к розыску огнестрельного оружия идет уже на тысячи. А сколько еще незарегистрированных стволов ходит по рукам?!

Думается, миновало время благих увещеваний. Эффективными, «доходчивыми» оказываются жесткие, но вынужденные меры противодействия со стороны правоохранительных органов. (Работники ИТУ в разговорах со мной отмечали, что у заключенных резко прошла «мода» на взятие заложников после того, как сотрудники органов начали применять оружие «на поражение».) И не надо сейчас «разглагольствовать о гуманизме». Высший гуманизм государства по отношению к своим гражданам — это надежное обеспечение их безопасности. Гарантия спокойной жизни. В народе говорят — клин клином вышибают. И это, наверное, правильно.

ЛЕВ ОЗЕРОВ

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

ПЛАТОНОВ

Платонов читает «Фро»
На квартире Зелинского
Корнелия Люциановича.
— Это же здорово! —
Не выдерживаю, выпаливаю,
Когда Платонов закончил читать.
Глаза пронизательные,
А на губах — доброта и ирония,
Ирония и доброта.
Платонов молчит, недоверчив.
— Да, но несвоевременно... —
Мягко, раздумчиво говорит
Зелинский.
Мы еще поговорили,
попили чайку.
Платонов встает,
Я за ним.
Долго бродим по Москве,
Много машин,
А какие из них
«Черные вороны»,
Мы не знаем
И не говорим об этом,
Но знаем, что думаем оба
Об этом,
И думаем о том,
Что оба знаем это.
— А вы-то разбираете,
что своевременно?
Что несвоевременно? —
Сверкнув глазами, лихо
Спрашивает на Ордынке.
Мне двадцать. Молодо-зелено.
— Нет! — отвечаю.
— В том-то и дело!
Пауза. Взгляд. Пауза.
— В этой позиции и пребывайте...
Он шел быстро,
Гордо подняв скуластое лицо
с кремневым подбородком.

ШАЛАМОВ

Вперед и в сторону —
Ходом шахматного коня —

С заплечным мешком
Бредет Варлам Шаламов,
Подбитый Кольмой.
Одинокий, глядит исподлобья.
День морозный.
Заходим в кафе.
Есть нечего, но тепло.
— Прочитайте, Варлам Тихонович,
Новые стихи...
Без слов снимает
Заплечный мешок
С сухарями и рукописями,
С документами на всякий случай,
Если смерть наступит в пути.
Читает медленно,
Выделяя каждое слово.
— Спасибо, — говорю.
— Нет, это я должен
Благодарить вас —
Кто и когда сейчас
Просит читать стихи?!
Принесли кофе, сосиски, хлеб.
Шаламов старается есть
Не слишком быстро,
Чтобы не показать,
Что очень голоден.
Этот привыкший к голоду рот
Раскрывается медленно,
недоверчиво,
Как бы нехотя, стесняясь.
Шаламов ест молча,
С испытанной неторопливостью.
С толком, с расстановкой,
Не думая, как мне кажется, о еде.
О чем думает Шаламов?
Кладет рукопись
В заплечный мешок.
Выходим в зиму.
— Морозно! — говорю.
— Что вы, тепло! — отвечает.

СОКОЛОВ

О нем говорили:
«Вот это художник!»
Картина — стена.
Стена — картина.
На Кольме,
В Тайшете
Не на чем, негде,

Нечем было рисовать,
И он умудрялся
На бумажных клочках
Создавать картины,
На которые в лупу
Смотрю восхищенно.
Чего там нет!
Катание с горок,
Состязание на байдарках,
Волны снежных сугробов,
Волгино Верховье,
Журавлиный клин,
Людские толпы...
Вызывает следователь.
Громко:
— Соколов!
Тихо:
— Михаил Ксенофонович!
Следователь на допросе
Выставлял перед ним
Загрунтованные холсты в рамах,
Наборы кистей и красок.
Соколов закрывал глаза,
И тогда запах масел
Растревлял его душу.
(«Лучше руки выламывайте,
Дробите ключицы...»)
Следователь велел открыть глаза,
Смотреть еще шире.
— Назови сподвижников
По тайному обществу,
И мы освободим тебя,
И будешь рисовать
Сколько тебе захочется...
Соколов молчал
До самого расстрела.
Говорят, это был
Наш Суриков,
Наш Тинторетто,
Наш Рубенс.

ГНЕСИН

Дом на площади Восстания —
Высотный памятник корифею науки,
Вождю народов.
Взлетаешь в лифте,
Входишь в квартиру Гнесиных
И напрочь забываешь

о культовом памятнике.
Этой каменной иглой
Сталин скреб небо социализма.
Об этом забываешь
Здесь, в квартире
старого композитора.
— Вот очки Николая Андреевича,
Говорит Михаил Фабрианович,
Вспоминая учителя своего,
Римского-Корсакова.
— А вот книга, подаренная им,
Добавляет Галина Маврикиевна.
Стариною повеяло,
Кучкой могучею, морем.
Гнесин садится к роялю
И долго не начинает играть.
Он сидит, опустив голову
С клинышком бородачки.
Сидит так долго, что кажется:
не дремлет ли?
Галина Маврикиевна
Просит его не играть,
Не волноваться, не вспоминать.
А не помнить нельзя,
Больно не помнить,
Помнить еще больше.
Впрочем, кто его знает?
Бледен, печален.
Недавно от инсульта очнулся,
Инсульт случился вскоре
После встречи Жданова
с композиторами.
Жданов играл на рояле.
Жестокость подчас рядится
В сентиментальную одежду,
Секира рядом с голубой
тюлевой занавеской.
Жданов колотил по клавишам,
Будто вколачивая в головы
Постановление 46-го года.
Слушали его Прокофьев,
Мясковский,
Шостакович, Хачатурян, другие.
Все безысходно молчали,
А Гнесин встал
И сказал добрым голосом своим:
— И это вы рискнули
нас обучать музыке?..
На вопрос не было ответа.
Зловещий знак.

АРКАДИЙ КАНДАНОВ

Потянем время, ибо нам спешить
резона нет ни при каком раскладе.
Потянем время, чтобы дольше жить
не радостного будущего ради,
не ради грандиозных дел страны,
погрязшей в первыполненных планах,
и не во искупление вины
за преступленья проклятых тиранов.
Потянем время, чтоб не уходить
из этого измученного мира,
чтобы успеть друг друга полюбить
среди чумой оплаченного пира.

ПРОСТУЖЕННЫЙ КРОТЫШЕВ

Простуженный Кротышев
едет в купе проводницы,
на станции Белгород
сунув ей в руку полсотни.
Пейзаж законный
проснувшейся пашней дымится.
Отвратен в буфете вокзальном
прикупленный сочник.
Простуженный Кротышев,
в смысл не вникая, листает
роман детективный
в надорванной суперобложке.
Состав, задыхаясь,
на стыках гремит-гроыхает.

Гремят-гроыхают в стаканах
немывые ложки.
В купе проводницы
тяжелый устойчивый запах
несвежей постели, железа,
сортира, карболки.
А то вдруг пахнет мимолетно,
мгновенно, внезапно
дешевых духов ароматом
летучим и колким.
Как тесно в купе,
что желание выйти наружу
чревато объятием
с потною проводницей.
Узревши на столике
мутную чайную лужу,
дебелая муха спешит
торопливо напиться.
Три дембеля взад и вперед
по вагону шныряют,
полны до краев обожаньем
к прекрасному полу.
По радио до озверения
повторяют
затасканный шлягер
с рефреном про желтую полночь.
Простуженный Кротышев
едет в пустую квартиру,
где общая кухня
и злобствующие соседи.
Вдоль поля бескрайнего

по одинокому миру
простуженный Кротышев
едет, и едет, и едет...

Не пей, Валерка! А не можешь — пей!
Все корешки — кто в цинке, кто на нарах.
Из северных не пишут лагерей,
хотя друзей не забывают старых.
Тебе, старик, всегда шел крупный фарт:
и грудь в крестах,
и руки-ноги целы.
И как тут ни крути, но это факт:
поймав тебя, сбивались
все прицелы.
Четыре года ты орешь во сне,
давно домашних криком не пугая.
Ты не халаявил на крутой войне,
не многое в той лаже понимая.
Ну чем я пред тобою виноват?
И отчего вина меня корезит?
Не я ж тебе подсунул автомат!
За что меня ночами
совесть гложет?

Тебя не отпускает Кандагар.
В Союзе ты — меж небом и землейю.
Решает все промез рогов удар.
Иисус погиб, а Магомет в запое.
Прости, Валерка, то, что разговор
у нас опять свернул на это дело.
Не разрешают человеческий спор
слепые аргументы беспредела.
Не пей, Валерка! А не можешь — пей!
Другое не придумано лекарство,
пока своих растерянных парней
в упор не хочет видеть
государство.
Прожитое нами — безучастно,
словно обесточено оно.
Что жалеть? Проехали. Все ясно.
Хоть порою больно и темно.
Невосстановимость ситуаций,
недоступность, невозвратность, не...
Прошлое, счастливо оставаться
черт-те где, в истории, во мне.

Грегори МАКДОНАЛЬД

ФЛЕТЧ

ГЛАВА I

— Как тебя зовут?

— Флетч.

— Фамилия?

— Флетчер.

— Имя?

— Ирвин.

— Как?

— Ирвин. Ирвин Флетчер. Но все зовут меня Флетч.

— Ирвин Флетчер. У меня есть к тебе предложение.

Я дам тысячу долларов только за то, что ты согласишься выслушать меня. Если решишь, что мое предложение тебе не подходит, возьми тысячу долларов, уйдешь отсюда и никому не расскажешь о нашем разговоре. По-моему, справедливо, а?

— Речь пойдет о преступлении? Вы хотите, чтобы я нарушил закон?

— Естественно.

— Тогда справедливо. За тысячу долларов я могу вас выслушать. Что от меня требуется?

— Я хочу, чтобы ты меня убил.

Черные, припорошенные песком туфли прошлись по восточному ковру. Мужчина достал из внутреннего кармана пиджака конверт и бросил на колени Флетчу. Из него выпали десять стодолларовых банкнот.

Мужчина возвратился на второй день, чтобы посмотреть разглядеть Флетча. Их разделяло лишь тридцать ярдов, но он воспользовался биноклем.

На третий день они столкнулись у пивной стойки.

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Зачем?

— У меня к тебе дело.

— Я в эти игры не играю.

— Я тоже. Хочу предложить тебе работенку.

— Почему бы нам не поговорить здесь?

— Вопрос весьма деликатный.

— Куда мы пойдем?

— Ко мне домой. Я хочу, чтобы ты знал, где я живу.

У тебя на пляже осталась одежда?

— Только рубашка.

— Забери ее. Моя машина — серый «ягуар ХКЕ». Я буду ждать в кабине.

В пляжной толпе незнакомец в деловом костюме напоминал страхового агента, попавшего на веселую пирушку. Но никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Вместе с рубашкой Флетч поднял с песка лежащий под ней пластиковый мешочек и сел неподалеку от своих приятелей. Разглядывая океанские просторы, он, задумчиво потягивая пиво, держал банку в левой руке, а правой рыл в песке под рубашкой яму.

— Что случилось? — спросила Бобби.

— Думаю.— Флетч опустил мешочек в яму и зарылся над ним песок.— Пожалуй, я уйду. Ненадолго.

— Ты вернешься к вечеру?

— Не знаю.

Закинув рубашку через плечо, он пошел к набережной.

— Дай глотнуть напоследок.— Бобби приподнялась на локте и отпила из банки.— Хорошо.— вздохнула она.

— Эй, парень, ты куда? — позвал Кризи.

— Ухожу.— ответил Флетч.— Слишком жарко.

Он запомнил цифры номерного знака «ягуара» — 440-001.

Флетч сидел, зажав коленями банку холодного

пива. Ехали молча, лицо мужчины под солнцезащитными очками напоминало маску. На левой руке блестело университетское кольцо. Прикуривал он от золотой зажигалки, которую доставал из кармана пиджака, предпочитая ее той, что была в приборной доске.

В машине было прохладно, работал кондиционер. Флетч открыл окно, и мужчина выключил кондиционер.

Выехав на шоссе, ведущее к северу от города, он прибавил скорость. Машина плавно проходила повороты. Затем они свернули налево, к Харторпу, потом направо, на Бермэн-стрит.

Дом стоял поперек Бермэн-стрит, обращая ее в тупик. Если бы не предупреждения, вывешенные на кованых железных воротах: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СТЭНВИКА — ВХОД ВОСПРЕЩЕН», — он бы и не заметил, что улица перешла в подъездную дорогу к дому. По обе стороны дороги зеленели просторные лужайки.

Флетч выбросил через окно пустую банку. Мужчина, казалось, этого не заметил.

Дом с белыми колоннами перед широкой террасой строился по канонам архитектуры южных штатов.

Мужчина пропустил Флетча вперед и закрыл за собой дверь библиотеки.

— Почему вы хотите умереть?

Почти невесомый конверт лежал на ладони Флетча. — Меня ждет долгое, болезненное и неизбежное умирание.

— Как так?

— Недавно мне сказали, что у меня рак. Я проверял и перепроверял поставленный диагноз. Он окончателен. Неизлечимый неоперабельный рак.

— По вашему виду это не заметно.

— Я даже не чувствую, что болен. Пока болезнь в ранней стадии. Врачи говорят, что должно пройти какое-то время, прежде чем кто-то поймет, что я болен. Потом все будет кончено, и очень быстро.

— И сколько вам осталось?

— Они говорят, месяца три, возможно, четыре. Но наверняка меньше шести. Как я понял с их слов, уже через месяц я не смогу скрыть признаки болезни.

— И что? Месяц есть месяц.

— Когда принимаешь такое решение... если собираешься... умереть... э... надо осуществлять его как можно скорее. Лучше умереть сразу.

Заложив руки за спину, мужчина смотрел в сад. Флетч решил, что ему чуть больше тридцати.

— Почему вы не покончите жизнь самоубийством? Зачем понадобился я?

— Я застрахован на три миллиона долларов. У меня жена и ребенок. Самоубийца, вернее, его наследники не получают страховки. С другой стороны, три миллиона долларов не стоят страданий, ожидающих меня. Мне представляется, что я нашел самое разумное решение.

Картины на стенах не понравились Флетчу, но он отметил про себя, что это подлинники.

— Почему именно я?

— Ты бродяга. В городе тебя никто не ждал. Так же незаметно ты и уйдешь. Никто не будет связывать тебя с убийством. Видишь ли, я продумал твой отъезд. Для меня очень важно, чтобы ты благополучно исчез. Если тебя поймут и заставят говорить, а молчать тебе в общем-то ни к чему, страховая компания не выплатит ни цента.

— Допустим, я не бродяга? А если я просто приехал в отпуск?

— Что ты хочешь этим сказать? Ты в отпуске?

— Нет.

— Я наблюдал за тобой несколько дней. Ты сидишь на пляже среди всякой швали. Общаешься только с наркоманами. Я пришел к выводу, что ты один из них.

— Может, я полицейский?

— Правда?

— Нет.

— У тебя отличный загар, Ирвин Флетчер. Ты тощ, как дворовый кот. У тебя ноги в мозолях. Должно быть, ты давненько бродяжничаешь.

— Почему вы выбрали меня, а не кого-нибудь из этих мальчиков на берегу?

— Ты не мальчик. Выглядишь молодо, но тебе около тридцати.

— Двадцать девять.

— И деградировал ты меньше остальных. Полагаю, ты наркоман, иначе не смог бы жить среди этих психов. Но еще способен соображать.

— Я — внушающий доверие бродяга.

— Не зазнавайся понапрасну.

— На чем основана ваша уверенность, что я пойду на убийство? — спросил Флетч.

— На двадцати тысячах долларов. Плюс гарантия, что тебя не поймут.

Мужчина долго смотрел в окно, поэтому его глаза не сразу приспособились к полумраку библиотеки. От Флетча не укрылось презрение, сквозившее в его взгляде.

— Не станешь же ты уверять, что деньги тебе не нужны. Наркоманам они нужны всегда. Даже начинающим. Возможно, ты ухватишься за эту возможность, чтобы избежать настоящих преступлений, которые тебе неминуемо придется совершить.

— Разве это преступление не настоящее?

— Это милосердное убийство. Ты женат?

— Был, — ответил Флетч. — Дважды.

— А теперь ты бродяжничаешь. Откуда ты?

— Сиэтл.

— Я прошу тебя совершить акт милосердия, взять деньги и смыться. Что в этом плохого?

— Я не знаю. Не уверен.

— Ты готов слушать дальше?

— О чем?

— О моем плане. Ты будешь слушать или уйдешь?

— Я готов. Говорите.

— Умереть я хочу в следующий четверг, ровно через неделю, примерно в половине девятого вечера. Это будет обычное убийство с ограблением. По четвергам прислуги не бывает, это их выходной день, а жена уедет в «Рэкетс-клуб». Двери на террасе будут на запорты, чертovsky слуги вечно про них забывают.

— Он приоткрыл дверь и тут же закрыл ее.— Раньше я ругал их за расхлябанность, но теперь понял, как воспользоваться этим. Собаки у нас сейчас нет. Я буду ждать тебя в этой комнате. Сейф открою сам, там ты найдешь двадцать тысяч долларов, десятками и двадцатками. После убийства они станут твоими. Полагаю, ты не сможешь вскрыть сейф?

— Нет.

— Плохо. Взломанный сейф выглядел бы правдоподобнее. По крайней мере не забудь надеть перчатки.

Я не хочу, чтобы тебя нашли по отпечаткам пальцев. Вот здесь. — Мужчина выдвинул правый ящик стола. — всегда лежит заряженный пистолет. — Это был «Смит и Вессон» тридцать восьмого калибра. Мужчина показал Флетчу, что пистолет заряжен. — Я решил, что лучше воспользоваться моим пистолетом, чтобы след не привел к тебе. Ожидая тебя, я переверну парочку стульев, выверну на пол содержимое ящиков, чтобы никто не сомневался в ограблении. Все должно выглядеть так, будто я застал тебя на месте преступления, но ты уже успел обшарить стол, нашел пистолет и застрелил меня. Ты умеешь стрелять?

— Да.
— Служил в армии?
— Да. На флоте.
— Стреляй в голову или сердце. Смерть тогда наступает быстро и безболезненно. И, ради бога, не промахнись. У тебя есть паспорт?

— Нет. — соврал Флетч.
— Естественно, нет. Раздобудь. Этим ты должен заняться в первую очередь. Туристский сезон еще не начался, так что ты уложишься в три-четыре дня. Но начинай завтра же. Убив меня, ты сядешь в «ягуар» — он будет перед домом — и поедешь в аэропорт. Оставь машину на стоянке «Транс Уорлд Эрлайнс». Ты полетишь в Буэнос-Айрес одиннадцатичасовым рейсом. Завтра же закажу билет на твое имя и оплачу его. Думаю, тебе хватит двадцати тысяч долларов, чтобы поразвлечься в Буэнос-Айресе год или два.

— Пятьдесят тысяч долларов позволяют мне развлекаться дольше.
— Ты хочешь пятьдесят тысяч? Убийство не стоит так дорого.

— Вы забываете, что жертвой станете вы. Вы же хотите, чтобы все было по-человечески.

Мужчина презрительно сощурился.
— Ты прав. Полагаю, я смогу достать пятьдесят тысяч, не вызывая подозрений. — Он вновь повернулся к окну. Судя по всему, вид Флетча был ему неприятен. — Я постараюсь принять все меры, чтобы тебя не поймали. Ты должен лишь не забыть про перчатки и паспорт. Пистолет лежит в столе, место в самолете я забронирую и оплачу. Так возьмешься?

— Будьте уверены, — ответил Флетч.

ГЛАВА 2

— Клара?
— Где ты, Флетч?
— В телефонной будке.
— У тебя все в порядке?
— Конечно.
— Этого я и боялась.
— Я тоже люблю тебя, стерва этакая.
— Complimentами ты вряд ли чего-то добьешься.
— Мне от тебя ничего не нужно. Послушай, я приеду сегодня вечером.
— В редакцию?
— Да.
— Зачем?
— Думаю, я нашел кое-что интересное.
— Это связано со статьей о распространении наркотиков?
— К сожалению, наркотики тут ни при чем.
— Тогда я не хочу ничего слышать.
— Я и не собираюсь тебе рассказывать.
— Фрэнк опять интересовался статьей о наркотиках.

— Пошел он к черту.
— Ему нужна статья, Флетч. Она запланирована в воскресное приложение, и ее ждали от тебя три недели назад.
— Я над ней работаю.
— Статья нужна ему немедленно, Флетчер. С фотографиями. Фрэнк буквально кипел от негодования, и тебе известно, как я тебя люблю.

— Ты стояла за меня, не так ли, Клара?
— Черта с два.
— Ты не можешь снять меня с расследования, и Фрэнк это понимает. Я затратил на него слишком много времени. К тому же ни у кого в редакции нет такого загара, как у меня.
— Зато я могу уволить тебя за невыполнение задания.

— Не хватит ли разговоров, Клара? Я только хотел сказать, что приеду сегодня.
— Кое-кто этому очень обрадуется.
— Моему прибытию?

— Естественно, Флетчер. Какой-то скользкий тип, назвавшийся адвокатом, весь день искал тебя в редакции. Похоже, ты не платишь алименты.
— Какой жене на этот раз?

— Откуда мне знать. Неужели ты платишь хоть одной?
— Они обе хотели избавиться от меня. Теперь они свободны.

— Но суд постановил, что ты не свободен от них.
— Когда мне понадобится юридическая консультация, Клара, я обязательно обращусь к тебе.
— Держи этих бездельников подальше от редакции. Нам хватает забот и без твоих алиментов.

— Ты совершенно права, Клара.

— И не возвращайся без готовой статьи.

— Пусть мои птенчики отдохнут от меня. Тем более я сказал им, что мне надо уехать. На некоторое время. Я вернусь завтра вечером. И проведу еще один чудесный уик-энд на пляже.

— А я говорю — нет, Флетчер. Твое пребывание в городе наверняка не осталось незамеченным, особенно если ты действительно что-то откопал. Если увидят, как ты садишься в машину и едешь в редакцию, все может открыться.

— Мне еще нужно и поработать в архиве.

— Для твоей статьи? О наркоманах?

— Нет. Для другой.

— Плевать мы хотели на другую статью, пока ты не сделал эту.

— Клара, я замерз. Я все еще в плавках.

— Надеюсь, ты не простудишься. Выметайся из будки и займись делом. Уже половина восьмого, и у меня был трудный день.

— До свидания, Клара. Так приятно поболтать с тобой. Будь осторожнее, а то в постели Фрэнка тебе сведет ногу с дорожкой.

— Мерзавец.

Пробежка по берегу согрела Флетча. В лучах заходящего солнца его фигура отбрасывала гигантскую тень, шаги казались огромными. Как обычно в эти дни, пляж еще не опустел. Около лачуги Толстяка Сэма Флетч бросил рубашку на песок и сел рядом. Прицел оказался точным. Под рубашкой Флетч выкопал пластиковый мешок. Пальцы подсказали ему, что фотоаппарат целехонек.

Завернув мешок в рубашку, Флетч пошел вдоль берега. Дома все росло, увеличивались и промежутки между ними.

На песке валялась чековая книжка. Флетч поднял ее. «Торговый банк». Имени владельца на чеках не было, но стоял номер счета и сумма вклада — семьсот восемьдесят пять долларов и тридцать четыре цента.

Флетч засунул чековую книжку в задний карман вылинявших, отрезанных выше колена джинсов.

Мужчина, собравшийся жарить мясо, заорал на Флетча, когда тот решил сократить путь, перескочив через его забор. Флетч помахал ему рукой.

Взяв в конторе ключи, Флетч по заляпанному маслом асфальтовому полу гаража прошел к своему «MG». В багажнике лежали целые джинсы и свитер.

— Эй, ты! — заорал лысый толстяк сторож. — Здесь нельзя переодеваться.

— А мне нужно.

— Острик нашелся. А если сюда зайдет дама?

— В Калифорнии давно нет дам.

Перед тем, как выехать из гаража, он включил диктофон, надежно закрепив его ремнем безопасности на переднем сиденье. Фотоаппарат он положил в «бардачок», обмотал провод вокруг шеи, а микрофон болтался чуть ниже подбородка.

— Алан Стэнвик, — начал Флетч, махнув рукой кричащему толстяку, — следил за мной несколько дней, когда я по заданию «Ньюс-Трибюн» пытался выяснить, кто и как распространяет на пляже наркотики, а сегодня предложил убить его ровно через неделю, в следующий четверг, в половине девятого вечера. В результате своих наблюдений он пришел к выводу, что я бродяга и наркоман. По крайней мере, я думаю, что получил задание на убийство от Алана Стэнвика. Я никогда не видел Стэнвика, но мужчина, обратившийся ко мне, привез меня в особняк Стэнвика на Бермэн-стрит. Я знаю, что существует человек, которого зовут Алан Стэнвик. Амелия Шэрклифф тысячу раз упоминала его в колонке светской хроники: молодой, богатый, пользующийся всеобщим уважением. Быстрая проверка по фотографической картотеке в редакции позволил определить, кто обращался ко мне, Алан Стэнвик или нет.

Как журналист, я должен скептически воспринимать любую информацию до тех пор, пока не проверю, что она соответствует действительности.

Свое столь необычное требование Стэнвик обосновал тем, что умирает от рака. У меня нет опыта в диагностике раковых заболеваний, но для непосвященных он вполне здоров.

С другой стороны, поведение Стэнвика не дает повода для сомнений в его словах.

Истинность его намерений подтверждает и упоминание о трехмиллионной страховке. Если он покончит жизнь самоубийством, страховая компания действительно не выплатит ни цента.

Мужчина, назвавшийся Стэнвиком, говорит, что у него жена и ребенок.

Он разработал довольно подробный план своего убийства.

Получив паспорт, я должен войти в дом Стэнвика через дверь, ведущую из библиотеки на террасу, в следующий четверг, в половине девятого вечера. Его жена будет на собрании в «Рэкетс-клубе». У слуг четверг — выходной день.

Стэнвик обещал перевернуть стулья и вывалить на пол содержимое ящиков, чтобы имитировать ограбление. Сейф он тоже откроет сам.

Я должен взять пистолет «Смит и Вессон» тридцать восьмого калибра из верхнего правого ящика стола и выстрелить в Стэнвика так, чтобы по возможности

безболезненно его убить. Он показал мне, что пистолет заряжен.

Затем в машине Стэнвика, сером «ягуаре ХКЕ», номер 440-001, я поеду в аэропорт и сяду в самолет компании «Транс Уорлд Эрлайнс», вылетающий в одиннадцать вечера в Буэнос-Айрес. Билет на мое имя будет заказан завтра.

За эти услуги Стэнвик готов заплатить мне пятьдесят тысяч долларов. Я найду их в открытом сейфе наличными, купюрами по десять и двадцать долларов. Сначала он предложил мне двадцать тысяч. Я поднял цену до пятидесяти, чтобы убедиться в серьезности его намерений.

Как выяснилось, он не шутил.

Наблюдая за мной, он решил, что я ему подойду. Он следил за мной несколько дней и убедился, что я бродяга и наркоман.

Он не знал моего имени, ему вообще ничего неизвестно обо мне.

Стэнвик даже не подозревает, что я популярный молодой журналист И. М. Флетчер из «Ньюс-Трибюн», который так невзлюбил свои имена, Ирвин Морис, что никогда не подписывается ими. Я И. М. Флетчер. По заданию редакции я работаю над статьей о распространении наркотиков.

Вопросы, возникшие на текущий момент, весьма очевидны:

Сам ли Алан Стэнвик предложил мне убить его?

Болен ли он раком?

Застрахован ли он на три миллиона долларов?

Неужели он действительно хочет, чтобы я его убил?

Ответ на каждый из вопросов может стать отличной статьей.

Хотя я признаю, что мне пришлось воевать, сейчас я только журналист.

Любая история, касающаяся Алана Стэнвика, вызовет интерес.

Поэтому я согласился убить Алана Стэнвика.

Мое согласие на убийство дает мне ровно неделю, в течение которой я могу быть уверен в том, что он не станет жертвой другого кандидата в убийцы.

Я понимаю, что поступаю нечестно.

Но не зря же отец учил сына, когда разговор зашел о целомудрии: «Сынок, если ты не будешь первым, им станет кто-то другой».

ГЛАВА 3

— Кэррадайн.

— Это И. М. Флетчер.

— Слушаю, мистер Флетчер.

— Я пишу для «Ньюс-Трибюн».

— О!

— Вы экономический редактор, не так ли?

— А я имею честь говорить с тем самым дерьмом, написавшим, будто в Калифорнии скоро не будет денег?

— Я действительно писал что-то в этом роде.

— Ты просто дерьмо после этого.

— Благодарю за покупку воскресной газеты.

— Ха. Я прочел ее в редакции, в понедельник.

— Понятно.

— Что тебе от меня нужно, Флетчер?

В дверь каморки Флетча проринулась голова мужчины лет сорока с выгоревшими на солнце светлыми волосами. Увидев, что Флетч говорит по телефону, голова исчезла.

— Меня интересует человек по имени Алан Стэнвик.

— Алан Стэнвик?

— Да.

Фотографии на столе Флетча неопровержимо устанавливали личность мужчины, обратившегося к нему на пляже: Алан Стэнвик в деловом костюме, Алан Стэнвик при черном галстуке, Алан Стэнвик в летной форме: да, именно Алан Стэнвик хотел уйти из жизни с его помощью.

— Он женился на «Коллинз Авиэйшн».

— На всей сразу?

— Его жена — единственная дочь президента и председателя совета директоров.

— Стало быть, безработица ему не грозит.

— Желаю тебе оказаться на его месте.

— У Фрэнка, нашего босса, нет дочерей. Только сукины сыновья.

— Насколько мне помнится, Алан Стэнвик — исполнительный вице-президент «Коллинз Авиэйшн».

— Чудесам нет конца.

— Через несколько лет он должен стать президентом.

— Его будущее куется в постели.

— Нет, как я понимаю, он оказался весьма компетентным специалистом. Окончил Гарвард или Уортон. Умный парень и, судя по отзывам, очень хороший человек.

— Как идут дела у «Коллинз Авиэйшн»?

— По-моему, неплохо. Корпорацией руководит Алан Стэнвик. Его тесть практически ни во что не вмешивается. Проводит все время в «Рэкетс-клубе». Организует теннисные турниры. У корпорации солидная репутация. Я как-то не следил за ней. Но могу присмотреться повнимательнее. Ее акции практически не продаются. Львиная их доля принадлежит Коллинзу и его старым

друзьям, которые входят в совет директоров.
— Стало быть, все может случиться?
— Почти все. Ты хочешь, чтобы я занялся «Коллинз»?
— Да.
— Все, что можно узнать о Стэнвике, его жене, Коллинзе, «Коллинз Авиэйшн» как в личном, так и в профессиональном плане.
— Почему я должен работать на тебя?
— Вы экономический редактор «Ньюс-Трибюн», не так ли?
— Да.
— Мне не хотелось бы ошибиться и возложить вину на вас.
— На меня? В чем я виноват?
— Ответственность за экономическую сторону любой статьи ложится на вас.
— Клара Сноу говорит, что ты дерьмо.
— Мой внутренний номер 705. Заранее благодарю.
— Боже!
— Нет. И. М. Флетчер.
Телефонный справочник оказался на книжной полке. Пока вытаскивал его, не обращая внимания на сыпавшиеся на пол бумаги, в дверь вошел мужчина, на этот раз не блондин, и уселся в кресло.
— Мистер Флетчер?
— Да.
— Я Джиллетт из «Джиллетт, Уорхэм и О'Браун». Подумать только.
— Адвокат вашей жены.
— Какой именно?
— Миссис Линды Флетчер.
— А. Линды. Как она поживает?
— Плохо, мистер Флетчер. Очень плохо.
— Как жаль! Такая милая крошка!
— Она очень огорчена, так как после развода вы не выплатили ей ни единого цента алиментов.
— Однажды я пригласил ее на ленч.
— Она несколько раз говорила мне о том случае. Ваша щедрость не осталась незамеченной. Вы должны выплатить ей три тысячи четыреста двадцать девять долларов. Учитывая съеденный за ленчем гамбургер, можно забыть про оставшиеся центы.
— Благодарю.
КОЛЛИНЗ АВИЭЙШН: 553-0477.
— Скажите мне, мистер Уорхэм...
— Джиллетт...
— Обращаюсь к вам, как к адвокату.
— Я не имею права взять вас в клиенты. Должен добавить, я и не хотел бы иметь такого клиента.
— Тем не менее вы пришли сюда, расселись в моем кресле, наверное, очень не хотите, чтобы вас вышвырнули из него, а мне надо работать. Я знаю, что вы представляете уважаемую юридическую контору. Только в самых уважаемых конторах компаньоны лично приходят за тремя тысячами долларов. Вы болтались по редакции всю неделю. Должно быть, вам нечем платить за аренду помещения. Или вы облапошили Линду больше чем на три сотни из причитающихся ей трех тысяч?
— О чем вы хотели спросить, мистер Флетчер?
— Как, по-вашему, мистер Джиллетт, является важным обстоятельством, что я никогда не соглашался на уплату алиментов? Я даже не хотел разводиться.
— Меня это не касается. Суд постановил, что вы должны платить, и вы будете платить.
— Хочу спросить, не показалась ли вам странной эта история. Однажды вечером я прихожу домой. Линды нет. А на следующее утро узнаю, что она развелась со мной, потому что я ее бросил.
— С вами это не впервой, мистер Флетчер. Для молодого человека, не достигшего тридцати лет, два развода более чем достаточно.
— Я сентиментален и сторонник традиций.
— Пока вы будете жениться, вам...
— Обещаю вам! Больше не женюсь. Слишком дорого приходится платить за то, что тебя бросают.
— Знаете, миссис Флетчер много рассказывала мне о вас.
— Вы тоже приглашали ее на ленч?
— Мы беседовали в моем кабинете.
— Так я и думал.
— Она отметила, что у вас злобный и вспыльчивый характер, вы лжец и обманщик, и она покинула ваш стол и кров, потому что не могла больше терпеть. Она не просто ушла от вас. Она убежала, спасая свою жизнь.
— Злобный и вспыльчивый... Глупости. Наступил разок коту на хвост.
— Вы выбросили кота с седьмого этажа.
— Вся квартира провоняла котом.
— Миссис Флетчер пришла к выводу, что в следующий раз на месте кота окажется она. Поэтому, дождавшись, когда вы уйдете на работу, она собрала вещи и покинула ваш дом.
— Ерунда. От нее никогда не пахло. Она постоянно принимала душ. И мыла волосы каждые полчаса.
— Мистер Флетчер, как вы отметили сами, я жду вас целую неделю. По каким-то причинам в редакции не сочли нужным сообщить мне о вашем местопребывании. У меня есть право вызвать вас в суд, и на этот раз, смею вас уверить, вам не удастся уклониться от ответственности. Так как мы решим? Заплатите не-

медленно или принудите меня прибегнуть к помощи суда?
— Больше разговоров.— Флетч достал из ящика стола найденную на пляже чековую книжку «Торгового банка».— Так уж получилось, мистер Джиллетт, что эту неделю я играл в покер. Выиграл семь тысяч долларов. Вчера вечером положил деньги в банк. Если вы возьмете чек и поддержите его у себя десять дней...
— Разумеется.
— Тогда оставшейся суммы мне хватит, чтобы заплатить налоги и помыть автомашину, не так ли?
— Думаю, что да.
— Так сколько вы хотите получить?
— Три тысячи четыреста двадцать девять долларов и сорок семь центов.
— Мы, кажется, решили забыть о центах. Ленч стоил дорожке.
— Да, да. Вы совершенно правы.
— Денежки счет любят, знаете ли.
Флетч выписал чек на выплату Линде Флетчер трех тысяч четыреста двадцати девяти долларов и неразборчиво подписался.
— Возьмите, мистер Джиллетт. Благодарю вас за ваш визит. Жаль, что мы не на седьмом этаже.
— С вами приятно иметь дело, мистер Флетчер.
Подойдя к двери, Джиллетт все еще держал чек в руке. Только тут Флетч заметил, что на костюме адвоката не было ни одного кармана. «Как же он обходится без карманов?» — подумал он.
— Между прочим, мистер Флетчер, я прочел вашу статью о несправедливости судебных решений по бракоразводным процессам, в особенности по выплате алиментов.
— Благодарю вас.
— Вынужден сказать, что это глупая и необъективная статья.
— Необъективная?
— Абсолютно необъективная.
— Я вас понимаю. Вы же адвокат по разводам. Почему бы вам не подняться на следующую ступень вашей карьеры и не стать сутенером?
— Считаю, что любой адвокат по разводам, в том числе и я, может подать на вас в суд за эту статью и выиграть дело.
— Я цитировал ваших коллег.
— Я не знаком с ними.
— Мне разрешено ссылаться лишь на официальные документы.
Джиллетт попытался на прощание придать лицу надменное выражение. У Флетча же сложилось впечатление, что тому хочется чихнуть.
— Коллинз Авиэйшн. Доброе утро.
— Доброе утро. Я хотел бы поговорить с секретаршей мистера Стэнвика.
— Одну минуту, пожалуйста.
Флетч скинул под столом теннисные туфли. Линолеум приятно охлаждал голые ноги.
— Кабинет мистера Стэнвика.
— Доброе утро. Я Боб Олсон из «Кроникл газетт».— представился Флетч.— Мы готовим материал для женской страницы и нуждаемся в вашей помощи.
— Да, пожалуйста.
— Это будет легкая статейка, ничего особенного.
— Я понимаю.
— Мы хотим написать о частных врачах знаменитостей нашего города. Нам кажется, что читательниц это развлечет.
— Несомненно.
— Не смогли бы вы назвать нам имя личного врача мистера Стэнвика?
— О, я не уверена, что мистер Стэнвик разрешил бы назвать его вам.
— Мистер Стэнвик у себя?
— Да, только что прошел в кабинет.
— Вас не затруднит рассказать ему о нашей просьбе? Если мы напечатает фамилию доктора, мистер Стэнвик, возможно, больше не получит от него ни одного счета. Напомните мистеру Стэнвику, что докторам у нас не разрешается рекламировать свои успехи.
— Я знаю.— хохотнула секретарша.— Подождите минутку.
Ожидая, Флетч взял со стола конверт с десятком столотларовыми банкнотами и бросил его в ящик.
— Мистер Олсон? Мистер Стэнвик посмеялся и разрешил сказать вам, что его личный врач — доктор Джозеф Делвин из Медицинского Центра.
— Отлично.
В четверг вечером человек готовит собственное убийство, а в пятницу утром смеется над тем, что кто-то хочет узнать фамилию его личного врача. Да, мистер Стэнвик не мог жаловаться на слабую нервную систему.
— Когда ваш материал появится в газете, мистер Олсон?
— Ну, если мы сможем достать фотографию доктора Делвина...
— Хотя бы приблизительно.
— В следующую пятницу.— ответил Флетч.
— Прекрасно. Я скажу мистеру Стэнвику, чтобы он обязательно купил «Кроникл газетт» в пятницу.
— Конечно. Пусть непременно купит.
И Флетч положил трубку.

Медицинский Центр... Медицинский Центр... Алан Стэнвик рассчитывает, что его убьют в следующий четверг вечером. При этом в пятницу он собирается купить утренний выпуск «Кроникл газетт», чтобы прочитать статью о своем враче. Ну и жизнь! Значит, все было враньем... 553-9696.
— Медицинский Центр. Доброе утро.
— Пожалуйста, кабинет доктора Джозефа Делвина.
— Одну минуту.
— Кабинет доктора Делвина. Доброе утро.
— Доброе утро. Доктора Делвина, пожалуйста.
— Доктор ведет прием. Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?
— К сожалению, мне необходимо поговорить с ним лично.
— О...
— Это страховая компания. Мистер Алан Стэнвик застраховался у нас...
— Понятно.
— Возникли некоторые сложности со страховкой...
— Одну минуту, сэр. Я посмотрю, свободен ли доктор Делвин.
Из трубки до Флетча донесся голос то ли секретарши, то ли медсестры: «Звонят из страховой компании мистера Стэнвика. Они хотят что-то узнать...»
Другую трубку сняли немедленно.
— Да?
— Доброе утро, доктор. Как вы уже знаете, Алан Стэнвик застраховал у нас жизнь...
— Да.
— Он ваш пациент?
— В общем, да.
— Что значит в общем?
— Видите ли, я семейный врач Коллинзов. Джон Коллинз и я жили в одной комнате, когда учились в колледже. Стэнвик женился на его дочери Джоан, поэтому можно сказать, что я и его врач. Но встречаюсь я с ним только в обществе.
— С какого времени мистер Стэнвик стал вашим пациентом, доктор?
— С тех пор, как переехал сюда. Примерно шесть лет назад. Если хотите, я могу уточнить.
— Нет, этого достаточно, доктор. Мы лишь просматриваем страховые контракты некоторых клиентов. Как вам известно, мистер Стэнвик застрахован на большую сумму.
— Да, я знаю об этом.
— Кстати, почему? Что заставило его так дорого оценить свою жизнь?
— О, это идея Джона. Алан обожает летать на экспериментальных самолетах. Видите ли, он служил в авиации, прежде чем поступил в Уортон. Он продолжает летать и не упускает случая подняться в воздух что-то непонятное. Я думаю, его полеты имеют какое-то отношение к корпорации, где он работает.
— Если мистер Стэнвик погибнет, его семья действительно потеряет три миллиона?
— Не знаю. Наверное. Стоимость акций наверняка упадет, а основной пакет принадлежит Коллинзам. Алан — сказочный принц корпорации, и замены ему нет. С его смертью нарушится управление, возникнут кадровые проблемы. Да, полагаю, что смерть Алана принесет семье очень большие убытки.
— Понятно.
— Но, честно говоря, я не думаю, что именно в этом состоит причина столь значительной страховки.
— Да?
— Джон заставил Алана застраховаться на три миллиона после рождения Джулии, надеясь, что этим заставит его отказаться от рискованных полетов. Он думал, что большие выплаты остановят Алана. Как-то за коктейлем Джон сам сказал мне об этом. Я, помнится, ответил, что в этом случае кое у кого может возникнуть желание убить человека, застрахованного на такую огромную сумму. Намек на его дочь не показался Джону забавным.
— Кто такая Джулия?
— Внучка. То есть дочь Джоан. Джоан и Алана. Очаровательная малышка.
— Мистер Стэнвик по-прежнему летает?
— Да. Как только где-то что-то построят, он тут как тут. И платит за страховку.
— Когда вы в последний раз осматривали мистера Стэнвика, доктор?
— Ни разу после того, как он подписал страховой полис. Вы же каждые полгода досконально проверяете его здоровье. Сколько раз человек может проходить медицинский осмотр?
— Значит, он к вам не обращается?
— Нет. Я же сказал, мы видимся только в гостях. На коктейле у Джоан или на обеде в клубе.
— И как его состояние здоровья?
— Точный ответ можно дать лишь по результатам осмотра. Если исходить из того, что я видел в бассейне или раздевалке, Алан стройный, мускулистый, хорошо сложенный и абсолютно здоровый молодой человек. Пьет он мало, практически не курит. У него фигура двадцатилетнего боксера. Я думаю, он без труда выдержит все пятнадцать раундов.
— Он мог обращаться к какому-нибудь врачу, помимо вас?
— Конечно.
— Узкому специалисту?

— Если кто и мог направить его к узкому специалисту, так это врач вашей компании. В случае каких-либо осложнений он извещал бы меня, а уж я направил бы Алана к кому следует. Пока такой необходимости не возникало.

— Благодарю вас, доктор. Извините, что отнял у вас время.

— Можно поинтересоваться причиной ваших распросов?

— Мы периодически проводим проверку наиболее крупных страховых полисов.

— Три миллиона долларов — огромная сумма. Думаю, что при такой страховке человек должен полностью изменить образ жизни.

— Или смерти, доктор.

ГЛАВА 4

— Библиотека.

— Сегодня утром в четверть девятого я заказывал подборку по Алану Стэнвику. Уже без четверти одиннадцать. Что у вас там происходит?

— Это мистер Флетчер?

— Он самый.

— Старший библиотекарь хочет поговорить с вами. Флетч успел получить фотографии Стэнвика до девяти часов, пока старший библиотекарь еще не прибыл на работу.

— Флетчер?

— Да.

— Мы подобрали вырезки по Алану Стэнвику. Можешь взять их в любое время.

— Потрясающе. Образец сотрудничества. Я жду два часа, а вы затеяли какие-то странные игры.

— В архиве играть некогда, Флетчер. Курьеров у нас нет. За подборкой тебе придется прийти самому.

— И поблагодарить вас.

— А также расплатиться в получении. Мне надоели твои истории о таинственных исчезновениях переданных тебе материалов.

— Уже иду. Только не вздумайте вывесить к моему приходу табличку «Перерыв на обед».

Только на полпути в библиотеку Флетч обнаружил, что забыл надеть теннисные туфли.

— Я бы принесла вам подборку, мистер Флетчер, но мистер Осборн запретил мне. — В больших круглых очках девушка выглядела весьма привлекательно.

— Вечно он во все лезет, этот Осборн.

— Подборка у него.

Когда-то Осборн был недурным репортером.

— Распишись вот здесь, Флетч. Премного тебе благодарен. Вот подборка. Напрасно ты разбомбил букмейстеров на прошлой неделе.

— Извини.

— Мой закрылся на неделю. Я нигде не смог сделать ставку.

— Ничего, деньги целее будут.

— Я следил за результатами скачек. Из-за тебя я потерял пятьсот долларов.

— Пришли тебе чек. Я же так хорошо зарабатываю.

— Я просто хочу сказать: спасибо тебе большое. Если могу оказать услугу...

— Можешь. Сгинь отсюда.

— Верни подборку, прежде чем уйдешь домой, милый, а не то я напишу на тебя докладную.

— Так и напиши. И. М. Флетчер. Журналист.

— Счастливого пути.

Девушка в круглых очках взглянула на босые ноги Флетча и улыбнулась.

— Флетчер! — В коридоре стояла Клара Сноу. — О господи, Флетчер!

Бежевый костюм, туфли и сумочка из крокодиловой кожи — деловой костюм деловой женщины, готовой начать рабочий день.

— Ты только что пришла, Клара?

— Ради бога, Флетчер, я еще могу стерпеть джинсы и тенниску, но почему ты ходишь по редакции босиком?

— Я здесь с половины восьмого.

— Тебя тут вообще не должно быть! Твое место на пляже.

— Вчера вечером я сказал тебе, что приеду.

— А я не разрешила тебе приезжать.

— Мне нужны кое-какие материалы.

— А мне плевать. Я запретила тебе являться в редакцию без законченной статьи. Статья готова?

— Нет.

— Флетчер. — В полумраке коридора лицо Клары стало лиловым. — Я поговорю с тобой позже. Я давно никого не увольняла. Чувствую, это время пришло.

— Что? Вы с Фрэнком сегодня слишком долго спали?

— Неостроумно. Я вообще не вижу повода для веселья.

— Это твои трудности.

Флетч разложил вырезки на столе. Алан Стэнвик упоминался в различных разделах газеты, чаще в светской хронике и финансовом. На каждой вырезке фамилия Стэнвик, впервые появившаяся в статье, обводилась красным кружком.

Флетчер включил диктофон, который принес из ма-

шины, положил босые ноги на стол и откинулся в кресле.

— Одиннадцать утра, пятница. Тема — загадочное убийство.

На текущий момент нам удалось выяснить следующее.

Первое, по фотографиям картотеки «Ньюс-Трибюн» я установил, что мужчина, обратившийся ко мне вчера днем и привезший меня в дом Стэнвика, не кто иной, как Алан Стэнвик.

Второе, он исполнительный вице-президент «Коллинз Авиэйшн», женат на Джоан Коллинз, их единственной дочери, Джулии, еще нет шести лет.

Его личный врач и друг семьи доктор Джозеф Делвин из Медицинского Центра подтверждает, что Стэнвик застрахован на три миллиона долларов. Причину столь высокой страховки Делвин видит в желании тестя Стэнвика, президента корпорации и председателя совета директоров, отвести зятя от полетов на экспериментальных самолетах. До сих пор, несмотря на большие ежемесячные выплаты, Коллинзу не удалось добиться желаемого. Стэнвик по-прежнему летает.

Пока мы не смогли получить точных сведений о состоянии здоровья Стэнвика. Думаю, не добьются нам их и в будущем.

Делвин уверял меня, что не знает, болен Стэнвик или нет. Довольно странное поведение для семейного врача, если только он не лжет.

При этом доктор Делвин признал, и это весьма существенно, что акции «Коллинз Авиэйшн» упадут в цене, если пройдет слух, что Стэнвик неизлечимо болен. Можно не сомневаться, что добрый доктор, друг семьи, вложил в «Коллинз Авиэйшн» немалую толику своих сбережений.

Поэтому ему выгодно лгать, чтобы выгадать Стэнвику максимум времени для перестройки корпорации.

Таким образом, нельзя однозначно ответить на вопрос, болен ли Стэнвик раком, или нет.

Мне показалось, что он вполне здоров, но я не силен в медицинских диагнозах.

Флетч убрал ноги со стола и наклонился над разложенными вырезками.

— Давайте посмотрим, что мы узнали об Алане Стэнвике из подборки «Ньюс-Трибюн».

Об обручении Джоан Коллинз и Алана Стэнвика объявлено больше шести лет назад в «Рэкетс-клубе» при большом стечении народа.

Невеста — дочь Джона и Марион Коллинз. Единственный ребенок. Окончила Хиллз Хай Скул, Годард Джуниор колледж, год училась в Сорбонне. В пятнадцать и шестнадцать лет выигрывала чемпионаты среди девушек по теннису. После учебы во Франции работала в международном отделе «Коллинз Авиэйшн».

Похоже, довольно занудная дама.

Алан Стэнвик, сын Марвина и Элен Стэнвик, Нонхиган, Пенсильвания. Колгейт колледж, диплом бакалавра искусств. Капитан военно-воздушных сил США. Двадцать четыре боевых вылета. Награжден «Пурпурным Сердцем». Выпускник Уортон Бизнес Скул.

К моменту обручения — помощник вице-президента коммерческого отдела.

Первого января в экономическом разделе отмечено, что Алан Стэнвик назначен ответственным вице-президентом «Коллинз Авиэйшн». Старик Коллинз сначала хотел увидеть, получится ли из парня дельный руководитель, а уж потом решать, брать ли его в зятья.

В апреле Алан Стэнвик объявил о получении «Коллинз Авиэйшн» многомиллионного правительственного контракта.

Свадьба состоялась в июне в особняке Коллинзов. Биографии молодоженов повторены, но нет упоминания о родителях Стэнвика. Шафером был Берт Эберхарт, окончивший Колгейт вместе со Стэнвиком.

Стэнвик... Стэнвик... Джоан Стэнвик... Общество поклонников классической музыки... Благотворительный вечер в «Рэкетс-клубе» в пользу Общества ежегодно, в октябре. Джулия Стэнвик родилась в марте через год после свадьбы. Все очень пристойно.

И вот что любопытно. Миссис Алан Стэнвик тут, миссис Алан Стэнвик там, миссис Алан Стэнвик везде: на ленчах, обедах, вернисажах, коктейлях. А затем то ли ее активность пошла на убыль, то ли журналисты потеряли к ней интерес. Последнее маловероятно, учитывая, что она урожденная Коллинз и обладает фотогеничной внешностью.

Скорее всего в последние шесть месяцев она редко появлялась в обществе.

Ну, миссис Стэнвик... почему вы покинули нас... в тридцать лет?

Джон Коллинз на яхте «Коллетт» ежегодно участвует в океанских гонках. Стэнвик у него штурманом. Яхта никогда не выигрывала, никогда не занимала призовых мест. Да, в семье Джона Коллинза любят не только теннис, но и плавание под парусом. Очень богатая семья.

Алан Стэнвик становится членом исполнительного комитета «Рэкетс-клуба». Последние три года является его казначеем.

Алана Стэнвика принимают в Городской клуб. Он произносит речь с призывом к полиции вернуться к пешему патрулированию. Ключевая фраза: «Лишившись машин, полицейские станут ближе к народу». Ему отвечают начальник полиции, мэр. Люди слушают Алана Стэнвика.

В следующем году в своей речи в Городском клубе Стэнвик защищает шум реактивных двигателей на заводах «Коллинз Авиэйшн».

Стэнвик хвалит «Г-111». Он — за них. Летает на «Г-111». Стэнвик испытывает специальное оборудование, разработанное для частных самолетов, летающих в условиях Крайнего Севера, на Аляске.

Стэнвик с ведущими американскими журналистами, пишущими об авиации.

Стэнвик, Стэнвик, Стэнвик... все одно к одному. Я понимаю, почему Джон Коллинз взял его в зятья. На нем нет ни единого пятнышка. А если б и были, за исключением убийства, я сомневаюсь, что наш стерильный журнал поведал бы о них...

Зазвонил телефон.

— Я так рад, что ты позвонила, — буркнул Флетч в трубку.

— Флетч, ну когда я услышу от тебя что-либо приятное. Например, что ты повзрослел?

— Клара, дорогая, у тебя такой умиротворенный голос. Ты уже кого-то уволила?

— Честно говоря, да.

— Кого же?

— Одного малого из городской хроники. Он называл кому попадя, задавал глупые вопросы и представлялся сотрудником «Ассошиэтед Пресс».

— Неужели? Это ужасно. Я всегда говорю, что работаю в «Кроникл газет».

— Меня это не удивляет.

— Как ты его поймала?

— Он позвонил в посольство Франции в Вашингтоне и попросил произнести по буквам слово élap¹. Мы получили счет.

— Ты, оказывается, скряга.

— Он признался.

— И ты все же уволила его.

— Мы не потерпим такого поведения. В АП возмущаются.

— О боже. Больше я никогда ни в чем не сознаюсь.

— Флетчер, нам надо поговорить.

— Ты готова?

— Предлагаю встретиться за ленчем. В кафетерии. Не забудь обуться.

— Ты не хочешь пригласить меня куда-нибудь?

— Я не могу показываться с тобой в обществе. Ты так одет, что нас не пустят даже в забегаловку.

— Если бы я получал, как Фрэнк...

— В кафетерии, во всяком случае, все поймут, что я сижу рядом с тобой ради интересов дела.

— Никто тебя не вынуждает. У меня полно работы.

— Нет, нам надо кое-что обговорить, Флетчер. В том числе твою «Бронзовую звезду».

— Мою «Бронзовую звезду»?

— Увидимся наверху. Обуйся.

ГЛАВА 5

Клара Сноу заказала сэндвич из ветчины, салата и помидоров на поджаренном хлебце. Когда она впила в него зубами, Флетч подался назад, словно опасался, что заодно она проглотит и его.

— Просвети меня, Клара, я всегда хотел узнать об этом, но все не удосуживался спросить: каков наш главный редактор, Фрэнк Джефф, в постели?

— Флетч, почему ты меня не любишь?

— Потому что ты не знаешь, что творишь, и ни черта не смыслишь в журналистике.

— Я начала работать в газете куда раньше тебя.

— Ну да, спец по кулинарным рецептам. Ты не понимаешь, что такое горячие новости, не отличаешь сенсационного материала от обычной текучки, не представляешь, как создаются сенсации и что их движет.

— Не скрыта ли причина твоей нетерпимости в том, что я женщина? — кратко спросила Клара.

— Я не могу сказать, что не терплю женщин. Скорее, наоборот.

— Тебе с ними не очень-то везет.

— Моя главная ошибка в том, что я продолжаю жениться на них.

— А они подолжают разводиться с тобой.

— Мне наплевать, что ты спишь с главным редактором. Но я не могу смириться с тем, что ты стала редактором, моим редактором только потому, что спишь с ним, хотя ты совершенно не годишься для этой работы и, могу добавить, абсолютно в ней не компетентна. Спи с Фрэнком, если тебе этого хочется. Все средства хороши, лишь бы этот мерзавец был в меру трезв и спокоен. Но ты поступила бесчестно, приняв в постели должность редактора, не имея на то никаких оснований.

Скулы Клары пошли пятнами румянца. Она вгрызлась в сэндвич.

¹ élap — порыв (франц.)

— Какой принципиальный, — наконец ответила она, посасывая через соломинку кока-колу. — Можно подумать, что ты пропустил хоть одну девчужку на пляже.

— Это другое дело. Я готовлю статью. Ради нее я готов на все. Поэтому я внес пенициллин в мой расходный счет.

— Неужели?

— В графу «Телефонные переговоры».

— Наши отношения с Фрэнком касаются только нас, и тебе не должно быть до них никакого дела, Флетчер.

— Прекрасно. Я не возражаю. Только не трогай меня и, главное, не лезь в мои материалы, подготовленные к публикации. Ты обкорнала мою статью о разводах и выставила меня полным идиотом.

— Я сочла нужным внести изменения, а тебя не было в редакции. Я не смогла связаться с тобой.

— Благодаря тебе статья стала однобокой. Будь я адвокатом по разводам, я подал бы на автора в суд. Ты подставила меня и газету под судебный иск. Если исходить из напечатанного, я выгляжу профаном, не способным разобраться в сути проблем.

— Я пыталась связаться с тобой.

— Не касайся моих рукописей. Ты понятия не имеешь, что творишь.

— Хочешь кофе?

— Не употребляю стимуляторов.

— Но тем не менее, Флетч, нам работать вместе.

— До тех пор, пока ты не сочтешь, что накопленных против меня фактов достаточно для моего увольнения?

— Возможно. А теперь скажи мне, как обстоят дела со статьей о наркотиках на пляже?

— Можно сказать, что наркотики там есть.

— Много?

— Если взять конкретную полосу пляжа, то много.

— Сильные наркотики?

— Очень.

— Кто эти люди?

— Их можно разделить на две группы. Первая — бродяги, бездомные странники, которые не могут обосноваться на одном месте. Некоторые из них просто любят солнце, но они не задерживаются на этом пляже. Те, кто остается, наркоманы. Они знают, что могут получить там хороший, качественный товар. Кое-кому из них под сорок лет. Другие, вроде Бобби, гораздо моложе.

— Расскажи мне о Бобби.

— Боже, ты, оказывается, слушаешь. Бобби пятнадцать лет, блондинка, с прекрасной фигурой.

— Ты с ней живешь?

— Ей же надо на кого-то опереться.

— Пятнадцать лет! И ты еще смеешь упрекать меня!

— Она пришла с парнем старше меня. Из Иллинойса. Отец у нее — дантист. Влюбилась в этого парня, увидев его в уличном кафетерии, собрала рюкзак и ушла с ним. Когда она окончательно пристрастилась к наркотикам, он смылся. Она стала наркоманкой еще до нашей встречи.

— Как ты за нее платишь?

— Из расходного счета. Графы «Завтрак» и «Ленч».

— Ты не боишься закона, Флетч? Ей же только пятнадцать.

— Если нет жалоб, закон спит, как праведник.

— Правило Флетчера, да?

— Вторая группа — местные подростки. Они приезжают после школы в размалеванных «фольксвагенах» с досками для серфинга и покупают товар на папашкины трудовые денежки. Как и следовало ожидать, полиция далеко не безразлично их увлечение наркотиками. Во всяком случае, одного из этих ребят, Монтгомери, забирают каждую неделю и увозят с пляжа. Его отец — большая шишка в городе. Но он появляется снова, побитый и улыбающийся.

— Почему подростки приезжают именно на этот пляж?

— Потому что там продают наркотики.

— Кто их продает?

— Старый бродяга, которого зовут Ватсаина. Думаю, ему никак не меньше тридцати пяти. Как ни странно, у него добрые глаза. Худой, как скелет. Местные подростки прозвали его Толстяк Сэм.

— Почему ты не сдаешь статью, если тебе так много известно?

— Потому что я не знаю, каким образом попадают наркотики к Толстяку Сэму. Не сходятся у меня концы с концами. Вроде бы он постоянно сидит в своей лачуге. Я следил за ним десять дней. Но он лишь продавал, продавал, продавал. Я знаю, где он хранит товар. У него тайник в выбоине пляжной стены. Когда прошел слух, что запасы Толстяка Сэма подходят к концу, я тридцать шесть часов не спускал глаз с тайника. Толстяк Сэм не покидал пляжа. Никто не подходил к тайнику. Но через тридцать шесть часов у него вновь появились наркотики. И торговля пошла без всяких ограничений. Я ничего не могу понять.

— Ты проглядел курьера, вот и вся загадка.

— Благодарю.

— Ты занят этим делом уже три недели.

— Не так уж и долго.

— Почему бы не использовать то, что есть? За-

крыть торговое предприятие Толстяка Сэма?

— При чем тут Толстяк Сэм? Через месяц все начнется сначала. Будь ты настоящим журналистом, Клара, поняла бы, что нельзя давать статью, не установив, кто снабжает наркотиками Толстяка Сэма.

— Мы должны где-то остановиться. То есть тот, кто передает наркотики Толстяку, сам где-то их получает. Или ты хочешь проследить всю цепочку до Таиланда или Пакистана?

— Возможно.

— У тебя есть фотографии Толстяка Сэма, продающего наркотики?

— Да.

— Давай их опубликуем.

— Ни за что. Ты получишь статью, когда она будет готова. По моему убеждению, цель журналиста состоит совсем не в том, чтобы засадить за решетку мелкую сошку, вроде Толстяка Сэма. Тем более что он будет на свободе максимум через двенадцать часов.

— Фрэнк волнуется.

— Успокойте его — твоя забота.

— Жаль, что не могу заказать себе сладкое.

Флетч ел клубничное пирожное с кремом.

— Ты не выполнил моего указания, — продолжала Клара. Флетч спокойно дожевывал пирожное. — Я не разрешала тебе приезжать сюда. Во-первых, мы хотим, чтобы ты оставался на пляже, пока не закончишь статью. Во-вторых, тебя могли раскрыть. Тот, кто снабжает наркотиками Толстяка Сэма, мог следить за тобой. Если он видел, как ты садился в «альфаромео» или... как там называется твоя машина, чтобы поехать в «Ньюс-трибюн», можно считать тебя мертвым.

— Хорошее пирожное. У меня «MG».

— Что?

— «MG».

— Я не понимаю тебя.

— Моя машина. Марка «MG».

— Ясно. Тебя могут убить.

— Сначала я привезу тебе статью.

— Ты полагаешь, что можешь вернуться на пляж?

— Безусловно.

— С тобой ничего не случится?

— Поедем вместе, и ты все узнаешь сама.

— Нет уж, спасибо. Но вот о чем я подумала, Флетч.

Надо связаться с местной полицией и сообщить, кто ты, чем занимаешься на пляже.

Флетч положил вилку на стол и бросил на Клару испепеляющий взгляд.

— Если ты это сделаешь, Клара, то умрешь раньше меня. Это я тебе гарантирую.

— Мы отвечаем за тебя, Флетчер.

— Вот и отвечайте, черт бы вас побрал! Ты никому ничего не скажешь! Никому и ничего! О боже, ну зачем я согласился поговорить с тобой, ты же круглая идиотка!

— Хорошо, Флетчер, успокойся. Люди смотрят.

— Плевать мне на них.

— Я не буду звонить в полицию... пока не буду.

— Не только в полицию, вообще никому не звони.

Если мне понадобится помощь, я найду к кому обратиться.

— Хорошо, Флетчер. Хорошо, хорошо, хорошо!

— Ты просто дура.

— Теперь последний вопрос... твоя «Бронзовая звезда».

— Что с ней?

— В твоё отсутствие редакцию осаждали не только орды склизов адвокатов, нанятых дюжиной твоих бывших жен. Звонили с военно-морской базы.

— И что?

— Ты награжден «Бронзовой звездой».

— Давным-давно.

— Ты не получил ее.

— Совершенно верно.

— Почему?

— Ей не место в ломбарде.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все эти побрякушки в конце концов оказываются там.

— Не понимаю, почему.

— У тебя нет разведенных жен.

— Ты должен получить «Бронзовую звезду».

— Никогда.

— Все уже решено. Церемония состоится в следующую пятницу, ровно через неделю, в кабинете командира военно-морской базы, и ты придешь туда в костюме, галстук и ботинках.

— Какого дьявола ты лезешь в мои личные дела? Это не личное дело. Ты — И. М. Флетчер, ведущий журналист «Ньюс-трибюн», и мы хотим, чтобы в субботу ты застенчиво улыбался с первой полосы нашей газеты.

— Ни за что.

— Улыбаться ты будешь. Командир обещал нам полное содействие, даже согласился дать своего фотографа.

— Нет.

— И мы передадим этот материал во все интернациональные агентства, чтобы весь мир узнал о твоих подвигах и скромности, из-за которой ты столько лет не получал этот высокий знак отличия. Мы никому не

скажем, что истинная причина кроется в твоём разгильдяйстве.

— Я не успею закончить статью о наркотиках.

— Ты отдашь мне все материалы вместе с фотографиями в следующий четверг, в четыре часа. Статья пойдет в воскресенье с маленькой сноской, в которой будет отмечено, что ее автору, журналисту «Ньюс-трибюн» И. М. Флетчеру в пятницу вручили «Бронзовую звезду».

— Ничего у вас не выйдет.

— Фрэнк так решил. Издатель с ним согласился.

— Мне все равно. Я возражаю.

— Тогда придется вспомнить о неповиновении. Ты не выполнил моего указания и приехал сюда.

— Я этого не сделаю.

— Хватит, Флетчер. В четверг, к четырем часам, ты сдаешь статью. В пятницу, в десять утра, являешься на военно-морскую базу. Иначе ты уволен. И меня это нисколько не огорчит.

— Еще бы.

— Ты самодовольный наглец.

— На мне держится тираж!

— Ты меня слышал. Спасибо за то, что обулся к ленту.

— Я пришел босиком.

ГЛАВА 6

— Флетчер, это Джек Кэрредайн. Я пытался дозвониться до тебя, но ты, видимо, ушел на ленч.

— Я был в кафетерии.

— Я кое-что узнал об Алане Стэнвике, но, прежде чем поделиться с тобой, хотел бы выяснить, для чего нужна эта информация. Экономический отдел должен быть уверен, что ее используют по назначению.

— Естественно. Я вас понимаю. — Флетч переложил трубку к левому уху и схватил ручку. — Дело в том, что мы готовим большую статью о наших согражданах, застрахованных на весьма крупные суммы, с указанием причин, побудивших их на этот шаг.

— Алан Стэнвик застрахован на большую сумму?

— Да. Очень большую.

— Похоже на правду. Он взвалил на себя немалую ношу. Кто получит страховку?

— Вероятно, его жена и дочь.

— Мне кажется, у них и так полно денег. Правда, они — основные держатели акций «Коллинз Авиэйшн», которой руководит Стэнвик, и его смерть временно приведет к падению их стоимости.

— Точно, — согласился Флетчер. — Так что вы раскопали?

— Ну, как я тебе сказал, он управляет «Коллинз Авиэйшн». Исполнительный вице-президент с тех пор, как женился на Джоан Коллинз. Его тесть — президент и председатель совета директоров, но всеми делами ведаёт Стэнвик. Ожидается, что через два-три года он станет президентом. Его тестю еще нет шестидесяти, но он предпочитает участвовать в гонках под парусом и организовывать теннисные турниры. Похоже, он полностью доверяет Стэнвику.

— Как идут дела корпорации?

— Превосходно. Курс акций, хотя они и не продаются, очень высок. Точнее, никогда раньше они не оценивались так дорого. В прошлом году их владельцы получали крупные дивиденды. Считают, правда, что у корпорации слабовато управляющее звено, но это не так уж важно, когда руководитель молод и энергичен. Вероятно, через несколько лет команда Джона Коллинза начнет уходить на пенсию, и Стэнвик заменит их своими людьми. Ему это не составит труда, потому что он знает всех и вся.

— Хочу задать глупый вопрос.

— Я привык к ним.

— Чем занимается «Коллинз Авиэйшн»?

— Они разрабатывают и изготавливают различные самолетные узлы. Другими словами, они не производят самолетов, но поставляют кресла пилотов, детали двигателей, приборы системы управления и так далее. Чтобы идти в ногу со временем, они создали аэрокосмический филиал, разрабатывающий элементы конструкции орбитальных аппаратов. При Стэнвике филиал сильно разросся. Похоже, этот симпатичный, знающий, располагающий к себе молодой человек умеет выбивать контракты для своей корпорации. Кто-то сказал, что он тверд, но ненавязчив.

— И какова стоимость такой корпорации?

— Ну, Флетч, я не очень-то понимаю твой вопрос. Корпорации — не дома, имеющие определенную цену. Стоимость корпорации определяется суммарной стоимостью ее акций на бирже в текущий момент. Она имеет немалый доход, обеспечивая выплаты держателям акций, заработную плату сотрудникам...

— Дайте мне цифру.

— Если принять «Коллинз Авиэйшн» за дом, скажу, что она стоила бы полмиллиарда долларов. Никак не меньше.

— Кому принадлежит корпорация?

— Коллинзы — Джон, его жена и дочь — владеют пятьдесят одним процентом акций.

— Однако.

— Они очень богаты. Разумеется, акции распределены по различным фондам и благотворительным ор-

ганизациям, но, когда дело доходит до голосования, все они становятся Джоном Коллинзом. Должен добавить, что, помимо этого, семья Коллинзов вкладывает свои деньги в «Коллинз Авиэйшн» через банки Бостона.

— Фи. Почему Бостона?

— Ты не очень-то в этом смыслишь, не так ли, Флетчер?

— В деньгах — нет. Я их слишком редко вижу.

— Бостон — Швейцария Америки. Там полным-полно тихих, не бросающихся в глаза банков.

— Я думал, там полно фасолок.

— Ты не одинок в своих заблуждениях.

— Как можно стать таким же богачом, что и Коллинз?

— Если б я знал рецепт, думаешь, я сидел бы в этой газете? Окончив Гарвард в начале тридцатых годов, он сам проектировал и изготавливал самолетное оборудование в арендованном гараже на Фейрбанкс-авеню. Полученные патенты начали приносить деньги. Все очень просто. Каждый может пройти тот же путь. Говорят, что он очень спокойный, скромный человек. Не забывает своих друзей. Большая часть остальных акций принадлежит друзьям семьи. Все они также богаты. Коллинз жертвовал большие суммы Гарварду, Фонду по борьбе с раком, Медицинскому...

— Фонду по борьбе с раком?

— Всего он передал им десять миллионов.

— Недавно?

— Взносы делались регулярно в течение ряда лет. Стэнвик — идеальный зять для Коллинза, учитывая, что у него нет сыновей. Из скромной семьи в Пенсильвании. У его отца — магазин скобяных товаров.

— Он еще жив?

— Наверное. А почему ты спрашиваешь?

— Его родители не приезжали на свадьбу.

— Возможно, не могли себе этого позволить. Посчитали, что поездка им не по карману.

— За них мог бы заплатить Стэнвик.

— Они могли отсутствовать по множеству причин: болезнь, дела, опять же деньги. Да откуда мне знать?

— Продолжайте.

— Стэнвик всегда хорошо учился и легко сходил с людьми.

Победитель турнира «Золотые перчатки» в Пенсильвании, в Колгейте переключился с бокса на теннис. Проходя службу в ВВС, много летал, сейчас майор запаса. Окончил Уортон Бизнес Скул третьим в своем выпуске, а Уортон, если тебе это не известно, котируется ничуть не ниже Гарварда. Поступил на работу в отдел сбыта «Коллинз Авиэйшн», и сбыв немедленно возрос. В двадцать шесть или двадцать семь лет перепрыгнул на место вице-президента и женился на дочери босса. С какой стороны ни взгляни, замечательный человек.

— Словно сошел с картинки.

— В это трудно поверить, не так ли? Но такие люди есть. Безусловно, малый честолюбив, но в этом нет ничего аморального. Он прошел долгий путь, и все его любят.

— Между прочим, а как вы все это узнали?

— Я думал, ты никогда не спросишь об этом. Биржевой маклер Коллинзов — Билл Кармичел. Мой партнер по гольфу. Сын одного из приятелей Джона Коллинза. Отец умер, и Билл занял его место. Он и Стэнвик стали близкими друзьями. Стэнвик брал его в свои полеты. Они вместе играют в теннис и сквош. Билл искренне привязался к Стэнвику. Кстати, он говорит, что Стэнвик по-прежнему влюблен в Джоан Коллинз, что бывает далеко не всегда.

— И никаких романов на стороне?

— Насколько известно Кармичелу, нет. Между нами говоря, только кретин будет волочиться за юбками в его положении. Как знать, что скажет Папа Коллинз, если Стэнвика вышвырнут из супружеской постели?

— У Стэнвика есть свои деньги?

— Практически нет. Свои сбережения он вкладывает в ценные бумаги через Кармичелу, но на сегодняшний день накоплено около ста тысяч.

— Сущие пустяки.

— Дом на Бермэн-стрит покупала Джоан Коллинз, хотя владельцами указаны оба. Кармичел считает, что дом стоит примерно миллион долларов. Стэнвик оплачивает из своего жалования содержание дома и прочие семейные расходы, поэтому его сбережения не так уж велики. Содержание такой семьи обходится недешево. Между прочим, их дом на Бермэн-стрит соседствует с помещением Коллинзов, выходящим другой стороной, ты только представь себе, на Коллинз-стрит.

— Другого дома у него нет?

— Нет, но его тестю принадлежит дом в Палм-Спрингсе, Аспене и Антибе. Молодые пользуются ими, когда захотят.

— У Стэнвика собственный самолет?

— Нет. Зато «Коллинз Авиэйшн» располагает тремя реактивными лайнерами «Лир» с пилотами. Стэнвик, если ему нужно, летает на них сам, чтобы сохранить форму и подтвердить звание в резерве ВВС.

Продолжение следует.

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА.

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ИТОГИ 30-й ОЛИМПИАДЫ

В 30-й шахматной олимпиаде «Смены» приняли участие более пяти тысяч любителей шахмат нашей страны и других стран. В огромной редакционной почте вместе с ответами на задания и комментариями к задачам и этюдам содержатся читательские отзывы о проводимом журналом соревновании, различные пожелания и критические замечания. Мы благодарим участников олимпиады за интересные предложения и полезные советы, которые по возможности постараемся учесть.

Анализ читательских писем показывает высокий уровень мастерства участников олимпиады. Более двухсот из них успешно справились со всеми заданиями. Как правило, это «старожилы» шахматных олимпиад. Многие из них прошли путь от новичка до второразрядника именно в наших заочных соревнованиях. И в этой олимпиаде более шестисот участников смогли впервые выполнить разрядные нормативы либо повысить свои спортивные разряды по шахматам. Просим всех тех, кому требуется справка о выполнении разряда, написать в редакцию журнала (в письме следует указать имеющийся разряд по шахматам и год его присвоения).

Победителей олимпиады пришлось выявлять по дополнительным показателям. В заданиях некоторыми участниками были обнаружены подводные рифы: нерешаемость этюда № 1 из 12-го тура (при этом был найден и авторский замысел), а также дуаль в одном из вариантов пятиходовой задачи из 14-го тура. По условиям соревнования указание подобных дефектов не дает дополнительных очков, но учитывается при определении сильнейших.

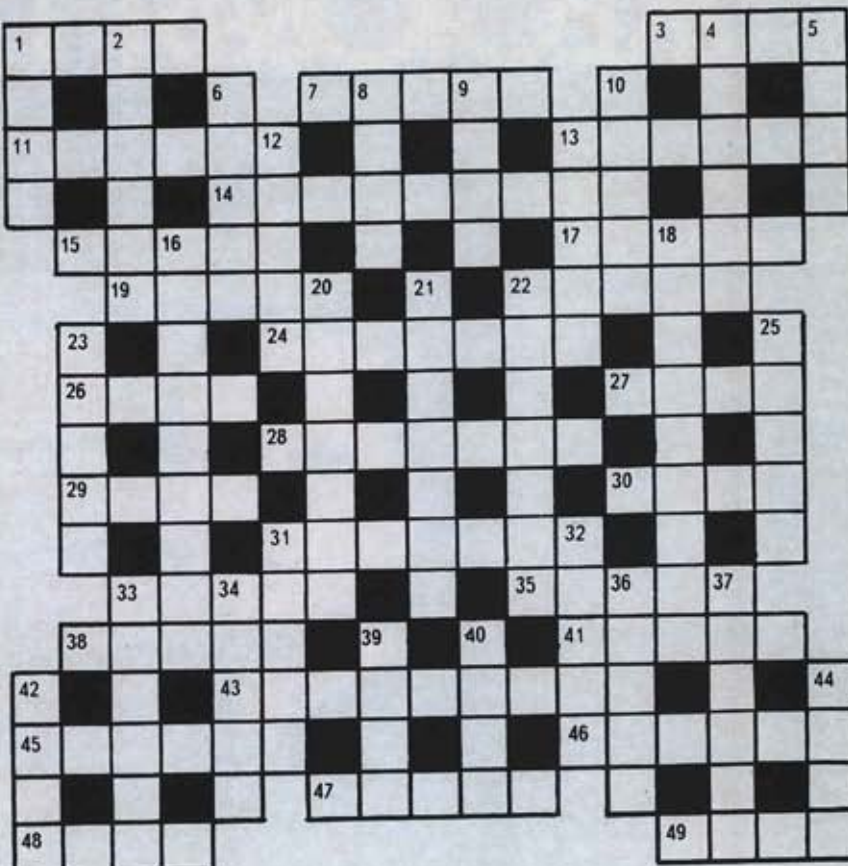
Победителями 30-й шахматной олимпиады стали: начальник планового отдела **Н. Анциферов** (Барнаул), инженеры **Б. Боронин** (Москва), **Д. Красиков** (Ростов-на-Дону), **Л. Радченко** (Харьков), **Н. Фицак** (с. Сивка Калужской обл.), инженер-строитель **В. Васильев** (Свердловск), инженер-механик **З. Гареев** (г. Заинск, Татарская АССР), инженер-металлург **С. Станкевич** (Челябинск), врачи **Н. Варченко** (г. Миргород Полтавской обл.), **А. Харламов** (Рязань), фельдшер **М. Власов** (п. Беляево Пермской обл.), учитель средней школы **М. Германов** (с. Чаши Курганской обл.), ветеран Советской Армии **И. Кваша** (Новочеркасск), электрик **В. Коннов** (п. Правдинск Горьковской обл.), пенсионер **Л. Лямин** (Ялта), экономист **В. Макушкин** (Москва), машинист экскаватора **В. Маркин** (п. Подъячево Московской обл.), преподаватель **Ю. Осовской** (г. Тотьма Вологодской обл.), механик **М. Стрельников** (Новоалтайск), оператор **О. Сытник** (г. Северодвинск Архангельской обл.), мастер цеха **А. Федоров** (Ленинград), научный сотрудник **А. Хандурин** (Харьков), фрезеровщик **О. Чернов** (Чебоксары), строитель **Н. Чистяков** (Омск), студентка **И. Шевченко** (Днепропетровск).

Всем победителям будут вручены дипломы «Смены» и призы.

Редакция журнала поздравляет победителей и желает им новых успехов в наших соревнованиях.

КРОССВОРД

Составил В. Корнилов, Серпухов

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Серый хвастунишка из сказок. 3. Самая древняя из полевых трав. 7. Вдохновенное создание Р. Леонавалло. 11. Русский архитектор, сотрудник М. Казакова. 13. Почти каждый персонаж одной из ранних пьес М. Горького. 14. Страна, химикам которой издавна присуща четкость и ясность изложения в научных работах. 15. Пришелец. 17. Русский физиолог и токсиколог. 19. Сильно метет и очень холодно (явление). 22. Бельгийский художник, известный изображением масок на своих картинах. 24. Европейский город с Олимпийским музеем. 26. Современная «азотная бомба». 27. Аквариумная рыбка, которую в СССР первым привез С. Образцов. 28. Выдающийся советский генетик, побывавший в труднейших экспедициях в 52 странах. 29. Наносная почва, желтозем. 30. Собачка,

которую умеет вовремя погладить Молчалин в комедии А. Грибоедова «Горе от ума». 31. Сорт пирожного. 33. Шапочка, в которой народ бегал по Риму в день смерти Нерона. 35. Самая крупная из ржанок. 38. Административно-территориальная единица. 41. Действовать на... (раздражать, расстраивать). 43. Один из двух художников, привлеченных И. Репиным к написанию этюдов, а затем и части портретов в картине «Заседание Государственного совета 7 мая 1901 года». 45. Цветок, до сих пор растущий на бывших барских усадьбах. 46. Декоративное растение из Мексики для садовых клумб. 47. Учреждение, которое сравнивают с «камерой хранения» детей. 48. Трехликое светило. 49. Ткань. Беленую обычно называют прлотном.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Животное, латышский символ зла, ума. 2. Американская ящерица, пожирающая других ящериц. 4. Энергетик, начальник строительства Днепрогэса. 5. Сибирское название крутого берега. 6. Культура, приносящая зеленый корм, зерно, сено, силос. 8. Город на Роне, где работал Ван Гог. 9. Металл, при недостатке которого в пище человек становится карликом. 10. Родственный фарфора. 12. Искусство ления. 13. Римская богиня с прозвищем Авентина (по холму, где стоял храм). 16. Русский «гений перевода». 18. Французский революционер, которого А. Пушкин назвал «сентиментальным тигром». 20. Нравоучение, выговор. 21. Драчун, задира. 22. Переходный период от последней стадии каменного века к бронзовому веку. 23. Ин-

струмент, на котором хорошо играл художник Р. Фальк. 25. Старинное название девочки. 31. Крупнейший русский художник, которого В. Стасов в одном из писем назвал «негодным декадентом». 32. Рыба, догоняющая макрель, хотя скорость плавания у них одинаковая. 33. Самый большой флант среди куриных птиц. 34. Японская мушмула, из семян которой делают суррогат кофе. 36. Один из героев в романе Л. Толстого «Анна Каренина». 37. Животное, в которое Цирцея превратила каждого из спутников Одиссея. 39. Одно из основных выразительных средств в чечетке. 40. Предмет слепого поклонения. 42. Полуостров, название которого с ненецкого переводится как «конец земли». 44. Первая фаза в образовании волн.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

1. Запятаки. 5. Обухова. 10. Бочка. 14. Турникет. 15. Ермолова. 16. Число. 18. Орда. 19. Молот. 20. Иприт. 21. Фунт. 25. Острог. 26. Радиоло. 27. Брюква. 31. Жених. 32. Вяземский. 35. Икар. 37. Вече. 38. Дагерротипия. 39. Ирод. 41. Лето. 42. Баронесса. 43. Титан. 49. «Еретик». 50. Баритон. 51. Пещера. 54. Ерга. 55. Атака. 57. Каюта. 58. Цена. 60. Анкер. 62. Стендаль. 63. Скрижаль. 64. Нимфа. 65. Увалень. 66. Шоколад.

По вертикали:

2. Афродита. 3. ...ящик. 4. Коенон. 6. Берлин. 7. Хром. 8. Вдовушка. 9. Утконос. 11. Офит. 12. Кули. 13. Завтрак... 16. Чорон. 17. Ополчение. 22. Гомер. 23. Гиллярский. 24. Архив. 28. Пикадор. 29. Юстиция. 30. Ливий. 31. Жакоб. 33. Йемен. 34. Зенон. 36. Черепашка. 40. Дания. 41. Лакец. 44. Реверси. 45. Редрайв. 46. Комар. 47. Серенада. 48. Каналь. 52. Эталон. 53. Стекло. 56. Анри. 57. Кейф. 59. Удел. 61. ...шило...

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1498) ОКТЯБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САУШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Оформление
Владимира ЗАЙЦЕВА
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 04.09.89.
Подписано к печати 15.09.89.
А 00361. Формат 70 × 108¹/₁₆.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 1175.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

АЛЕКСАНДР МАМИН:

ЖЕСТОКАЯ ТУСОВКА

Время для интервью было выбрано крайне неудачно: Саша вернулся с концерта группы «Пинк Флойд» взбудораженный и злой:

— Слово нищий мальчишка у витрины магазина игрушек. Смотрит, не может наглядеться и понимает: этого у него не будет НИКОГДА. Свет, звук, спецэффекты, и все — на высочайшем уровне. А я... аппаратура плохая, все время разная. Не слышу сам себя во время выступления, срываю голос... Попробовали бы они поработать в таких условиях!

— Они бы, наверное, не стали.

— Конечно! Они профессионалы. А у нас нет профессионалов. Есть хорошие исполнители, а профессионалов — нет.

— Почему?

— Наши нью-менеджеры стремятся заработать, ничего не вложив. Так не бывает. Это халтура. А я не хочу халтурить, я хочу сделать крутое шоу.

— Тебе помогает то, что ты работаешь под эгидой «Театра песни» Аллы Пугачевой?

— Я член ее семьи.

— «Семьи» по-сицилиански?

— Мафии? В каком-то смысле — да. Алла Борисовна не только по-прежнему самая крутая на эстраде. Она — бизнесмен. Ее семья — это стена. Теперь меня трудно обидеть.

— А раньше обижали?

— Еще как! Десять лет назад я приехал из Свердловска в Москву и попал в жестокую тусовку. Пел в ВИА, «группах», потом — в «рок-группах», и везде руководители диктовали мне свою волю. Я был слабым.

— Теперь ты сильный?

— Я понял, что музыкант, художник не имеет права быть слабым. Униженный музыкант перестает жить в музыке. Да, теперь я сильный.

— Как ты жил в Свердловске?

— Сначала был простым советским пионером. Поступил в железнодорожное ПТУ, проучился четыре дня. Был воспитанником военного оркестра. Учился в студии эстрадного искусства. Служил в армейском ансамбле...

— Свердловск — город высокой рок-культуры. Ты уже там полюбил эту музыку?

— Я мечтал петь в Уральском народном хоре. Рок для меня не существовал. Какие-то странные чужеземные голоса выкрикивают что-то непонятное...

— Но теперь ты считаешь себя рок-певцом? Какое направление рок-музыки тебе ближе?

— Просто рок. К каждой песне надо подобрать свою одежду. Одна хороша в металлической кольчуге, другая — в романтических кружевах.

— Ты всеяден?

— Нет, иногда мне приносят песню, я понимаю — это шлягер, но не мой. Чувство хита — в подсознании.

— Есть формула: архитектура — это застывшая музыка. Попробуем ее перевернуть: музыка — это «растаявшая» архитектура. Какое здание ты хотел бы создать: избу, храм, небоскреб?

— Город. Целый город, в котором будут и храмы, и старенькие деревянные дома с палисадниками, и новостройки, и грустная память о снесенных кварталах...

— Вы с Раймондом Паулсом готовите новую программу. Как работаете с министром?

— По-моему, ему обрыдло министерское кресло. Паулс мне доверяет, ничего не навязывает, иногда, конечно, подправляет. Хорошо работается.

— И последний вопрос. Может быть, самый сложный, а может, самый простой: для чего ты поешь?

— Я давно понял: смысл жизни в том, чтобы получать кайф от того, что ты делаешь. Я получаю.

